

ЧАША КРУГОВАЯ

*литературно-
художественный
альманах*

№ 18

Издательство «АсПур»
Екатеринбург
2019

ББК 84 (Рос=Рус)4
Ч-29

Редакционная коллегия:
А. Б. Кердан, А. Б. Титов.

В восемнадцатом выпуске литературно-художественного альманаха Ассоциации писателей Урала, помещены стихи и проза, переводы и критика писателей Урала, Западной Сибири, Поволжья и гостей альманаха.

ISBN 978-5-904900-27-4

© Ассоциация писателей Урала, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

И пробуждается поэзия во мне...

Надежда МИРОШНИЧЕНКО	6
Владимир КУРБАТОВ	10
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ	16
Андрей ПОПОВ	20

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Елена ГАБОВА	
Зайцева Нина из Зайцева Поля	25
Елена КОЗЛОВА	
На острове Родос	32
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	
Славный парень Ян	45
Екатерина НАГОВИЦЫНА	
Везунчик	54
Нина ОБРЕЗКОВА	
На семи лодках	56
Сергей ПАВЛОВ	
Из жизни окурков	64
Юрий ПАВЛОВ	
Кто ищет, тот найдёт!	67
Алексей РЫКОВ	
Мама	80
Петр СТОЛПОВСКИЙ	
Полет над гнездом оркестра	86
Око на ладони	89

Рифма, звучная подруга...

Александр СУВОРОВ	92
Лариса ДЕГТЯРЁВА	94
Александр ПОПОВСКИЙ	96
Наталья НИКОЛЕНКОВА	98
Максим СЕРГЕЕВ	99
Лана ШАНГИНА	101
Валерий ФОКИН	104
Ольга МАРКОВА	107
Анжела БЕЦКО	108

Владимир КОРНИЛОВ	111
Андрей НОВИКОВ	113
Андрей РАСТОРГУЕВ	115
Сергей СИМАНОВ	118
Александр РАЕВСКИЙ	120
Юрий КУКСИН	121
Нина ЯГОДИНЦЕВА	124
Александр КЕРДАН	128
Племя младое, незнакомое	
Роман ПОПЛАВСКИЙ	134
Анастасия НИКОЛЕНКО	137
Алиса ТУЛЬЧИНСКАЯ	139
Анастасия ВИТЮКОВА	140
Илья ПОПЕНОВ	141
Элина УЛЬЯНОВА	142
София МАКСИМЫЧЕВА	143
Лев ЛЕБЕДЕВ	145
Михаил ЧЕРВЯКОВ	145
Анна МАМАЕНКО	146
Даль свободного романа	
Арсен ТИТОВ	
Про Митьку	148
Меж ними все рождало споры	
Алексей ПАНИН	
Край поэтов и солдат	163
Княз ГОЧАГ	
Неслучайный попутчик	166
Арсен ТИТОВ	
Жди тебя и будет уже рыдать...	168
В гостинной встреча новых лиц	
Сергей АРУТЮНОВ	177
Игорь ГУРЕВИЧ	181
Ольга ВОРОБЬЁВА	185
Александр ОРЛОВ	187
И назовет меня всяк сущий в ней язык...	
Елена АФАНАСЬЕВА	191
Иоганн-Вольфганг ГЁТЕ	193
Николоз БАРАТАШВИЛИ	194

Иосиф ДЖУГАШВИЛИ	196
Мария ВАГАТОВА	196
КАГУЛИ	197
КСЕНОФАН	197
ПЛАТОН	198
Любовь АНУФРИЕВА	198
Наира СИМОНЯН	204

И шутка в желчь пополам...

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

Расплата за душевный комфорт	206
Смертельный удар	207

Друзья, прекрасен наш союз!

Хроника Ассоциации писателей Урала	210
Об авторах	212

И пробуждается поэзия во мне...

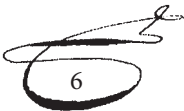

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

КОМИ ЗЕМЛЕ

Андрею Попову

Упаси меня, Бог, от завистливых дум
И от мести меня упаси!
Упаси меня, Бог, от нацеленных дул.
От всего, что сейчас на Руси!
Только в Коми земле и стоит благодать.
Только в ней – тишина и покой.
А, считай, до войны-то – рукою подать.
И до новых могил над рекой.
Я люблю эту землю. Её забытьё
И её первозданную ширь.
Я люблю эту землю: и сёла её,
И воскресший в тайге монастырь.
Не забыть мне цены за сегодняшний день.
За дорогу – аж до Воркуты!
Я люблю наших сосен глубокую тень
И снегов голубые холсты.
Упаси меня, Бог, от предательских глаз
И от гнева меня упаси!
Вот и пробил он – этот негаданный час –
Испытать, кто нам друг на Руси.
Ой, ты, Север, мой Север, идут холода.
Да земля под ногами гудит!
Пусть не гаснет Полярная наша звезда!
Пусть любовь нас спасёт, как спасала всегда!
Пусть на нас вся Россия глядит!

КОГДА МЫ С ПУШКИНЫМ ВДВОЁМ...

Когда мы с Пушкиным вдвоём молчим о счастье,
Он думает о Натали, а я – о Толе,
Не говорите, что к Нему я не причастна.
Вы не поймёте всё равно. А он бы понял.

Когда мы с Пушкиным вдвоём молчим о жизни,
Он – о России, и о ней я тоже,
Так лучезарны мысли об Отчизне,
Что – кровь по жилам. А мороз – по коже.

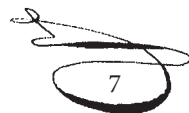
Когда мы с Пушкиным вдвоём молчим о смерти,
Он не боится помолчать об этом.
А я боюсь. Она – как ложь в конверте,
Как лето, исчезающее в Лету.

И потому я возвращаюсь часто
К молчаньям нашим, как к причастью, что ли.
Когда мы с Пушкиным молчим о счастье,
Он думает о Натали. А я – о Толе.

* * *

Памяти Анатолия Федулова

Этот мальчик не умел целоваться даже.
Как смущённо он краснел в доме трёхэтажном.
Как дарил он мне цветы, их считая блажью!
Ну и что? А разве ты не такой была же.
Как сказать он мне посмел: «Выходите замуж».
И женился. И жалел. Да чего уж там уж...
Как он рвал календаря листики бумажки!
Ну и что? А разве я не такой была же.
Хорошо, что наяву это. Не приснилось.
Он ушёл. А я живу, как ему молилось.
Стынет сердца полынья без него на свете.
Говорю: «Дождись меня. Вот окрепнут дети...»

Жизнь короче, чем пролог. И длинней, чем память.
Как предчувствовать он мог всё, что будет с нами.
Потому со мною здесь есть любовь во имя!
Вот, что может жизнь поднести. Смерть что не отнимет.

* * *

В провинциальной спячке Сыктывкара
Я собирала силу для удара.
Пока ж делили по старинке недра,
Я поняла, что главное – не это.
А недра переделают после схватки,
Когда устроят новые порядки.
И лишь крестьяне не томили душу,
Они не знали, что такое хуже.
Они не знали, что такое лучше.
И жили, как всегда – на всякий случай.
И знали, что без них на этом свете
Погибнут навсегда и те, и эти.
И обошлась тогда я без удара
В провинциальной спячке Сыктывкара.

ПО РУССКОМУ ТРАКТУ

Василию Воронову

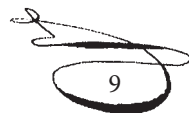
Да если бы мы хоть единожды сосредоточились
И глянули в глубь, и открылась бы нам глубина,
И вспомнили заново наши пресветлые Отчества,
По русскому тракту прошли б мимо нас Времена.
Прошли бы цари и крестьяне, прошли бы острожники,
Где каждому имени выпали крест и звезда.
И ластились к ним бы родные мои подорожники,
Дорог постояльцы, приставшие к нам навсегда.
Прошли б скоморохи и гении, и провокаторы.
Блаженные с шальми тоже бы с ними прошли.
И чтоб генералы прошли вперемежку с солдатами.
И вспомнить – зачем? – чтоб мы с вами при этом смогли.
Да если бы мы распахнули в окошках Вселенную,

Какая от нас не отводит встревоженных глаз,
А после взглянули б на Родину благословенную
В её роковой и всегда непредвиденный час!
Не «абы-кабы» нам пришло в нашу голову грешную,
Не наше «авось», и не наше «пошли-ка вы на...»,
А матери наши в надеждах своих безутешные
И русские песни, пронзившие все времена.
И гнев, и гордыню, и зависть мы б в стыд переплавили
И пламенем сердца зажгли смотровые огни.
И что нам враги, мы б обратно домой их отправили,
Как было всегда, когда к нам приходили они.
Так вспомним же заново наши пресветлые Отчества
И памяти нашей натянем суровую нить!..
Да если бы мы хоть единожды сосредоточились,
То больше и не о чем было бы нам говорить.

ЧЕРТА

Понимаете, всё происходит внезапно.
Ты не знаешь, когда это должно случиться.
Я тебе говорю: «Может, встретимся завтра?»
Но уже подошла синий вечер Жар-птица.
И уже горизонт распахнул свои двери:
«Проходи на завалинку. Не беспокойся».
Я тебе говорила, что люди и звери
Иногда однозначны. И ты их не бойся.
Я тебе говорила, что реки и речи
Иногда однозначны, лишь вслушайся в звуки.
Ну зачем ты опять мне беспечно перечишь?!
Я уже научилась полёту разлуки.
В этих волнах серебряных птиц окрыляли.
В этом небе родник в ясных звездах купался.
Я тебе говорила, чтоб мы побывали
В проходной горизонта. А ты побоялся.
Я тебе говорю: «Может, встретимся завтра?»
Ну сегодня никак мне не освободиться!..
Понимаете, всё происходит внезапно.
Но уже подошла синий вечер Жар-птица.

ОТЦОВСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Мой старый двор...
Но всё теперь в нём ново.
Лишь я вошёл – жильцы настороже.
Назвал себя – не знаете такого?
Мы жили здесь,
на первом этаже...

Ещё не знают
и уже не помнят.
И я к деревьям повернусь лицом,
к деревьям, что смотрели в окна комнат,
к деревьям, что посажены отцом.
И будет миг пронзительно печален,
когда качнётся ветка под птенцом,
и я пойму:
они меня узнали –
деревья, что посажены отцом.

ЗАБОРЫ

До чего постарели заборы!
Стали доски темнее земли.
Незаметны на досках узоры,
что древесные соки сплели.

Не осталось от краски последней
ни пятна, ни полоски какой.
О, какой в горьком мареве летнем
здесь царит лопуховый покой!

Где смородина рдела когда-то
и черёмуха рьяно цвела –
лопухи... Что осталось от сада?
Ничего – вот такие дела.

Я иду по заросшей тропинке
в мельтешении узких теней,
и уже не могу без запинки
вспомнить все повороты на ней.

Схватит грусть и мгновенно отпустит.
Мне не память подскажет – чутьё,
что по этой земле в Златоусте
лихо бегало детство мое.

В новых улицах нету соблазна:
вкруг домов никакой городьбы.
И стоят они разнообразно,
и растут они, словно грибы.

Новостройки взбираются в горы,
Птицы радуются щебеча.
А заборы... Да есть и заборы –
из бетона да из кирпича..

ДЕТИ

Дети растут.
Вопреки и без помощи.
Всё перепутали нам и себе.
Всех перессорили – те ещё овощи.
Кто они в нашей нескладной судьбе?
Ученики?
Бунтари?
Привередники?
Или бойцы запасного полка?
Или того горемыки-наследники,
что не растрчено нами пока?

Жаль, нет для времени
касс сберегательных.
Время летит – хоть ты стой на часах!
Ёкнет ли сердце от взглядов взыскательных?
Что мы творили у них на глазах?!

Что мы отныне расскажем хорошего?
Чем поклянёмся?
Покаемся чем?
Всё начинается в прошлом, а прошлого
словно и нету сегодня совсем.

Дерзкими названы,
трудными названы,
взрослым внимающие на бегу,
нам они были бы многим обязаны,
не были б мы перед ними в долгу.

ВЫБОР

Нас пониманье вдруг берёт в полон
и в ключья рвёт однажды убежденье,
что зеркала нужны для подтвержденья
того, что ты и молод, и умён...
Какой там молод? Молодость ушла
в тугие зёрна поросли зелёной,
умноженной, а значит, разделённой
надежды на грядущие дела.
...Давным-давно со мной случился миг,
которого на свете не бывает:
вот зеркало моё запотеваает
и прячет блик, и растворяет лик.
Пот высыхает, возвращая свет...
О, это чудо или наважденье?
Передо мной не просто отраженье,
но отраженье через много лет.
«Ты узнаёшь меня?»
«Да, узнаю.
А ты меня?»
«Я знал, к кому являлся.
Я жизнь прошёл – ты позади остался,
но ты пройдёшь, однако, жизнь мою.
И я хочу помочь тебе, хочу
предостеречь от нескольких ошибок...»

«О нет, не надо, я не так уж хлипок,
и мне ошибки будут по плечу!»
«Ты им, увы, не ведаешь цены.
Чего достиг ты и добился, чтобы
опровергать мой, собственно, твой опыт?
Твои удачи будут солони.
А дальше – что?»
«Чего-нибудь добыюсь».
«Добился бы, когда б меня послушал.
Я потому ход времени нарушил,
что за тебя, наивного, боюсь».
«Ты говоришь, не ведаю цены.
Однако я не ведаю и ставок.
А что, скажи, цена твоих поправок?
А вдруг они – проделки Сатаны?»
«Как посмотреть, ведь Бог и Сатана,
как жизнь и смерть, на свете двуедины.
Не веришь мне – поверь в мои седины...»
«А всё-таки поправкам что цена?»
«Ну что – цена? Ей можно пренебречь.
Любовь и дружба – разве это плата
за славу, что сиятельнее злата,
за обеща́нья множественных встреч?
За свет удач, за вечный праздник, за...»
Он говорил, но я уже не слушал.
Он говорил, но мне сдавило душу
и сжало сердце. Я закрыл глаза,
и всё пропало, время потекло
и словно растворило наважденье.
Открыл глаза, а вместо отраженья –
всё в трещинах зеркальное стекло.
Теперь живу и десять раз на дню
раздумываю и понять стараюсь:
неужто я когда-нибудь состарюсь
и всё на свете переоценю?
Неужто путь мой неисповедим?
Но, может, зря я вижу тут порочность –
так я себя испытывал на прочность
пред очень важным выбором своим?

* * *

Забудешься и побредёшь рассеянно,
как будто бы в завесе дымовой,
по той тропе, которая засеяна
давным-давно травую-муравой.
И вот она почти по пояс выросла,
и тщетно бьётся, тщетно бьётся в ней,
шарахаясь меж правдою и вымыслом,
прохладный ветер памяти моей.
Нет ничего щемящего, знакомого.
Споткнусь и догадаюсь: не к добру.
Услышу песню – не пойму, о ком она,
поскольку слов уже не разберу.
Но ничего, я не поддамся панике.
Пуускай уходят годы, как вода,
но никогда я в жизни не был маленьким,
и здесь я не был тоже никогда.
Зачем прохладным ветром снова дунуло?
Здесь даже пыль – тяжёлая, как ртуть.
...Быть может, детство мы себе придумываем?
Придумываем, чтоб передохнуть?..

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Нагнусь и сорву одуванчик,
вгляжусь в лепестки и пойму:
мой дом – это солнечный зайчик,
взорвавший вселенскую тьму.

Живу и доволен юдолью,
и счастлив почти оттого.
Пусть дом мой накроют ладонью,
а что там, под ней? – ничего!

Но солнце мелькает, мелькает,
и между дворцов и хором –
то вот он, а то пропадает
мой тёплый сияющий дом.

ГЛАВНЫЙ ФАКТ

Когда мне очень не везло,
я жил работой, и бывало,
что выручало ремесло
и от хандры меня спасало.

Оно меня спасало тем,
что лишь уйдут в работу руки,
ко мне приходят ритм и темп
и перемальвают муки.

Весёлое гуденье мышц
не ошибётся ни на йоту.
И обратится чувство в мысль,
а мысль – в работу.

О, как ритмично дышит грудь!
И понимаешь: в мире тленном
труд, труд и труд – вот жизни суть,
всё прочее – второстепенно.

Второстепенность ссор, разлук,
обида ближней или дальней
под каждый взмах горячих рук
всё явственнее и реальней.

Пусть это даже и не так.
Не так... Но если стало легче,
то остаётся главный факт:
работа лечит.

ВЕЧЕР

Вечер такой, будто время – излишество.
Вот уже сколько минут
медленно дышится, медленно слышится,
медленно тучи плывут.

Ей пристало ль томиться в тенётных углах,
Где прищепки вцепились навечно в верёвку,
За ненужностью брошенные впопыхах.
Где прабабкина шляпка, выдавшая виды,
Где старинный, окованный медью сундук,
Где за век позабывший любовь и обиды,
Разжиревший от мух и от мошек паук.
Что же с нею, с треклятою нежностью, делать?
Без неё одиноко и сердце саднит...
Как ни руки, ни ноги не могут без тела,
Так без солнца и месяца – ночи и дни.
Что же с нею – поющей ли, плачущей – будет,
Если в пыльном комоде на полке лежать,
Коль одни только серые мыши, не люди,
Будут слышать, смотреть на неё, осязать?
«Я ...снесу на чердак...» –
Ах, Мартынов, Мартынов!
Ветром душу верни в тот далёкий из дней,
В тот, где строкам твоим никогда не остынуть –
Враз пропитанным нежностью терпкой моей!

* * *

Июльский ветер мне метёт – путь...
Марина Цветаева

Нет, я б не спорила с собой, нет!
Когда бы видела вдали свет,
когда бы знала я, куда путь,
и в чём ночных моих дорог суть.
Июльский ветер шаловлив, он
срывает с губ и прочь несёт стон.
Колышет листья и ворчит вслед,
что лучшей жизни впереди нет.
Что нечего мне впереди ждать,
что всё, чем грежу, как в ночи тать,
На что надеялась – пустой бред,
что он совсем не для меня – свет.

За что же, ветер, ты со мной груб?
Не иссушить тебе моих губ.
Не испечалить, не лишить сил,
и ты бы лучше был со мной мил!
Июльский ветер – не зимы стынь,
ты лучше звёзды мне к ногам кинь,
по млечной стёжке мне пройти дай!
А там уж, после, и вослед лай...

* * *

...Ни мечтанья, ни пророчества,
Ни лихого сна канва,
Ни пустое одиночество,
Ни студёная молва –
Не итожит и не множится,
Не пугает, не претит,
Счастье глупое тревожится,
Всё болящее – болит.
Задувает ветер в форточку,
Штор полощет паруса.
Отдохни, присядь на жёрдочку,
Подоспевшая весна.
Распутай ворон на тополе,
Растопи последний снег,
А потом отправься во поле,
Унося звенящий смех.
Отпусти его на волюшку,
Крылья тонкие не мни,
И не кликай злую долюшку,
И страданья не мани.
Ветер марта торопыжистый,
Не ершись, не колотись.
Дай вдохнуть весенней свежести,
Дай другой увидеть жизнь...

* * *

Поэт молчит,
Слова сжимают душу,
Сжимают жизнь.
И надо слушать... Слушать!
И слышать –
Слышать
Тонкий переход
От жизни к слову.
И наоборот.

Поэт молчит..
А празднословья ветер
Безудержно
Гуляет по планете,
Несёт пургу душевной шелухи –
Трескучий вздор,
Ничтожные стихи.

И даже пастырь
В комнате алтарной
Записывает свой стишок
Бездарный,
Чтобы поэта хлопнуть по плечу:
– Молчишь, поэт?
А я вот не молчу.
Мои стихи читают хором дети
И премию
«Всё сказано на свете»
Вручили мне
Торжественно вчера
За лёгкий слог и брызги от пера.

Поэт молчит,
А про себя рассудит:
– Хорошие мне – слава Богу! – люди

Встречаются.
Прощают мне грехи.
Но чёрт их дёрнул сочинять стихи,
Когда не слышат
Тонкий переход
От жизни к слову –
И наоборот.

* * *

Царство Божие не для пьяниц,
Знаешь, русский мой человек,
Больше нашего пьёт испанец,
Пьют прилично поляк и грек.
Но о нас говорят с укором,
Что мы пьём с тобой день-деньской,
Потому что спим под собором,
Хмель тяжёлый смешав с тоской.

А в соборе иконы, ладан,
Свечи, служба – спасенья ковчег.
Надо встать! Царство Божие рядом.
Встанем, русский мой человек!

* * *

Еще одна деревня умерла,
Уехали и старики, и дети.
Ушел народ искать свои дела,
Без дела-то нельзя на белом свете.
Кто в Сыктывкар подался, кто в Квебек.
В район соседний. Или за три моря.
Не проживает больше человек
В деревне древней на реке Печоре.
У человека планы и расчёт,
И он упрям, и многое умеет.
Он целый мир однажды обретёт,
Но на деревню став душой беднее.

ЗИМНЯЯ ДРАКА

Зимы у нас на Вычегде долгие. И темны.
Можно привыкнуть к снегу. Видеть десятые сны.

Можно ловить налимов. Хоть я не ловлю – мороз.
Можно листать брошюру «Шейный остеохондроз».

Можно вернуться в прошлое – в мыслях. Пить в тишине.
С Бродским вчера подрался зачем-то в десятом сне.

Сдался мне этот Иосиф?! Классик средней руки!
Разве за это дерутся? Разбивают очки?

Вижу Нью-Йорк и воздух я нервно глотаю ртом,
И у меня нет визы, только Пушкина том.

Вижу, совсем не Вычегда – устье реки Гудзон.
Бродский шагает навстречу... Очень тяжелый сон...

Наверное, это возраст. Или идёт циклон.

* * *

Солнце споткнется о времени край, как об порог.
Март остаётся зимою. Сон не найдёт покой.
Вижу во сне, как падает птица, вянет цветок.
Вижу ночное небо и звёзды над головой.
И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы путь кривой,
Чтобы понять, никого нет рядом – и я один.
Только ночное небо и звёзды над головой.

Время споткнётся о солнце – снова придёт весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звёзды над головой.

ГРИБНЫЕ ДОЖДИ

Человек говорит соседу,
Что снова дождь –
Никакого лета нет,
Что смыло дороги,
Только лужи одни –
И к дому-то не пройдёшь...
– Не пройти, – говорит.
Но думает он о Боге.

Он о смерти думает,
Что когда-то умрёт,
Что, покинув тело,
Пойдёт под дождём босая
По глубоким лужам душа
Хоть какой-то брод
Отыскать на небо –
Размыло пути до рая.

Отвечает сосед,
Что скоро пойдут грибы,
Надо в лес сходить –
Взять отгул,
Например, во вторник.
Человек кивает,
А думает: дождь судьбы
Богом не предначертан,
Что Феофан Затворник
Объяснял: к спасению
Всех призывает Бог,
Хоть предвидит
Всю глухоту и свободу мира.
Человек произносит:
– Нет у меня сапог.
– Сапоги нужны, – говорит сосед. –
Будет сыро...

* * *

Пока мы разбирали сны и думы,
Их, если честно, вряд ли разберёшь,
Купили наше время толстосумы.
И сразу оптом. И почти за грош.

Скупили и молчание, и слово,
Движение столетий и минут,
И нефтяное поле Куликово,
И речку детства, и знакомый пруд.

Понадобилась им любая малость –
Все продано. Всему дана цена.
И лишь душа, как сирота, осталась.
И лишь душа... Кому она нужна?!

Она столичной никогда не станет –
Прок от неё выходит небольшой.
И тратиться не стали.
В глухомани
Живи себе с непроданной душой.

Встречай с ней утро и заката пламя,
Делись с ней неизбывною виной:
Купили наше небо с облаками.
Скупили наши звёзды – до одной.

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Елена ГАБОВА

ЗАЙЦЕВА НИНА ИЗ ЗАЙЦЕВА ПОЛЯ

Я, Зайцева Нина Герасимовна, сорок пять лет, русская, служащая, рационализатор. Рост сто шестьдесят сантиметров, вес пятьдесят семь килограммов, глаза бурые, волосы иссиня-черные. Была Зосимовой и Титовой. Закончила техникум. Мать-одиночка. Племянница Стульчиковой Фаины Григорьевны.

Я родилась и тридцать лет прожила в маленьком поселке при почтовом ящике ОГ/333 на севере нашей родины. Зима тут длится девять месяцев, забеременеешь в снег и родишь в снег. «Лето у вас было? Было, только в тот день я работала». Вот такие тут погоды, дорогие друзья. Поселок наш назывался Зайцево Поле. Потому я, Зайцева Нина, и родилась здесь. Тут рождаются все люди, которые впоследствии становятся Зайцевыми. Замечу, что в здешних лесах действительно много зайцев, жирных, пушистых, с быстрыми, черными, без ресниц, глазами. А поле около поселка одно, там сажали картошку, а зайцев с косыми темными глазами я не видела, и почему это поле называется Зайцевым, я не в курсе, дорогие товарищи. Наверно, назвали его очень давно, еще до Великой Октябрьской Социалистической революции, пламенной, незабываемой, с темными, косыми, без ресниц, глазами.

В этом картофельно-зайцевом поле, на зеленых травяных межах, разделяющих грядки поселковых жителей, мы играли в детстве с мальчишками в разные задумчивые игры. Одна из них заключалась в том, что мальчишки просили нас, девочек, снять трусики и показать им наше потайное местечко. Девочки не соглашались, и мальчишки бегали за нами, ловили. Как-то поймали меня, повалили на травку и сняли трусики, выцветшие, с дыркой на попе. Они только посмотрели, не сделав ничего плохого. Сразу ушли. Я плакала, и девочки смотрели на меня издали и боялись приблизиться. Как будто я стала заразной. И девочки, и мальчишки сторонились меня примерно месяц. И только один мальчик, задиристый, курносый, с веснушками на носу Ванька Пипуныров встретившись в поселке, краснел, опускал голову и вежливо здоровался: «Здорово, Нинка!»

Ванька Пипуныров утонул в восьмом классе. Но я знаю, что это неправда, просто болтовня, дорогие товарищи и господа.

Однажды по телевизору был репортаж из Китая. И там показали одного необычного китайца из провинции Сычуань. Так вот этот китаец – примерно сорокалетний, невысокий, толстоватый, – был с веснушками на носу. Китайцев с веснушками не бывает, наоборот, поэтому нос этого китайца показали крупным планом. И я сразу узнала Ваньку Пипунырова! Значит, вовсе он не утонул! Он сбежал или уехал в Китай, и стал там полноправным китайцем! А китайцы и не знают, что детство их соплеменник провел в Зайцевом Поле и что он проделывал со мной запретную штуку посреди картофельных кустиков.

Мой отец, Зосимов Герасим Григорьевич, был секретарем партийной организации подразделения девятого лагерного отделения. Герасим Григорьевич росту был небольшого, плотный, синеглазый, русоволосый, румяный мужчина с зычным голосом. На лбу сидела коричневая бородавка. Помню, эту бородавку я всегда принимала за пуговицу, думала, зачем пуговица на лбу? Спросить у папы стеснялась. А потом решила в пять лет: мозги застегивает. Папа был ветработник, управляющий совхозом. Очень умный серьезный человек, почти без юмора. Он не то чтобы не смеялся, не улыбнулся ни разу в жизни, во всяком случае, я его улыбки не помню. Любил табуретку. Простую, кухонную, советскую табуретку, выкрашенную в зеленый цвет. Сидел только на ней, широко расставив ноги и шевеля их пальцами. Переносил табуретку в комнату перед тем как включить телевизор. Включал «Горизонт», усаживался на табуретку, руками упирался в ее середину, ноги в стороны, шпагатом. Корпус наклонен вперед. Целый вечер так телевизор смотрел, иногда тоскливо раскачивался.

Однажды мама, Антонина Николаевна, мыла окна и поставила на табуретку таз с водой. Отец как раз пришел с работы, увидел это, зыркнул на маму глазом, светлым, злым, прищуренным, и выплеснул воду из таза на пол. А таз надел маме на голову. Я испугалась, заплакала, и с тех пор обходила папину любовницу стороной. Ни разу на нее не присела. Табуретка мстила. Однажды по дороге в комнату я оглянулась. И увидела, что табуретка корчит мне противные рожи и ее левая ножка намеревается дать мне под зад... Насмехалась табуретка не только надо мной. Мама ставила ее под стол, чтобы в тесной кухоньке образовалось больше пространства, но табуретка на коленках нагло выползала оттуда, противно ухмыляясь своим мыслям. Интересно заметить, что когда мой папа, ветработник, секретарь парторганизации, умер, скончалась и табуретка. Гроб вынесли на улицу и поставили на две табуретки, папину – под голову и другую, обычную – под ноги, так вот, папина – хрясь! – развалилась у всех на глазах. Гроб упал, и папа вздрогнул в гробу, красном, узком, с кружавчиками по краям, и выпростал из-под покрывала руки, бледные, с синими ногтями. Я подумала, ему стало больно от падения, и он ожил. А ведь я уже взрослая была, приехала на похороны из Сызрани. Скорее принесли от соседей другую табуретку, а ту, сломанную, положили в гроб папе, и он сразу успокоился, умер снова. Так что папе есть на чем сидеть на том свете. Там он ее починит.

Моя мама в молодости имела цыганскую внешность, была смуглая, кареглазая, темноволосяя, с маленьким носом. Я на нее похожа, только глаза у меня не черные, а бурые. Мама была добрая бесхитростная русская женщина, работала в поселке Зайцево Поле за-

ведущей клубом. Тогда все ходили в клуб на танцы. Народу было много, и танцевали допоздна. Мы жили тогда бедновато, мама одевалась скромно. Платок на плечи, тапочки на ноги, но все равно красивая русская женщина. На танцах познакомилась с моим отцом, Зосимовым Герасимом Григорьевичем, который танцевал плохо и никогда не улыбался, а теперь лежал в гробу с обнимку с табуретными ножками.

Там же, в Зайцевом Поле, жила не замужем папина сестра Стульчикова Фаина Григорьевна, моя родная тетя. Она походила на своего брата Герасима: здоровая, рослая, пышная, русоволосая, синеглазая, румяная, простая и мужественная женщина. Помню ее с блестящей железной лейкой в руке. Она поливала сиреневые георгины после трудового рабочего дня. Лейка воду – фьють, фьють, струи переливались на солнечном свете, всегда разноцветные, лейка любила дикую морковь и норовила полить и ее, фьють, фьють, но Фаина Григорьевна не разрешала поливать сорняк, и за это лейка обливала ей загорелые крепкие ноги.

Стульчикова Фаина Григорьевна нравилась многим мужчинам в Зайцевом Поле. Ее любили и наши правители, на свидания с которыми она вылетала в разные места на специальных правительственных самолетах. Она родила тридцать пять человек детей, в том числе от наших правителей, от Мао Цзэдуна, от Валерия Глухарева. Она рожала каждый год, иногда двойняшек. И сдавала их в детские дома поселка Зайцево Поле, городов Папавска, Ижевска, Сызрани.

Валерий Глухарев был ее любимым мужчиной. Он, отбывая срока наказания в колониях, часто менял свои метрики: фамилию, имя, отчество, год рождения. Многие дети Фаины Стульчиковой учились на прокуроров и способствовали этому. Все их дети носили разные фамилии и отчества. Валерий Глухарев своей внешностью очень походил на русского художника Левитана, который жил, если вы помните, в прошлом девятнадцатом веке, а еще он походил на Рихарда Зорге и Валерия Чкалова. Взгляните на их портреты: ведь это одно лицо! Если вы согласитесь со мной, то подсчитаете, лет сейчас Глухареву около семидесяти. Несомненно, он знает секреты омоложения, ведь выглядит всего-навсего на сорок! Однажды я пришла к своей тете Стульчиковой Фаине Григорьевне попить чаю, а у нее дядя Валера Глухарев стоит перед зеркалом и мажется кремом. Подождал, пока крем «Янтарь» впитается в щеки и лоб, и остаток крема вытер полотенцем ровно через пятнадцать минут, как рекомендовалось в инструкции. Крем дядя Глухарев хранил в ванной комнате на полочке, стеклянной, тонкой, лучезарно вымытой. Однажды Стульчикова Фаина Григорьевна, моя родная тетя, прибиралась, тщательно мыла полочку жидкостью для стекла и, перепутав, положила вместо крема «Янтарь» зубную пасту «Лесная». Валерий Глухарев намазал зубной пастой лицо, холеное, круглое, красивое, как у актера, и даже не сняв пасту салфеткой, стал бегать за моей теткой с топором. Весь поселок Зайцево Поле слышал ее душераздирающие крики! А многие видели польхающее на солнце острое лезвие топора и сверкающее зеленой пастой лицо Глухарева. Помню, в детстве я смотрела французский фильм ужасов, так вот дядя Валерий Глухарев был очень похож на главного героя Фантомаса. К счастью, он не догнал мою тетю, ей помогли ноги, загорелые, крепкие, со светлыми волосками.

Кстати, не в кремах дело! Многие пользуются ими, в том числе и кремом «Янтарь», но всем далеко до молодости Валерия Глухарева!

Глухарев мог быть сущим ангелочком. Мою подругу Катю, простую, статную, с ко-сой ниже пояса, он соблазнил так: посадил на поляну, договорился с комарами, чтобы не ели красавицу, набрал ей букет лесной герани вперемешку с лютиками, прочел стихи из сборника Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная», и вот Катя лежит у него на груди. Но остерегайтесь, женщины мира, ибо характер у Валерия Глухарева жестокий. Он просто-напросто садист, скажу я вам, бандит и мошенник, по которому веревка плачет. Когда двадцать третьего февраля не помню уже какого года двадцатого столетия, я осталась с ним наедине у него на квартире, он, придя с работы выпивши, без всякой причины и даже не сорясь со мной, стал меня зверски избивать. Я думала, что живая от него не уйду. И он это проделывал со многими своими любовницами. Да, надо сознаться, он сделал меня своей возлюбленной и даже Фаине Григорьевне признался:

– Полюбил я твою племянницу.

– Полюбил, так разлюбишь, – ответила Стульчикова Фаина Григорьевна, несколько не осерчав.

Так и стало. Три года он любил меня, баловал конфетами «Мишка на севере», овсяным печеньем, которое доставлял из Москвы, яблоками и вином различного происхождения, водил в кино на последний ряд, а потом стал мучить побоями. Я сбежала от него, вспомнив предсказания моей родной тети!

От нее, Стульчиковой Фаины Григорьевны, Глухарев Валерий Иванович имеет дочь, работницу центрального телевидения в Москве Татьяну Веденеву, которая, вполне возможно, и не знает ничего о своих родителях. Надо раскрыть ей глаза! Несколько раз я пыталась написать ей на место работы, но Валерий Глухарев уничтожал мои письма! Дети Фаины Стульчиковой многие живут в Сызрани, а многие в Москве, как Татьяна Веденева, а еще в Нью-Йорке, Папаевске, Зайцевом Поле. Работают директорами, кадровиками, партработниками, полковниками, следователями, инженерами, врачами, психиатрами, гинекологами, работниками уголовного розыска, управляющими сбербанками, космонавтами, дикторами центрального телевидения (Татьяна Веденева). Не только Татьяна Веденева, но и многие другие не знают своего происхождения, так как воспитывались в детских домах, без родительской ласки и подарков. Но все-таки Стульчикова Фаина Григорьевна, как могла, проявляла о них заботу.

В сельсовете поселка Зайцево Поле она при мне брала справки для своих детей о том, что ее брат Зосимов Герасим Григорьевич был секретарем парторганизации. Увидев меня, она сказала: а вот и моя племянница, она подтвердит эти сведения, Зосимов Герасим Григорьевич ее отец. Я не поняла хитрости родной тети, так как тогда была еще слишком мала. Стульчикова Ф. Г. впоследствии сняла много копий с этой справки и раздала всем своим детдомовским детям. При их помощи они попадали в институты по льготам, вне конкурса. Среди них были дети Фаины Григорьевны не только от Глухарева, но и от наших правителей

– И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, Мао Цзэдуна... Оказыва-
ется, я с ними была в родстве, сама того не подозревая. Бедные дети выросли в детдомах.
Фаина Григорьевна и от отца моего имела двенадцать детей. Валентина Терешкова – дочь
Фаины Стульчиковой. Сорок лет я не знала о существовании моих двоюродных братьев
и сестер. Они росли рядом со мной, ездили в одном автобусе, ходили в одну школу в по-
селке Зайцево Поле и Синий Погост, а я ничего не подозревала. Хотя мне давали понять об
их существовании. Помню, подбежала ко мне какая-то женщина на школьной перемене и
говорит: приехала твоя тетя из Папаевска, Стульчикова Фаина Григорьевна, шестерых детей
сейчас сдала в детдом, пойдём, посмотрим. А я испугалась и убежала. А на другой день мы
пошли в детдом всем классом на экскурсию, но я не запомнила своих двоюродных сестер и
братьев, они были, как все другие дети, сопли у них такие же и чулочки в гармошку. Сразу
всех напрочь забыла, а это были будущие прокуроры, начальники уголовного розыска, ар-
тисты, врачи, депутаты государственной думы. Всех их родила Стульчикова Ф. Г., простая
советская доярка, о которой писали в местной газете «Ленинское знамя».

...В шестьдесят шестом году я с отличием окончила техникум. Я была тогда бесхит-
ростная, робкая, застенчивая, честная. Любила наряжаться, делать модные прически, хо-
дила на танцы.

Работала в совхозе в Зайцевом Поле с осужденным бригадиром-агротехником. Тогда
был хороший урожай капусты. Ночи белые, капуста знает себе сутками наливаются, влагою
напивается, воды в северной землице немерено. В моих рабочих числился Валерий Глуха-
рев, эки мне однажды сказали: «К Глухареву приехала женщина лет на двадцать старше его,
Стульчикова Фаина Григорьевна. Так любят друг друга!» Я тогда не поняла ничего и ляпнула
эку: «А у меня есть тетя Стульчикова Фаина Григорьевна». Не догадалась, что это она и есть.
Там же в моей бригаде отбывал срок наказания будущий президент Америки американец
Рейган. Мне эки показывали на него, говорили, запомни, вот это будущий президент-аме-
риканец, познакомься ближе, будет американский блат, в Америку будешь ездить в Белый
дом на лужайку. Я тогда не придала этому значения, заставляла Рейгана работать, как всех,
не нравилось ему капусту пропалывать. «Вот тебе это поле – видишь, на километр тянется,
это твое, пропалывай добросовестно. А то без обеда останешься». Полон, куда деться.

Мне было тогда двадцать лет. Рабочий Валерий Глухарев хотел обратить внимание
на себя. Однажды я была очень занята, составляла отчет. Он сел рядом, положив передо
мной финский нож убийцы и садиста. Я писала, не обращая на него внимания, только
спросила про нож:

– Зачем он тебе?

– А так, – буркнул в ответ.

Эта финка была нужна Глухареву для различного вида шантажа.

Где-то в пятьдесят седьмом году помню случай: я – маленькая рыжая девочка, застен-
чивая и робкая, с бурными зелеными глазами, носившая тогда кирзовые сапоги с блестя-
щими начищенными носками, стояла осенью. Рядом змеилась железная дорога. С другой

стороны параллельно железке лежала автомобильная дорога. Дальше высился лес. До райцентра Синий Погост было три километра. Поселок Зайцево Поле – за спиной. Катились по дороге красивые блестящие колеса с узором посередине – это были змеи, совершавшие свое путешествие таким вот образом. Я хотела подойти поближе, чтобы их рассмотреть, но стоявший рядом со мной зэк в простой черной одежде предостерег: отойди, не трогай, укусят. Возможно, это иностранная разведка поставляла змей Валерию Глухареву для шантажа наших руководящих работников и офицеров советской армии.

Когда Валерий Глухарев сел рядом со мной со своей финкой, узкой, длинной, коварной, я готовилась в первый раз выйти замуж за отрядного офицера Титова Игната Иваныча, голубоглазого блондина с кавалерийскими ногами, местного футболиста. Его после моей свадьбы споили. Я разошлась с ним, когда мне было двадцать пять.

После моей свадьбы с Титовым Глухарев стал водился с его сестрой Валею, молоденькой, хорошей, черноглазой, милой девушкой. Они пошли в клуб на танцы. Валею пригласил приезжий художник Александр. Глухарев подождал, пока закончится танец, и набросился на Валею, как лютый зверь. Он резал Титову Валею, нанеся ей шесть ножевых ранений знакомым мне финским ножом. Чтобы ее спасти, вызывали шесть профессоров из Москвы, за ее жизнь боролись шесть дней, ничего, спасли. Профессорам дали за это Ленинскую премию. Сейчас Валя Титова живет в Сызрани, заместитель директора банно-прачечного треста, крупный банно-прачечный деятель. Начальником медчасти лагеря работал сын Стульчиковой Фаины, Болдырев, двойник немца Хоннекера, он и вызывал всех кремлевских профессоров. Его жена, Ангелина Палкина, в молодости была киноартисткой в Австралии. В восемьдесят восьмом году по телевизору шел многосерийный фильм «Все реки текут», там она, Ангелина Палкина, играет главную роль. Я ее опознала. Зря она скрывает этот факт своей биографии, ведь играет очень хорошо, не надо стесняться.

...У меня всего двое детей. Когда я родила дочь Ксюшу весом в три с половиной килограмма, Валерий Глухарев поднял зону на ножи, диктуя свои условия. Ему продлили срок еще на три года. Я родила дочку Ксюшу, а позже узнала, что, оказывается, родила двойняшек. Двойняшку от меня скрыли, сразу куда-то унесли, оставили только Ксюшу. В сельсовете секретарь Варвара Тимофеевна дала мне подписать чистый лист бумаги, когда я оформляла пособие матери-одиночки. Двойняшку же оформил на себя Валерий Глухарев. Он мне сам в этом признался.

– Извини, Нина Герасимовна, – он меня уже по имени-отчеству звал, – одну твою дочку я присвоил. Я ее воспитываю в своем вкусе, а похожа она будет на тебя, цыганку-красавицу со светлыми глазами.

Он тогда уже из лагеря вышел и жил на бесконвойке. Мучил меня, не говорил, где спрятал двойняшку, я каждый день его пытала-плакала, свою Ксюшу забросила, в круглосуточный садик отдала, искала ее сестренку, весь район объездила, а нашла ее здесь, в Сызрани. Об этом позже еще скажу, дорогие товарищи.

Отцом моих двойняшек был Зайцев Павел Иванович. За этого Зайцева я выходила за-

муж в семьдесят шестом году двадцатого столетия. Но я помню его очень плохо, потому что Павел Иванович каждую неделю ездил в командировки, а когда возвращался, брал удочки, сети из-под нашей супружеской полной, как река, кровати, и шел ловить рыбу. Поймав рыбу, он сажал ее за стол, отчего все стулья были у нас в рыбьей слизи и чешуе. Вся рыба поголовно просила пить, и Павел Иванович поил ее водкой и компотом из черной смородины. Помню, одна рыбина захлебнулась компотом и умерла, а другие просто пьянели и тихо засыпали. Однажды Павел Иванович уехал в очередную командировку – в пустыню Невада – и более ко мне не возвращался. Уже потом я заметила, что удочки и сети тоже исчезли. Он взял их с собой. Этому обстоятельству я особенно удивлялась, потому что знала со школьных лет, что в пустыне нет рек и вообще нет воды, и очень переживала, ведь Зайцев Павел Иванович, грузный торжественный мужчина с нежным голосом Николая Сличенко, не сможет поймать там ни одной рыбки. А рыбачить он любил так же самозабвенно, как ездить в командировки. Бедный, так и пропал в американской пустыне.

Почему украденную двойняшку записал в свой паспорт Глухарев Валерий, который 23 августа 1989 года по улице Советской шел в форме сержанта милиции к остановке автобуса, я не знаю. Может, он просто хотел иметь от меня на память какую-нибудь вещицу, а вещицы никакой не было. Вот и присвоил мою, чужую для него, девочку.

На улице Минской нашего города опорный пункт милиции. Однажды я позвонила туда, надеясь, что там будет дежурить Валерий Глухарев. Я хотела снова попытаться у него про мою дочку-двойняшку. И вдруг мне ответил ее голос! Голос моей двойняшки! Голос был точно, как мой, тонкий, слабый, исключительно женский. Я разволновалась и стала часто туда звонить, требуя, чтобы со мной поговорила дочь. Трудность заключалась в том, что я не знала ее имени. Валерий Глухарев сознательно не сообщил мне об этом, садистки усугубляя мои страдания. В опорном пункте милиции по улице Минской трубку бросали. Я ходила туда, объясняла дежурному офицеру, что здесь работает инспектором моя дочка-кровавинка-двойняшка. Дежурные меня так ни разу к дочери не пропустили, прогоняли, как муху назойливую, осеннюю, с прозрачными крыльями.

Я эту свою двойняшку видела летом на пляже. У нее глаза бурые, точно, как у меня. У Ксюши же, ее сестры, серые, как у Зайцева. С Ксюшей все хорошо, она живет в Зайцевом Поле в панельном доме, сером, теплом, с батареями в стенах, у нее двухкомнатная квартира, мужа и детей нет. Я пошла за двойняшкой следом, когда она закончила загорать, уговаривая остановиться, посмотреть на меня внимательно, узнать во мне черты матери. Двойняшка убежала, но прежде несильно ударила меня пляжной сумкой по голове, когда я стала хватать ее за подол кофточка. Она закричала, что вызовет милицию, и меня заберут! Вы поймайте меня, дорогие товарищи, я потеряла покой. Жажда узнать жизнь двойняшки, жажда признать меня матерью, поглощает меня целиком. Я встаю утром и, выпив чашечку чая, густого, черного, бодрящего бегу к месту ее работы. Я вижу ее по утрам! Но боюсь подойти, опасаясь, что она исполнит свою угрозу, прячусь за кусточком небольшого роста. По автомобильной дороге около ее учреждения все также катятся

змеи, красивые, блестящие, с узором на спине. Валерий Глухарев продолжает свое черное дело. Я боюсь этих змей, помню, как предупреждал меня зэк – укусят! Укус змей ядовит, я помню это со школы.

Что же мне остается? Остается одно – обратиться с письмом к своей двоюродной сестре Татьяне Веденеевой, пусть мне поможет! Пусть двойняшка взглянет на меня внимательно! Я ей все расскажу! Я раскрою ей глаза на Валерия Глухарева! Как вы думаете, дорогие товарищи, Татьяна Веденеева согласится помочь? Если нет, напишу Валентине Терешковой. Или обращаюсь к своему двоюродному брату прокурору, заранее спрошу у Фаины Григорьевны Стульчиковой его имя. Фаина Григорьевна живет в поселке Зайцево Поле, как прежде, но иногда я вижу ее здесь, в Сызрани. Наверное, приезжает на свидания к Валерию Глухареву. Они, как и раньше, любят друг друга и рожают детей, будущих прокуроров, депутатов Государственной Думы, дикторов центрального телевидения. Я недавно встретила Фаину Григорьевну – катит коляску!

Елена КОЗЛОВА

НА ОСТРОВЕ РОДОС

Люблю ездить на поезде. Не спору, на самолёте быстрее. Из нашего города до Москвы – менее двух часов. Но как же долго потом ехать до центра! Досада берёт. А на поезде хорошо. Сел и скрипи себе, скрипи. Конечно, надо сутки ехать. Да это ли беда.

Ну а когда из Москвы домой... Доберусь до поезда, зайду в вагон, сяду, и как будто уже в Сыктывкаре. Ни за что больше не надо беспокоиться, до самого центра города довезёт. За сутки можно и выспаться, и почитать, и поговорить с кем-то от души, если разговорчивый сосед будет. А чего только не расскажут попутчики! О-о! Им ведь тоже надо времечко коротать. Многое потом забывается. Но иногда что-то крепко зацепит, и долго потом помнишь.

Однажды я рано приехала на Ярославский вокзал. Вот и родной поезд: Москва – Сыктывкар. Самая первая и зашла в вагон. Разделась, расположилась: переоделась, натянула спортивные штаны и футболку. Из кармана сумки вынула тапочки, думаю, пока никого нет, расставляю, как мне удобно, ведь не знаешь, какой попутчик будет. Лучше заранее всё подготовить.

За несколько минут до отправления в купе зашла кудрявая тёмно-русовая круглолицая женщина средних лет с открытым взглядом. Внимательно посмотрела на меня, дружелюбно поздоровалась. Состав тронулся, и я вышла из купе: не буду мешать, пусть располагается, как хочет. Перед глазами мелькали многоэтажные дома, деревья, машины.

Когда я устала стоять и зашла обратно, женщина уже сидела на своём месте и, как и я, смотрела в окно. Следом за мной в купе заглянула проводница, молодая женщина с то-

чёной фигурой, попросила билеты, оставила комплекты постельного белья. Снова оставшись одни, решили с Эльвирой (так представилась моя соседка) почаёвничать. Вместе собрали на столик, начали угощать друг друга.

Так и разговорились. Долго беседовали о самом разном: и о семье, и о работе, и про отдых вспомнили. Вот и рассказала она тогда историю, что меня сильно удивила и которую я уже никогда не забуду.

– У меня есть очень хорошая подруга по путешествиям, – так издалека начала свой рассказ Эльвира. – Ну и сейчас есть, бог с ней, жива и здорова, только мы с ней больше никуда вместе не ездим.

– Повздорили?

– Нет. Если сейчас увидимся, как старые добрые друзья будем говорить. Просто она в другой город уехала жить, на юг, на родину. А тогда мы с ней вместе работали. Как-то перед летним отпуском зашла я в бухгалтерию да за разговором и посетовала, что не с кем поехать на юг к морю. Мужа моего, царство небесное ему, уже не было в живых, дети взрослые, свои гнёздышки свили, и осталась я одна-одинёшенька. Сначала с подругой договаривались вместе поехать, но она, подумав, отказалась. Понятно, у неё своя семья. Пожаловалась так, а стоявшая неподалёку женщина, Лора, которая тоже заглянула туда по своим делам, услышала мои сетования и спрашивает:

– А когда ты едешь?

Сказала.

– О! А я, – говорит, – в это время буду в Краснодаре, к сестре еду отдыхать. Я к тебе приеду дней на шесть, ты забронируй комнату на двоих.

А мне-то как приятно! Недельку с Лорой поживу, в любом случае знакомая, а вторую неделю и одной можно. Так мы с ней и решили.

После этого мы с Лорой ещё дважды съездили вместе, даже за границу. Она небольшого роста, с аккуратной фигурой, красивым круглым лицом, с тёмно-серыми глазами, волосы густые цвета соломы, носит короткую стрижку. И очень с ней хорошо: не болтлива, не надоедает, а если разговориться, непременно что-то интересное расскажет. Во многих местах бывала, многое повидала, хорошо знает английский язык. Для меня она непроизвольно стала и инициатором поездок, и провожатым.

Муж у Лоры есть, но слишком уж домашний, никуда не ездит, сын тоже уже своей семьёй живёт. Так мы с ней и сошлись. Как только дело к весне, мы с ней голова к голове садимся и начинаем карту рассматривать, куда бы нам на этот раз съездить. Потом она и по интернету всё досконально посмотрит, она в этом деле очень шустрая.

Однажды она зашла ко мне на работу осенью и предложила:

– Давай съездим отдохнуть зимой. Столько свободных дней дают после Нового года – что будешь делать? Сиднем сидеть? Я нашла очень дешёвый отель в Греции, на острове Родос. Поедем в конце декабря, а девятого января уже дома будем.

– А муж тебя отпустит? Меня-то ведь держать некому.

– Отпустит.

Никакого желания ехать куда-то зимой у меня не было. Во-первых, Новый год я встречаю всегда со своими детьми, во-вторых, после замужества раза два только ходили на Новый год к матушке-свекрови, да один раз когда-то встречали Новый год у сестры. А так – дома.

Но Лора загорелась:

– Поедем, поедем!

Дня через два опять заходит, улыбается.

– Вот! Нашла по интернету дешёвые билеты. Кишинёвские авиалинии. Намного дешевле. Ну что?

– Ну, съездим, – покорно согласилась я. А что делать? Она же со мной ездит, когда я куда-то предлагаю.

– До Афин мы долетели хорошо, – дальше рассказывает Эля. – Правда, две загвоздки всё же были. Одна-то очень ещё и интересная, а вторую, в принципе, можно и потерпеть. Самолёт летит из Москвы не прямо до Афин, а через Кишинёв. Поэтому, наверно, и билеты дешевле. Высадили нас в кишинёвском аэропорту, сколько-то там продержали. Может, минут сорок. Опять просят сесть в самолёт. Один из мужчин с нашего рейса говорит: «Сейчас летим в Ларнаку». А я ему наперекор: «Какая Ларнака, мы в Афины летим». Следом кто-то ещё категорично подтвердил слова мужчины: нет, летим в Ларнаку.

Но как же так?! Наш самолёт, наш номер рейса. А мы вдруг летим в совершенно другое место? Причём и их спокойно регистрируют, и нас. Только после посадки в самолёт по бортовой связи объявили, что сначала летим в Ларнаку, а уже потом в Афины. Лора, оказывается, тоже не знала об этом. Говорит: «А я, мол, про себя очень удивлялась, почему мы по билету так долго летим из Кишинёва в Афины, ведь эти города довольно близко друг к другу. Только теперь всё стало ясно». А я внутренне даже обрадовалась, что на Кипре побываю, потом дома похвастаться можно. На деле видела я остров Кипр только в иллюминатор. Выйти нам не дали, хотя я и порывалась. Хоть, думаю, кипрского воздуха вздохну. Не разрешили.

А вторая загвоздка у нас уже в Афинах случилась. Прилетели туда вечером. А теплынь! Можно сказать, в середине зимы в лето попали. Восемнадцать градусов. Меня в пот бросило, пришлось сразу же куртку снять.

Лора пошла узнать, когда самолёт летит в Родос. Пришла грустная, мы, мол, опоздали уже на последний. Теперь только ранним утром следующий рейс будет.

Что ж, опоздали так опоздали. Из аэропорта ведь не выгонят. Вон как везде красиво, всё кругом чисто, уютно, просто блеск. Ночь там провести, конечно, было не очень легко, это не то что ложкой мёд хлебать.

По прилёте в аэропорту Родоса взяли такси. Вдоль светло-синего моря таксист плавно повёз нас к городу. С главного шоссе свернули направо, далее вверх между двумя до-

мами проехали и остановились. Вот, мол, ваш дом. Небольшой отель в два этажа, но место особенное. Наверх – крутая гора, вниз тоже крутой спуск, как будто в гору врезали небольшую площадку, подровняли и на ней построили дом. Ещё рано, в доме никого нет. Хорошо, что Лоре, оказывается, заблаговременно сообщили в переписке, где будет лежать ключ, чтобы мы сами могли открыть дом, если приедем в период, когда в доме никого не будет. Что на деле и случилось. Лора без труда нашла ключ, и мы зашли в дом. Вот и наши комнаты, пятая и шестая рядышком, а напротив небольшая уютная кухонька. Включили чайник. Успеем ещё до прихода работников попить чаёк.

Наверно, немного надо рассказать о Родосе. И остров, и город называются одинаково. Если встанешь лицом к северу – направо Средиземное море, налево – Эгейское. Город построен на мысу, с западной стороны вдоль побережья многоэтажные отели. Через дорогу от них – пляж. Но там пусто, людей мало, изредка нет-нет да и заметишь одинокого купающегося. Это наверняка кто-то из северян, им ведь тоже восемнадцать градусов, как и нам – лето. С другой стороны мыса много магазинчиков, кафешек, учреждения, церковь, порт, крепость и старый город. В первый же день, можно сказать, и обошли весь город.

На другой день решили «Старый город» осмотреть. Люди когда-то там жили, прятались в крепости от врагов. Мы заходили в музеи, где было открыто, но большинство из них зимой не работают. Гуляли по узким улочкам, рассматривали старые дома греков. Небольшие каменные дома стояли тесно, вплотную друг к другу. Кое-где в домах жили, но, в основном, дома стояли пустые.

Редко-редко кое-где мелькали люди.

Но был солнечный светлый день, и нам вовсе не было тревожно и неуютно бродить по нежилым кварталам старого города. Радовали глаз пальмы, ещё какие-то вечнозелёные лиственные деревья, цветы около домов. Мы фотографировали друг друга на мой недавно купленный фотоаппарат. До усталости бродили. Вышли из города-крепости по высокому мосту на другую сторону, чтобы взглянуть со стороны. Да, удивительная крепость, прочная. Сложно было врагу брать приступом эту цитадель: с двойным рядом стен, между которыми ещё и канава с водой. Мы с Лорой будто сами попали в древние времена, на несколько столетий назад.

Но потом перед глазами всё поменялось. Современные дома, широкие улицы, туда-сюда снующие машины... Да и есть уже захотелось. Направились к отелю, щурясь от яркого солнца.

Эльвира ненадолго замолчала, а затем, глядя мне прямо в глаза и покачивая головой, грустно продолжила:

– Если бы мне кто-то рассказал про то, что произошло дальше, ни за что бы не поверила. Сказала бы, перестань обманывать, столько неприятностей выпасть на одного человека одновременно никогда не может. Как будто кто-то порчу навёл на всё моё путеше-

ствии на Родос. Как будто паутину злых козней на меня набросили. Я запуталась, руками и ногами завязла. Так, что и выхода не найти.

Я заинтересованно и выжидающе молчала, и Эльвира продолжила свой рассказ.

– Идём по улице. Справа сплошной высокий каменный забор, что за ним, я не знаю. Мостовая для пешеходов очень узкая, приходится идти около самой дороги, там я и слеую за Лорой. Почувствовала, что моя сумка чуть шелохнулась (а держала сумку в левой руке со стороны улицы), в голове мелькнула мысль: вот ведь как близко машина проезжает, даже сумку задела.

И вдруг около меня взревел мотоцикл, сумку резко вырвали из руки, и мотоцикл на предельной скорости умчался от нас. У человека, сидящего за мотоциклистом, в руках была моя сумка.

Я кинулась было в сторону улицы, вскрикнула, а голоса и не слышно, получился только еле слышный стон. Даже впереди идущая Лора не обернулась. Второй раз крикнула, голос чуть прорезался. Некому было прийти мне на помощь. Я расплакалась и обессиленно опустилась на придорожный бордюр. Лора, наконец, заметила и торопливо вернулась ко мне:

– Что? Что с тобой случилось?

– Сумку... вырвали, увезли... – махнула я, всхлипывая, в ту сторону, куда укатил мотоцикл.

– Что у тебя в ней было? – спрашивает Лора.

– Всё, – ответила я убито и снова залилась слезами.

– Что – всё? – уточняет Лора.

– Паспорт, билеты, деньги...

– Деньги что, в сумке были? – удивляется она.

– Да, там.

– И евро, и рубли? – всё ещё не верится ей.

– Да.

И в это мгновение до меня с ужасом дошло, что я далеко-далеко от своего дома, за тремя морями, в чужой стране осталась совершенно без ничего, только сама да кое-какая одежда в чемодане. В одно мгновение я превратилась в бомжа. И что мне сейчас делать? Денег нет, обратных билетов нет, ни греческого, ни английского я не знаю... Ни коми, ни русский язык тут мне не помогут. Осталась одна Лора. Если она мне не поможет, я останусь на Родосе навечно. Кроме этих горестных и путающих мыслей в голове ничего не было. Куда идти, что делать?

Лора молчала. Наверное, тоже переживала и переваривала произошедшее со мной. Немного в отдалении одинокий мужчина что-то делал, возился у своего дома, но даже не посмотрел на нас. Возможно, он даже и не заметил, какое горе приключилось возле его дома.

– Идём-ка в полицию, – нарушила, наконец, молчание Лора участливым, но в то же время решительным голосом. – Это недалеко отсюда, я вчера видела.

Я молча согласно кивнула, с усилием поднялась и медленно зашагала за ней.

В полиции тоже особо не знали английский язык. Но всё же нашли человека. Пожилой уже, сухощавый мужчина начал спрашивать. Лора чаще сама отвечала. Иногда переводила вопросы мне. Во время разговора в кабинет вошла на редкость подвижная черноволосая смуглая женщина, держа в руках сумку без обеих ручек. Интересно, у неё что, тоже пытались сумку выдернуть? Но нам никто ничего не пояснил, её провели в другой кабинет.

В полиции нас держали долго, всё спрашивали, подробно записывали, взяли номера телефонов. На обратной дороге Лора поделилась тем, что ей удалось узнать. В Родосе, сказали ей, такого разбоя ещё не бывало, вот в Афинах иногда бывает, а у них, мол, нет. Сотрудники полиции сами удивлены.

В отель мы вернулись уже в десятом часу. Когда пили чай, Лора ободрила, чтобы я не беспокоилась за обратные билеты, пояснила, что они электронные, поэтому не пропадут. Так-то оно так, но как же меня посадят в самолёт без паспорта?

Следующий день был последним рабочим днём перед Новым годом. Мы рассказали всё работникам отеля. Они пожалели нас и позволили звонить бесплатно по телефону. Первым делом решили позвонить в российское посольство. Хорошо, что во время полёта из Москвы в салоне самолёта мы рассматривали яркие красочные альбомы и увидели там номера посольства России в Греции, а Лора переписала их в свой блокнот. Мало ли, вдруг понадобятся. Вот и понадобились.

В посольстве сообщили, что с нашей проблемой следует обращаться в консульство. Позвонили. Ответил, судя по голосу, молодой мужчина, представился Юрием Александровичем. Мы рассказали ему, что да как, что всё пропало: и документы, и деньги. Он в ответ: приезжайте, мол, мы работаем сегодня до половины пятого, выдадим вам справку. Но только привезите с собой хоть какой-то документ или копию. Попросил не опаздывать, потому что затем консульство не будет работать до десятого января.

Но у меня нет здесь никаких документов! И дома нет. И денег до Афин лететь нет. Замкнутый круг!

Опять звоню Юрию Александровичу:

– Можете мне деньгами помочь, чтобы долететь до Афин, а потом в Москву?

– Нет, мы деньгами не можем помочь.

– Ну, хотя бы одолжить! Я ведь доеду до дома и вам обратно отправлю.

– На это у нас денег нет.

– Ну а как же я до вас доберусь с острова? Думаете, что я вас обманываю? И вы никак не можете помочь соотечественнику, попавшему в беду?

– Отчего же никак? Мы дадим вам справку, если представите какой-то документ или копию. Эта справка будет действительна целых две недели, за это время вы должны уехать из Греции.

– Мне не на что ехать к вам.

Кладу трубку и пересказываю разговор Лоре. И вдруг мелькает спасительная мысль. А ведь дома-то есть один документ! Мне недавно дали удостоверение пенсионера. Но кто

же сможет мне его выслать? Нужно сделать ксерокопию и факсом отправить в консульство. Дома никто не сумеет. Да и на работе нет факса. Светланке, племяннице, позвоню. Чтобы она съездила к нам домой, взяла документ и отправила. Она сумеет, да и у неё на работе всякой современной техники полно.

Опять звоню Юрию Александровичу и прошу сообщить номер факса.

Он с готовностью сказал и снова напомнил, что они работают до половины пятого.

Теперь надо срочно звонить в Сыктывкар.

Но тут воспротивилась Лора.

– Будешь звонить племяннице – ни слова не говори, что тут случилось.

– Почему?

– Чтобы никто не знал, чтоб никаких разговоров в Сыктывкаре не было. Чтоб наш директор не узнал.

Я особо не поняла, почему нельзя говорить, но пообещала. Позвонила Светлане, она даже не полюбопытствовала, для чего нужно высылать в Афины и сюда, в отель, копию столь третъестепенного для заграницы документа. Понимаю, что ей неохота в предновогодней суматохе заниматься моими делами, ехать ко мне домой, но согласилась.

Одно дело сделано. До Афин, конечно, можно добраться. Из Родоса часто самолёты летают. Из аэропорта тоже можно без проблем до консульства на такси. Но без денег как? А потом? Обратнo сюда ехать? Опять нужны деньги. Юрий Александрович предельно ясно объяснил, что потом они не работают до десятого числа. А у нас обратный билет вечером девятого января. Как же со справкой?

– Сделаем так, – по-деловому рассудила Лора. – Мы сегодня зря не суетимся, обе остаёмся здесь. До девятого января у нас здесь полностью оплачено. У меня денег хватит на двоих на питание. За экскурсии я тоже заплачу, не будешь ведь ты десять дней сидеть в отеле. Дома потом деньги вернёшь, об этом сейчас не переживай. Но тебе, хоть кровь из носу, но надо договориться с Юрием Александровичем, чтобы он вышел на работу девятого января часа в четыре вечера. Мы утром вылетаем до Афин, идём в консульство, берём справку и поздним вечером вылетаем в Москву.

– Ты, конечно, хорошо всё придумала, но выйдет ли он на работу на день раньше.

– Твоя задача договориться с ним.

Позвонила. Попросила. И ведь согласился! В шестнадцать часов, мол, буду в консульстве девятого января. Господи, всемилостивый Господи, вроде как-то начинает проясняться этот кромешный мрак. Глубоко вздохнула. Конечно, никакой радости на сердце и в помине нет, но хотя бы решение проблемы по возвращению на родину вроде удалось найти. Но в том-то и дело, что вроде...

– Давай попьём чай, а потом дальше расскажу, – прервала рассказ Эльвира.

– А что, рассказ ещё длинный?

– А как расскажешь. Можно долго рассказывать, а можно и двумя словами закон-

чить. Вот раз здесь сижу, значит доехала тогда до дому. А как доехала – о-о-о! Это ещё одна история.

– А давно всё это было?

– Более десяти лет тому назад, – ответила моя попутчица, направляясь с чашкой за кипятком для чая.

Более десяти лет... Уже тогда она была на пенсии, пусть даже и по северному стажу. Значит, уже в солидном возрасте. А так молодо выглядит. Наверно, душой молода. Да, поэтому. И улыбка у неё красивая.

Эльвира принесла чай.

– Давай тебе тоже принесу.

– Нет, не нужно. Я сама. Мне тоже надо чуток походить.

После чаепития Эльвира начала рассказывать дальше.

– Тридцатого декабря нам позвонили из полиции. Приходите, мол, бандита поймали. Так быстро нашли! Отправились. Сначала мне вернули мой фотоаппарат.

– Ваш?

– Похож. – Взяла в ладонь, внимательно осмотрела. Цветом под сталь новый «Самсунг», на шнурке затянутый мною дополнительный узелок. – Да, мой. А фотоснимки?

– Их, конечно, удалили.

Как жаль, столько интересных фотокадров было.

– Разбойник не местный, не из Родоса. Приехал сюда из Португалии. Живёт здесь с осени. Но упорно не говорит, кто с ним второй был, который за рулём мотоцикла сидел. И место, куда бросили сумку, тоже не показывает. Мол, не помню.

Провели нас в другой кабинет. Показали на сидящего на лавке невысокого, но плотного молодого человека. Вот он, говорят. Скажи ему всё, что хочешь. А у меня рот словно на замок закрылся. Ни одного слова не могу сказать, ни одного звука не получается. Только ненавидящими глазами на него гляжу. Буквально испепеляю взглядом! Столько горя он мне принёс!

Так и вышла из кабинета, не проронив ни слова. Сейчас бы совсем по-другому себя вела. Сказала бы, что издалека приехала, из России, с Севера, из холодных земель, чтобы посмотреть, как здесь люди живут, полюбоваться на эти края, на эти цветущие даже в зимнее время деревья и цветы. Нужно было самой горько плакать и его разжалобить. Может, сжалился бы и сказал, где мой паспорт. Ладно, деньги бы уже не вернули, но ведь без документов меня ни в один самолёт не посадят и из страны не выпустят. Как же я домой доеду?

В полиции выдали справку, чтобы меня беспрепятственно посадили в самолёт, и я смогла вылететь в Афины. Ещё один шаг вперёд.

Потом я ещё один раз видела грабителя. Уже после Новогодних праздников это было, наверное, пятого. Шли с Лорой по улице. Я впереди шагаю, а Лора где-то задержалась, сзади следовала. Вдруг бегом меня догнала: посмотри, мол, на ту сторону дороги. Я поверну-

лась, смотрю, между двумя полицейскими ведут его. Он меня тоже заметил. Посмотрели друг на друга недобрым долгим взглядом и разошлись.

Позднее Лора мне посоветовала, чтобы я написала через посольство и попросила, чтобы его обязали работать и выплатить мне нанесённый финансовый урон, но я не стала ничего добиваться. Вернулась домой жива-здоровая – и слава Богу. Ну их с этими евро и со всем.

Фотографироваться ещё пришлось, велели для справки. Получила фото и сама на себя удивляюсь, будто на десять лет постарела. А глаза! Загравленного человека. Но ведь так оно и было. Недаром принято считать, что глаза – зеркало души.

Каждый день следовала за Лорой, куда она скажет и куда направит. А на сердце камень. Так и прожила десять дней.

Ходили мы много. И по городу, и в другие места ездили. Лора купила рекламный справочник на русском языке, по нему и ориентировались, ездили по историческим местам самостоятельно без всяких экскурсоводов.

Лора за меня платит, я записываю в блокнот, сколько я ей задолжала.

Чего только мы не видели. К примеру, кактус, что вырос в два раза выше меня, я даже около него сфотографировалась. Видела, какие красивые и нежные белые цветы у апельсиновых деревьев, растут прямо на городских улицах. На некоторых деревьях висят созревшие плоды, часть уже упала на землю. Когда их первый раз увидели с Лорой, собрали, принесли домой, помыли. Но съесть я не смогла: во-первых, слишком кисло, а во-вторых, слишком много косточек. Не знаю, что сделала Лора с остальными плодами, выбросила их или обсосала. Но я их больше в рот не брала.

Путешествуя по Родосу, то и дело видели неглубокие высохшие русла рек, которые, вероятно, наполняются водой только во время ливней, апельсиновые, лимонные и оливковые сады. Были и в горах, видели, как раньше люди там жили, устраивая дома на уступах, вгрызаясь в каменные ниши (порой и сейчас в таких домах люди живут). Если не знаешь, то запросто мимо пройдёшь и не заметишь вход.

Конечно, люди не случайно так жили, а защищаясь от врагов. Старые амфитеатры, скульптуры, древние стадионы, жилище нимфы, красивые панно из камней, узорные кувшины – культура древних людей. Есть на что посмотреть, есть от чего изумиться.

В один из дней любовались с Лорой прекрасным городом Линда. Там на горе большая крепость, акрополь. Когда-то тоже был городом-крепостью. А сейчас люди живут ниже крепости. Спускались до моря, там, кроме нас, никого и не было. А уже поднимаясь обратно на шоссе к автобусу, увидели дома, выдолбленные в скалах. В другой раз ездили в Камир, посетили археологический заповедник.

Ездить по острову и смотреть можно бесконечно. Лора там раза два искупалась, а я только один раз окунулась, чтобы можно было сказать, что купалась в Эгейском море. А море прозрачное-прозрачное, под водой всё как на ладони видно. Вдоль прибоя красивые камешки собирали. Обошли и магазины. Лора что-то покупала по мелочи на подарки, а я только рассматривала, ведь карман пуст. Отели стоят безлюдные, а в кафешках только местные сидят.

С ланчей пиво потягивают, видно, что никуда не торопятся. Будто никому работать не надо. Видимо, весну ждут. Когда приедут туристы, тогда и работа будет, и деньги будут.

На одной из улиц нашли магазинчик с названием «Русский». Зашли, поговорили. Товаров – не сказать, чтобы было много, но, действительно, только российские. На глаза попало «Советское шампанское». Конечно, очень дорогое. Продавщица пояснила, что русских тут довольно много, а «Шампанское» попросили привезти к Новому году.

Наконец настал день отъезда. Лора заранее заказала такси, мы вынесли чемоданы, сказали «спасибо» отелю, помахали рукой персоналу и – в аэропорт. Сидим, ждём, когда наш рейс объявят. А не объявляют! Уже время, а никаких известий.

Затем объявили: наш самолёт не вылетел из Афин из-за сильного ветра. Вот ведь как бывает. Говорят же, если в одном месте порвалось, то и в другом обязательно порвётся. Не зря же, говорю, что как будто паутиной опутали. Выхода нет. Всё наперекосяк. Конечно, у нас есть ещё целый день. Ведь из Афин в Москву самолёт летит в девять вечера. Может, до условленного срока как-нибудь доберёмся до греческой столицы. Спустя четверть часа опять объявление: в десять часов один самолёт летит в Афины. Есть свободные места, можно приобрести билеты. Народу в аэропорту собралось много. Кое-кто устремился к кассе.

Я смотрю на Лору. Я не знаю, сколько у неё денег. Понимаю, что она экономно тратит деньги. Я не говорю, как поступить. Я не прошу. Лора у меня не спрашивает, решает сама. Если бы у меня были деньги, я бы непременно купила билеты и уехала уже отсюда, чтобы, наконец, высвободиться от обрушившихся на меня бедствий. Но приказывать или даже подсказывать в этой ситуации я не могу. Лора побежала в справочную. Там сказали, что наш самолёт прибывает в шестнадцать часов. В шестнадцать же придёт на работу Юрий Александрович. А я ещё буду в аэропорту Родоса. Что ж, в шестнадцать я ему позвоню, попрошу, чтобы подождал. Если мы вылетим в шестнадцать, а лететь минут пятьдесят, то в Афинах приземлимся около пяти, а в шесть будем в консульстве. В девять вечера вылетаем в Москву. Значит, ещё можно надеяться. Можно. Всё рассчитано.

Но... В четыре часа самолёт не прибыл. В пять не прибыл. И в шесть часов нет. Каждый час звоню Юрию Александровичу. Прошу, подождите, пожалуйста. Звоню в семь вечера.

– По-моему, дальше ждать – смысла нет, – сочувственно говорит Юрий Александрович.

– Я понимаю, – упавшим голосом прошептала я. – Спасибо Вам большое, что Вы так долго ждали.

Вот так: из огня да в полымя.

Тем временем Лора добыла две важные бумаги. Одна – что мы не виноваты в том, что вовремя не прибыли в Афины и опоздали на самолёт, летящий в Москву, вторая – что мы, транзитные пассажиры, не по своей воле опоздали, и чтобы нас на ночь бесплатно определили в отель. Ну, Лора, Лора, какая же она молодчина! Какая догадливая и сметливая. Говорят же, что для многоопытного в путешествиях человека преград не существует, из любой каверзной ситуации найдёт оптимальные ходы-выходы.

В девятнадцать часов двадцать минут, наконец, объявили, что из Афин в Родос вылетел за нами самолёт. Во мне опять забрезжила надежда. А может, успеем ещё на рейс,

летающий в Москву? А может, меня посадят в самолёт по справке, которую выдали в греческой полиции? Говорят же, что надежда умирает последней.

В Афины мы прилетели в двадцать один час тридцать минут. Тут же бросились узнавать, а вдруг по каким-то причинам самолёт Афины – Москва задержался. Но напрасно. Рейс вылетел. В своё время. В справочной нам сказали, что никакой другой самолёт нас на борт с этой справкой не возьмёт, если не купите новые билеты. Могут взять только свои Кишинёвские авиалинии, но их следующий рейс из Афин будет только в среду. Делать нечего, мы сдали чемоданы в камеру хранения, и нас повезли в отель.

Расположились. В таком красивом отеле я ни до, ни после этого больше не бывала. Даже не знала, что они настолько красивые бывают. Всё идеально. Всё в зеркалах. Всё блестит. Нам, попавшим в такую жёсткую переделку, очутиться среди столь ошеломительной для глаз красоты – издевательство. Но приняли, решили основательно выспаться, ведь совершенно не знали, что нас ждёт впереди.

Утром нас доставили обратно в аэропорт. В консульство мы рассудили отправиться налегке, без чемоданов. Сегодня там рабочий день. И у нас в Сыктывкаре рабочий день. А мы вот где ещё болтаемся. Спросили, на каком автобусе нам лучше доехать по адресу. Но сели почему-то в другой. Сейчас мне трудно сказать, почему мы так сделали, но Лора тогда очень уверенно зашла в тот автобус. Ехали долго. Вместо центра города мы приехали в порт. Да, не иначе дьявол нас водил.

Опять начали спрашивать. Выяснили, что можно добраться на метро. Нашли вход. Но, оказалось, станция метро не работает. Сплошные препоны! Что дальше? Лора выделила деньги на такси.

Ехать пришлось долго. И зачем меня судьба сюда завела? Может, чтобы посмотреть Афины? Ведь вряд ли я здесь когда-нибудь ещё побываю. В каждой ситуации нужно искать хоть что-то хорошее. Я начала осматриваться вокруг. Такой своеобразный город. В центре больше всего тёмно-серых зданий. А может, мне уже после многочисленных обрушившихся на меня неприятностей, всё кажется серым? В то же время чудеса – на крышах больших многоэтажных домов растут деревья. И не на одной крыше, таких много. Муляжи или настоящие деревья? Кто же скажет?

Приехали в консульство. Здание находится за высоким остроконечным железным забором. Народу много. Что же им всем надо? Или все такие же, как и я, попавшие в беду?.. Открыли железную калитку. Начали впускать по одному, проверяя документы. Меня пропустили по справке, выданной полицией в Родосе. В кабинете большой стол, вокруг расставлены стулья, посетители с работниками консульства общаются сквозь маленькие окошечки. Некоторые сразу подошли к окошечку, некоторые сначала начали что-то писать за столом. Я спросила Юрия Александровича.

Ко мне вышел крупный молодой человек. Я опять поблагодарила его за вчерашнее ожидание. Он велел оформить бланки, подсказал, к какому затем окошечку подойти. Опять спросила, не могут ли мне оказать финансовую помощь, как человеку, попавшему в беду, чтобы я смогла добраться до дома? Но прозвучал уже известный мне ответ.

– Даже никакого фонда нет?
– Нет.
– Значит, вы финансово совершенно ничем не можете помочь?
– Нет.
– Ведь я такая не одна, наверно, похожие ситуации бывают у людей, – удивляюсь я, – и наша страна никакую помощь не оказывает своим гражданам?
– Нет. Даём только справку.
– Самолёт Кишинёвских авиалиний, на который мы опоздали, будет теперь только в среду. Может, вы сможете куда-то нас определить, чтобы две ночи переночевать?
– Нет.
– Даже общежития нет? Двух коек для попавших в трудную ситуацию соотечественников?

– Нет.
– А для чего же тогда вы? – моему горестному удивлению не было предела.
– Ну как же, вот: справки даём, паспорта меняем.
У меня это никак не укладывается в голове. Своё посольство, консульство – и практически ничем не помогают? Скольких людей здесь содержит страна, скольким людям зарплату платят, а конкретным людям, своим соотечественникам, попавшим в серьёзную беду, не помогают. Я этого не понимаю.

– А если я в посольство поеду, там помогут?
– Можете съездить, но у них средств тоже нет для этого.
– Но я же деньги обратно вышлю, как только вернёмся на родину.
Но работник консульства только плечами пожал.
– Юрий Александрович, а если Кишинёвские авиалинии нас не возьмут на борт, скажут: мест нет?

– Тогда звоните в Россию, просите выслать деньги у родных. Купите билеты. С этой справкой можете жить в Греции и решать проблемы две недели.

– А если мы и за это время не сможем уехать? – хочу я всё понять.
– В таком случае греческие власти вас депортируют. Но, конечно, не на самолёте.
– А если не посмотрят мои документы, я так тут и останусь? – хочу докопаться я до истины.

– Вы можете сами подойти и обратиться к полицейским, они составят протокол и отправят вас в Россию.

– Спасибо за информацию, – сухо сказала я и села оформлять бланк.

Пока я беседовала с Юрием Александровичем, Лора уже успела кое с кем поделиться, в какую передрагу мы попали. Люди сочувствовали нам. Каждый хотел как-то помочь разрешить ситуацию. Кто-то сказал, что ходит автобус в Краснодар. Но тут же почти выяснилось, что автобус ходит только летом. Кто-то посоветовал пойти в православную церковь, мол, там помогут. Даже позволяют разместиться на ночь. Подошла сухошавая пожилая женщина

среднего роста с седыми волосами, предложила ночлег. Сказала, что на две ночи вполне может нас приютить. Дала адрес, телефон, объяснила, как до её жилья доехать.

После получения справки мы поехали на автобусе в аэропорт за чемоданами. Ни консульство, ни посольство больше ничем не помогут. Лора очень надеется, что нас в среду посадят в самолёт. А если нет? Непойманного глухаря рано ощипывать. Почему-то я уже ничему не верю, ни в какую удачу. На сердце непреходяще тоскливо. И так остро вдруг захотелось домой, в свою страну, в Россию. Пусть меня только через границу и кинут. Оттуда я уже как-нибудь доберусь. Хоть пешком, а дойду до дому. Люди помогут. Только бы очутиться в своей стране! Когда по злему року попадаешь в безвыходную ситуацию, в полной мере начинаешь осознавать, что такое Родина.

Да, здесь, конечно, жить можно, тепло, не замёрзнешь. Интересно, а где тут у них бомжи живут?.. Подняла глаза, осматриваюсь, автобус уже выехал из города, какие-то низенькие постройки видны. Может быть, здесь живут? Может, придётся искать какое-то подобное пристанище? Из чужих рук высматривать-выпрашивать кусок хлеба? А если детей своих никогда больше не увижу?.. Какие только хмурые мысли в голове не роятся! Совсем стала расклеиваться.

Приехали в аэропорт, получили чемоданы из камеры хранения. И вдруг Лора резко остановилась, напряжённо начала прислушиваться.

– Слушай, вроде в Краснодар летит самолёт. Сейчас. Скоро. Ты побудь здесь, около чемоданов, а я схожу, узнаю.

В моей голове мысли вновь заскакали, заметались с одного на другое. В Краснодар. Там её сестра. У Лоры есть деньги. Сейчас она купит себе билет. И улетит. К сестре. А я останусь здесь. Одна. Нервы сдали, я начала плакать навзрыд. Она уедет, а я останусь здесь.

Кто-то по-русски спросил:

– Что с вами?

И я начала сбивчиво сквозь слёзы рассказывать, что со мной произошло в Греции. Что у Лоры есть деньги, и она сейчас возьмёт билет и полетит в Краснодар, а я одна останусь тут, без всего. Собрались люди. Видимо, пассажиры, тоже вылетающие в Краснодар. Они молча с переживающими взглядами слушали меня. Откуда-то появилась Лора.

– Эля, Эля, что с тобой, почему плачешь?

– Ты меня здесь оставишь. Ты купила билет. В Краснодар. У тебя есть деньги, а у меня нет.

– Глупая! Как только это тебе в голову могло прийти, что я тебя здесь одну оставляю? – с возмущённым упрёком прикрикнула она. – Пойдём быстрее, мне удалось договориться.

Пока торопливо шли, она успела рассказать, что нас согласились взять в самолёт, она отдала все деньги, которые у неё были, евро и рубли, но на два билета ещё не хватает. Нужны дополнительно деньги. Сказали, чтобы кто-нибудь принёс их к самолёту. Мы подошли к стойке. Показали справку, выданную в консульстве. Потом Лора при них начала звонить сестре. Сестра пообещала прийти в аэропорт и принести недостающую сумму.

Спустя час, мы поднялись в небо! Мы летим в Краснодар! Где-то всё-таки есть Бог! Не оставил навсегда в беде. Бог и добрые люди.

Прилетели в Краснодар. Встретила нас сестра Лоры, принесла деньги. На выходе к нам подошёл высокий мужчина, представитель авиакомпании.

- Это вы наши знаменитые лягушки-путешественницы?
- Мы.
- Мне сказали, что вы деньги должны.

Отдали. Велели передать огромное спасибо нашим спасителям. Ведь мы действительно спасены! Вырвались из запутанных силков обстоятельств. Мы дома! Мы в России!

Ночь провели у Лориной сестры. Утром она ещё дала нам деньги для перелёта через Москву в Сыктывкар. Мы отправились в аэропорт, купили билеты, а вечером были уже дома. Вот так закончилось наше путешествие на остров Родос. После приезда я отдала деньги Лоре, чтобы отправила сестре, ей тоже вернула долг. Вот как «дёшево» обошлась мне зимняя поездка на отдых в Грецию.

Так закончила свой рассказ Эльвира. На улице давно уже стемнело. Яркий свет появлялся только на станциях и редких полустанках, мимо которых мчался наш поезд.

- Вот ведь как долго рассказывала, до ночи.
- Да-а, ну и довелось же попасть в такой переплёт! – удивлялась я.
- Что ж, перекусим немного и спать. Поздно уже.

После чаепития Эля почти сразу же уснула, а я долго ещё не могла сомкнуть глаз, всё перебирала её рассказ в голове да удивлялась, в какую непредсказуемо дикую ситуацию может попасть человек. Хорошо, что ещё не одна оказалась там. Иначе бог знает, как бы всё сложилось. Какая же добрая и сердечная оказалась Лора, и её сестра, и пилоты, что взяли их в самолёт.

Всё-таки добрых людей на свете больше.

Авторизованный литературный перевод с коми Павла Черкашина

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

СЛАВНЫЙ ПАРЕНЬ ЯН

Рассказ Смехова Николая о своем друге

Как Яна в партию принимали

У меня в отряде есть друг и хороший приятель – Ян Волинский, человек, которого я люблю, и в то же время он мог бы быть моим врагом со всеми его выкрутасами; человек – деятельный бездельник и в то же время – бездеятельный деятель. Как я познакомился с Яном? Я приехал сюда в Мостоотряд – 95-й в 1982 году, отработав уже больше десяти лет на Севере. Будучи главным инженером два года в 87-м мостоотряде, имел опыт северной жиз-

ни уже немалый и считал себя опытным северянином и корифеем. Приехал в мостоотряд и думал: что, мол этот мостоотрядишко – он уже организован, специалисты, как мне сказали, имеются, и с моим теперь опытом будет работать легко. Но, с другой стороны, я видел, что отряд собран с миру по нитке, потребуется еще организовывать коллектив. Но я все равно надеялся, что справлюсь легко – корифей все же, да и молод был, на все смотрел свысока.

Начальник отряда Севостьянов Филипп Кузьмич, работавший долго без главного инженера, до того задолбался, что увидев меня, обрадовался несказанно. Несмотря на субботу, он схватил меня, провез по всем близлежащим производственным объектам, а в воскресенье, наспех схватив билет на самолет, на ходу сказал:

– Вот там контора, вот там мосты, в той стороне такие, в той – такие, – пожал руку, – Все Николай Александрович, хозяйничай! – и укатил на два месяца.

Народ в отряде разношерстный: половина кубанцы, половина украинцы, специалистов добрых, конечно, не было. Так – мастера, пару человек только закончили институты.

Я был человеком беспартийным убежденным, но меня, хоть и не положено было в то время, почему-то держали на должности.

Руководителей в те времена всегда приглашали на партийные собрания. И вот прошло три-четыре дня, я еще толком-то и не познакомился с людьми, меня приглашают на очередное партийное собрание. У меня был отрицательный опыт и свое предубеждение к этим собраниям: когда-то на партийном собрании меня лишили заслуженного ордена, уволили с работы, так, что я уже знал, что там такое на этих собраниях: они обычно чиховостили какого-то бедолагу прораба, потом все расходились, а бюро оставалось, чтобы наметить, кого и за что они будут дрючить на следующем собрании. Так что я образцово пришел. Татьяна Владимировна – наш диспетчер, обаятельная женщина, служака, именно служака, неосвобожденный партийный секретарь. Ей четыре часа за это доплачивали – партия так приказала. Она насквозь была идеологизирована. Идеологизация ее была такого сельского типа – ну, ей же нужно за жизнь держаться.

И вот она таким бодреньким голосом, открыв собрание, говорит:

– У нас сегодня на повестке дня прием в кандидаты коммунистической партии Советского Союза Яна Аполлоновича Волинского.

Встает такой громила, моложе меня на вид, симпатичный мужик под два метра ростом, выходит к трибуне, читает свое заявление, и секретарь вопрошает в зал:

– Ну, товарищи, какие будут вопросы?

Кто-то крикнул:

– Пусть свою биографию, что ли, расскажет.

И Ян начинает говорить. Родился, дескать, в Новоградволинском, отец участвовал в сопротивлении, до сих пор участвует в разных комитетах, сидел с Тельманом в одной тюрьме и был лично с ним знаком, на трех языках свободно разговаривает. Отец действительно такой – коммунист старой закалки, – уточнил Смехов.

Такой отец получился, минут пять про отца рассказывал, потом о себе: что и активный всегда был, и во всех общественных делах участвовал, и за сборную Украины по фут-

болу играл, и в сборную по баскетболу привлекался, и председателем профкома на заводе в пять тысяч рабочих был; общественник, туда-сюда, на севере четыре года отработал. Ну, просто ангел, а не человек. И я начинаю стогать от стыда. Думаю: «Елки-палки, черт возьми, какого хрена я тут сижу, какого черта я со своим двенадцатилетним северным стажем задираю нос – тут такие люди! Если рядовые монтажники такую биографию имеют! И если тут монтажники таковы, то каковы остальные люди? Не убежать ли мне пока не поздно? Не бежать ли мне побыстрее от стыда, потому, что я не гош им, как руководитель». Так убедительно рассказывал свою биографию Ян. Ну, вот он закончил.

– Какие будут вопросы, – спросила Татьяна Владимировна.

Задали вопросы по уставу партии, о международном положении, в общем стандартные вопросы. Ян ответил, как умел, всех удовлетворили его ответы. И получалось: человек со всех сторон положительный – и активист, и спортсмен, и работник, хоть куда. Как не принять?

– Ну, что, товарищи, будем ставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Яна Аполлоновича Вольнского принять кандидатом в члены КПСС? Все дружно подняли руки.

– Все за? Против нет? Хорошо. Воздержавшиеся?.. Кукулюк, – обратилась ведущая к мужчине, не участвовавшему в голосовании. – Вы воздержались?

– Да.

– А почему?

– А у меня есть вопрос к Яну Аполлоновичу.

Кукулюк, как потом выяснилось, учился вместе с Яном в одном классе и знал, конечно, его лучше, чем я и другие присутствовавшие.

– Задавайте, задавайте. Мы здесь и собрались для того, чтобы вопросы задавать, – оживилась Татьяна Владимировна.

Он и спрашивает:

– Ян Аполлонович, а за что вы отсидели четыре года?

У ведущей собрание волосы дыбом:

– Ян Аполлонович, это правда? Почему вы это нам не сказали, – спросила Татьяна Владимировна.

– А я думал, это не важно.

– Как не важно? Ян Аполлонович, о какой партии может идти речь. Ну, расскажите хоть за что вы сидели и где.

Ян говорит:

– Да ни за что. Понимаете, пришел с армии, служил в спортроте, я же спортсменом был. Вот отпраздновали мы это дело, сходили с женой на танцы в парк, а у нас, знаете, в Карпатах темнеет рано. Идем домой: смотрю, трое одного бьют. Мне жена и говорит: Ян, ты же спортсмен – заборони. Ну, вырвал штaketину – заборонил, раскидал, они и убежали, а этот, которого заборонил – пьяный, лезет ко мне драться, ну я его легонько толкнул, он и упал. Мне бы так-то бы ничего не было, но он полковником милиции оказался.

– А что с ним случилось? – спросила Татьяна Владимировна.

– Да, пустяки: ключицу сломал, руку... ну, ногу, как-то так получилось... сотрясение мозга. Дали четыре года. На Севере отсидел.

О, думаю, вот и северный стаж появился у человека.

Принимать, вроде как, теперь Яна нельзя, но принять его Татьяна Владимировна аж страсть как хочет. Не знаю уж по каким причинам, но это видно.

– Ну, что, товарищи, что будем делать?

Ян:

– Да я... да это случайно... Я ж не знал... Это было давно... Я ж больше не буду...

– Ян Аполлонович, как же вы утаили? Партия все должна знать, вы пред ней, как перед матерью, как на духу...

Каялся, каялся Ян, туда-сюда: и в тюрьме он активистом был, и за тюрьму футбол играл, и общественником в тюрьме был, и досрочно освободили. По-новому пошел Ян окупивать.

– Ну, что, товарищи, делать будем?

Встает один активист, говорит:

– С каждым, может случиться. По молодости то было, давайте примем, в виде исключения.

И Татьяне-то Владимировне принять охота: разнарядка-то уже есть, да и видно, что симпатизирует она Яну.

– Что ж товарищи, предлагаю ставить на голосование.

Ян, смотрю, просветлел, улыбка на лице появилась, ожил.

– Да я больше не буду.

– Смотрите, чтоб пред партией, как на духу.

– Я все понял...

– Ну, что, товарищи, будем голосовать. Кто за? – народ дружно потянул руки. Кто против? Кто воздержался? ...Кукулюк, вы почему воздержались?

– Да, у меня вопрос к Яну Аполлоновичу.

– Задавайте, мы же сюда затем и пришли.

– Ян Аполлонович, а как Людмила Ивановна посмотрела на эти твои дела?

– Какая Людмила Ивановна?

– Как это какая – твоя жена. Заведующая детским садом.

– Да не было никакой Людмилы Ивановны, запротестовал Ян.

– Так ты ж говорил, что с женой шел, когда заборонял-то.

Ян говорит:

– Так то ж была не Людмила Ивановна. А моя первая жена.

У Татьяны Владимировны челюсть отвисла:

– Как, Ян Аполлонович, вы еще и двоеженец? Почему не говорили, что у вас вторая жена?

– Да я не знал... да я думал, что это не важно... – заметался Ян.

Народ загудел. Татьяна настроена уже не принимать.

– Нельзя вам в партию – тюрьма, две жены...

Смотрю, Ян заплакал. Здоровенный мужик плачет.

– Если вы меня не примете, а батька мой узнает – откажется от сына. Он у меня член антифашистского комитета, он вместе с Тельманом сидел... Если вы хотите, чтобы я застрелился, то так и скажите, и я пошел стреляться... – Ян плачет, просто рыдает.

Дело категоричное. Опять бодяга пошла: перед партией как перед матерью, как на духу...

Тут уже Татьяне Владимировне хочется подойти к делу не сухо по-партийному, а чисто по-человечески. По каким уж причинам, я не знаю.

Бодяга длится уже полтора часа. Народ уже устал.

– Примем, примем. С кем не бывает... по молодости.

Я смотрю на этот цирк, и смеяться хочется, и плакать, как Яну. Смеяться нельзя, а то и мне кирдык придет. Я уже раньше пострадал... Волнуется народ, вроде склоняются помиловать Яна.

– Ставлю на голосование. Кто за? Хорошо... Кто против?.. Кукулюк, вы снова воздержались?

– У меня вопрос есть.

– Так задавайте, – уже занервничала ведущая.

– Ян Аполлонович, а вы алименты сыну платите?

– Какие алименты? – испугался Ян.

– Сыну от первой жены.

Он говорит:

– Нет.

– Почему?

– Да, она сказала: ничего от тебя не надо, никаких алиментов, только уходи.

Снова конфуз – сын брошенный.

– Вы почему не сказали?

– Да я думал, что это не важно... я не знал...

И опять бодяга: от партии скрывать ничего нельзя... как пред матерью... как на духу. Ян снова в слезы: больше не буду... застрелюсь...

Народ устал, размяк, и склонен все же принять. Татьяне Владимировне тоже нужно принять человека – там не поймут. Разнарядка есть разнарядка.

– Ну, что товарищи будем ставить на голосование. Кукулюк, прежде, чем голосовать, скажите: у вас вопросы еще к Яну Аполлоновичу будут?

– Нет.

– Вы будете голосовать «за»?

– А все будут голосовать «за»?

Все проголосовали «за». Кукулюк тоже.

Ян вышел после собрания просветленный. Я подошел к Яну и спросил:

– За что же все-таки вас тогда посадили?

– А по пьяни отметелил одного мудака, а он полковником милиции оказался.

Потом мы стали с Яном друзьями.

Он – человек, наивностью берет своей и в то же время прямотой. Сейчас он работает начальником снабжения, а поставил я его на эту должность за героический подвиг. Разгружали щебень на станции. Все зашли в бытовку, а ему захотелось люки открывать. Взял он кувалдочку, а бугай он здоровенный, по люку стукнул, и ему люком руку прищемило. Ему бы руку отсекло, но ручка кувалды была железная, и она удержала огромный груз. Мужики сидят в бытовке, ничего не подозревая. Он же в таком состоянии, как-то с трудом рукой защемяленной поджался, а сила в нём невероятная – два баллона кислородных берет и идет в гору, как-то освободился значит, пришел в рукавицах, так мол и так, говорит, случилось. Вахта дежурная повезла его в больницу. Зашел в скорую помощь своими ногами, потом рукавицу снял с обезображенной руки, вытряхнул остатки косточек в ладонь здоровой руки, и потом, пока это все было свежее, ему как-то вживили. У него рука так и осталась немного увечной, он одну косточку по дороге потерял. Потом он разрабатывал руку целый год. Сделал себе какой-то аппарат по типу аппарата Илизарова. Теперь уже все зажило и почти незаметно. Я ему тогда сказал: «Ян, мне не нужен инвалидный случай на производстве, иди начальником снабжения». Я же видел, что он человек коммуникабельный, легко сходится с людьми. Вот он до сих пор и работает начальником снабжения.

Бог един

Как-то поехал я в Москву в командировку. Думаю, возьму Яна, все же веселее будет. Жить у меня там есть где – тетка москвичка. Идем по Арбату, он увидит что-нибудь, ну, к примеру, витрина яркая, заорет: «Вон, смотри!», махнет рукой, смотрю, кто-то уже падает. Рука-то у него, как шлагбаум. Я ему говорю: «Что ты так реагируешь, руками машешь? Если хочешь обратить внимание укажи кивком, посмотри налево, посмотри направо, дай знак... Нехорошо махать руками...» «Да я знаю», – и снова: «Николай, смотри!» Махнет рукой, и снова кто-то лежит на тротуаре.

В метро зайти с ним невозможно, вечно врывается, как с перепугу... Как ломанется, обязательно две женщины на полу окажутся. «Мужчина, вы чего?» – «Не нравится, в такси ездил!»

Говорю как-то:

– Ян, давай в храм зайдём, – я обычно захожу в храм, я и посты соблюдаю...

– Сходим, – согласился он.

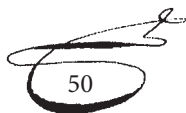
Заходим в храм Христа Спасителя. Я ему объясняю в меру моих познаний, что и где находится: алтарь, что справа, что слева, святые, что да как, принцип построения храма, кто шапку снимает, кто не снимает, где за упокой, где за здравие, ну все главное... Ну, ходили мы по храму, я и говорю:

– Ну, ладно, надо свечки-то поставить, пусть помянут в молитвах, у меня отец умер...

– Там такса своя, десять рублей, что ли. Написал я на бумажке – Анна, Александра, помянул тетку свою... Ян и говорит:

– И я тоже.

Я ему говорю:

– Ян, тебе нельзя.
– Почему?
– Ты же католик, храм-то православный.
– А, все равно, вера одна – христианская.
– Вера-то одна, Бог-то един, только обряды разные. Ян, так нельзя делать, ты нанесешь только вред...

– Нет, – возразил он.

Берет бумажку у монашки, пишет: Бенедикт, Юзя, еще какие-то имена польские, подают монашке, а она смотрит:

– Мужчина, а они крещеные?

А он говорит:

– Ага!

– А они православные, где они крестились?

– В церкви, с крестом.

– А чего это у них такие имена странные?

Ну, это же известно, когда человек крещен другим именем, как у меня Анжела – крещенная как Анна, или есть и другие примеры. Вот он ее и убеждает. А она молодая, видимо, неопытная, спрашивает:

– Мужчина, а вы меня не обманываете?

– Не-е-ет! – протянул он и перекрестился.

У меня аж волосы дыбом встали. А монашка опять:

– Мужчина, – говорит она, – если вы меня обманываете, меня ведь отец Георгий с работы выгонит.

– Я не обманываю...

Я уже не выдержал:

– Ян, ты что делаешь? Ты хоть понимаешь, что ты совершил преступление перед душами своих умерших родственников, что им из-за тебя в аду гореть, а эту неповинную монашку с работы выгонят.

– Это все ерунда – Бог един, – и пошел к выходу.

Вот он, Ян, во всей своей красе.

Удачная командировка

Послал как-то Яна в командировку в Уфу. Наши партнеры что-то мудрить начали. А в то время, а дело было в приснопамятные девяностые годы, многие почему-то считали нормальным явлением обман. Нашему мостоотряду уфимцы задолжали двадцать цистерн солярки. Дело нешуточное, учитывая, что тогда с деньгами было туго. Не останавливать же работу из-за того, что нет топлива. Я уже сколько раз пытался утрясти все по телефону, но очередные обещания оставались обещаниями.

– Ян, – говорю, – в командировку поедешь. – Соляру нужно отгрузить из Уфы.

– Что ж нужно, так нужно, – Ян всегда готов.

Уехал.

Сидит там неделю, другую.

– Как дела там, Ян?

– Все зашибись, – отвечает бодро. – Деньжат вышли.

Высылаю. Понимаю, что расходы в столичном городе немалые.

Звонит он исправно, каждый день да через день. Все больше денег просит.

– Кончились, – говорит.

Шлю, что ж делать.

Уже и месяц прошел.

– Как там дела, – спрашиваю, – когда соляру пригонят?

– Через пару дней отгрузят. Я, говорит, тут с директором познакомился, со снабженцем познакомился. Скоро уже.

– Ты и неделю назад пел ту же песню, и две недели...

– Не беспокойся, Николай Александрович, через пару дней отгрузят.

Прошло еще время. Уже полтора месяца сидит Ян в Уфе. Денег перевел немерено.

– Все, – говорю, – давай, обратно.

Я уже понял, что толку не будет.

Приезжает свеженький такой, бодренький, отдохнувший. Спрашиваю:

– Ну, как там дела?

– Зашибись, – следует стандартный ответ, – хорошо я там оттянулся, две девицы приласкал...

– Я спрашиваю: соляра когда будет?

– Какая соляра? – изумился по детски Ян.

Ян – охотник

Сколько уж раз зарекались не брать Яна на охоту. Пользы от него ноль – одни проблемы. Такое иногда учудит, что хоть стой, хоть падай. А не взять же опять – обиды не оберешься, да и что греха таить – скучно без него.

Говорю Яну:

– Поставь чучела на грязях, скоро утка полетит.

В этом месте грязи рано оттаивают. На озере еще лед, а этот залив уже оттаял.

– Щас, – и начинает всякой ерундой заниматься: то хворосту подкинет в затухающий костер... Никому костер не нужен: чай попили, обсушились... То рябчика насвистывает. Это на болоте-то, где до лесу – километр. Я патроны ему подбираю, собираю ружье: сам же ничего в этом не тямит.

– Поставь, – говорю, – чучела.

– Щас, – и снова за свое.

Потом, смотрю: берет лодку, чучела сложил на дно, толкнулся. Лодка не идет, в иле застрекает.

– Иди пешком – тут глубина по колено да по щиколотки.

Сопит, но упирается веслом, не слушает. Уже полчаса упирается – пару метров одолел. Тут он как-то неловко толкнулся, весло застряло в трясине, потерял он равновесие, а оболтус он тяжеленный... Лодка переворачивается и накрывает его. Гляжу: шлюпка дном вверх, а Яна нет. Странно смотреть со стороны, как поднимается лодка и этот оболтус, подняв ее над головой, легко несет на берег. Сила есть – ума не надо. Я не знаю, смеяться или плакать. На дворе не жарко. Здоровый-то он здоровый, но простуде все подвержены. Развожу костер. Пока посушили Яна, и вечерняя зорька прошла мимо, как говорится.

Ночевали мы в охотничьей избушке знакомого охотника. Избенка срублена ладно, устроились сравнительно неплохо. Утром, понимая, что толку на охоте от Яна немного, я говорю:

– Ян, дров накопи, пока мы на утреннюю зорьку сходим.

– Ладно.

Приходим через какое-то время: сидит Ян под кедром думку думает. Умаянный весь, потому изошел, с лица даже спал. Нет в его взгляде присущего ему обычного оптимизма.

– Что, – спрашиваю, – приключилось? – А самого уже проняло нехорошее предчувствие.

– Да вот, не могу никак расколоть.

– Что?

– Чурак березовый витой попался.

И вот, что мы обнаруживаем: у одного колуна топориче сломано, у другого тоже. Топор, что в лодке был, сломан. Не только топориче, но и сам топор треснул, а последний топор загнан в тот чурак березовый по самое не хочу. Не было бы других поленьев, дело другое, а так – напилено полно и сосновых сухих чураков, и березовых. Нет же, Ян выбрал единственный, тот, что не колетса, и все топоры поломал. Сила есть...

Просится на вечернюю зарю. Ладно... Чучела расставлены со вчерашнего дня. А так как ребята, зная манеры Яна, побаиваются его в соседях иметь, то беру его с собой. Он же запросто может пальнуть в сторону охотника.

Как обычно, сажусь в приготовленный уже скрадок. Говорю Яну:

– Сделай себе скрадок в том березовом кусту, а то сидишь на чистом. Так и сам не поохотишься, и на меня утка не пойдет.

– Щас сделаю.

Сломал несколько веток для блезиру, воткнул перед собой.

– Набросай сухой травы, тебя же, такого тюленя, за десять верст видать.

Притрусил маленько. Сел близко к кусту и ружье положил на ветки. Я посматриваю на него, особенно, когда утки налетают: не пальнул бы по мне – у него ума хватит.

И тут я чуть в озеро не свалился: утка летит, Ян ведет за ней ружьем, упирается в безрезину и обходит ее, поднимая стволы вверх, упирается в другую и также обносит стволы, и в третью – так же. Конечно же, утка благополучно улетает, а дробь, пущенная из Яновой двустволки, остается далеко позади.

Потом уже за ужином у костра спрашиваю его:

– Отчего же ты все время мазал? Может, упреждение не брал?

– Брал.

– Сколько брал? Может недостаточно?

– Да нет, нормально брал... сантиметра... три.

Мы все захохотали.

– Нет, сантиметров пять, – поправился он.

Екатерина НАГОВИЦЫНА

ВЕЗУНЧИК

– Э-э-э, стой, куда полез! – Илюха одёргивает меня за рукав, и я недоуменно оборачиваюсь, опуская автомат. Напарник прижимает палец к губам и утягивает меня за угол обгоревшей трансформаторной будки. Удивлённо смотрю на друга, но он без длинных объяснений коротко кивает в сторону ближайшего подъезда «хрущобы»:

– Я первым пойду. Ты за мной.

– Чё эт? – не понимаю я.

– Тебя невеста дома ждёт, вот если что, то пусть дожждётся.

– Это-то тут причём?

– А при том, что чую – там они... Потому сегодня твой номер второй. Понял?

Я набычиваюсь, но подчиняюсь. Спорить с Ильёй в таких ситуациях бесполезно – упёртый, как БМП в пластилиновой грязи. Увязнешь, с ним препираясь, но ни на сантиметр в сторону не сдвинешь. Хотя внешне на боевую машину пехоты он даже приблизительно не похож. Суховатый и поджарый, как гончая, и точно так же вынослив и быстр. Я недоволю киваю и перестраиваюсь. Илья подмигивает мне и кивает на чернеющий проём подъезда. Входная дверь, расщеплённая взрывом, болтается на одной уцелевшей петле и унылым скрипом негостеприимно приглашает нас войти.

– Сука! – вдруг ору я этой двери. – Это ты во всем виновата!

Вскидываю автомат и с замесом горечи и упоения расстреливаю длинной очередью эту падлючую дверь. Она разлетается, словно разбитое зеркало, крупными кусками, и сердце моё наполняет ликование и безудержное счастье. Нам не надо идти в этот подъезд, и значит, с Илюхой всё будет в порядке!

– Во дурак! – восхищённо шепчет друг и начинает смеяться.

В ответ на смех подъезд ощеривается стволами и воздух расслаивается от плотно летящего в нас свинца. Выбитые рамы окон так близко, что я вижу перекошенные злобой лица, перебегающие силуэты, отчетливо слышу проклятья и ругань. Сегодня мы не попались в их ловушку! «Дан! Дан! Дан!» – подхватил смех Илюхин автомат. Я же в два движения меняю пустой магазин. Досылаю патрон в патронник, с удовольствием выделяя из грохота и визга лучший звук – звук готовности к бою – и рывком выглядываю из-за укрытия, тут же включаясь и поддерживая друга огнем, выхватывая врагов, с отдачей в плечо ломая их бег, судьбу, жизнь...

В ответ по щербатой от осколков стене совсем рядом чиркнула очередь, выбив кирпичные отлётши. Несколько пуль, вспенив асфальт, уткнулись предо мной. Но, на удивление, это совершенно не пугает, а добавляет куража и адреналина. Не оставляет ощущение, что сегодня боевикам нас не достать. Да и как им с нами тягаться, если из-за соседнего дома, лязгая гусеницами, медленно выползает закоптелый танк.

– Наши... – шепчу я и машу танку рукой. В ответ он замирает. Башня разворачивается, блеснув алой звездой, и наступает мгновение тишины... А затем гремит выстрел, и проклятая пятиэтажка отзывается ему взрывом. Начинает крениться и осыпаться, накрывая визжащих врагов крошащимся бетоном, прикрывая похороны пылевой завесой. И через эту пыль цвета мышиной шкуры я вижу, как сдав назад скрывается танк, а за ним, не оборачиваясь, уходит Илья. Я окликаю его, но голос вязнет в этой плотной серой массе. Забивает рот, нос и не дает вздохнуть. Я падаю на колени, пытаюсь выплюнуть проклятый ком, но не получается. Он острой наждачкой скребёт небо, я задыхаюсь... и задохнувшись, тут же просыпаюсь с гулко бьющимся сердцем, с пересохшим горлом и не выкрикнутой болью.

Медленно поднимаюсь и иду на кухню. Жадными глотками пью воду, долго умываюсь, пока лицо не начинает ломить от холода, и рывком, разбрызгивая по сторонам бисер брызг, оглядываюсь на фотографию, где мы с Илюхой, обнявшись за плечи, ржём, глядя в объектив, и теперь уже я подмигиваю другу – славный бой сегодня выдался!

Одеваю и иду на службу.

У казармы стоит смурной сослуживец Ренат и, о чем-то размышляя, курит. Подхожу к нему:

– Рен, чего хмурый такой?

Ренат смотрит на меня, и взгляд его проясняется. Он растеряно улыбается:

– Да, понимаешь, какая штука, сон последнее время снится паскудный. Как будто иду я по Грозному, по нашим улицам, и вдруг понимаю, что пулемета при мне нет. Меня от этого прям в жар бросает. Оборачиваюсь в панике, думаю, может, у вас он. А вас тоже нет! Один я! И оружия нет... и даже гранаты нет! Как воевать? И тут голос чей-то в ухо, тихонько нащёптывать начинает: «Так мир же. Не нужен больше пулемет». Да только плохо мне... не верю я этому голосу. Снится тебе такое?

Я мотаю головой:

– Нет, Рен. Мне война иногда снится, Илюха, танки... Сегодня вот опять бой был у Минутки. Нагрузили бородатых!

В глазах сослуживца вспыхивает искренняя зависть, он смотрит на меня задумчиво, словно хочет о чём-то спросить. Затягивается, щелчком выбрасывает окурок, и выдыхает вместе с дымом лишь одно слово:

– Везунчик!

НИНА ОБРЕЗКОВА

НА СЕМИ ЛОДКАХ

От всего сердца натешилась в этом году вешняя вода. Отобрала у людей стоявшие по берегу бани, облизывала уже углы домов, но никак не могла насытиться. Сельчане с тревогой смотрели на разбухающую реку: «Господи Боже, спаси нас и помилуй!». Лишь прибрав к рукам дорогу к сельскому кладбищу, река угомонилась. Растерялись люди – виданное ли дело, чтобы дорога на тот свет ушла под воду. Протекавший рядом с погостом ручей по весне и раньше частенько разливался, но настолько высоко вода поднялась впервые. «Только бы никто не умер, только бы никто не умер», – с надеждой приговаривали местные.

Но, кроме людских упований и речного норова, имеется в мире и другая, высшая сила: вскоре по округе разнеслось – в соседней деревне преставился мужик. По годам вполне еще жилец на этом свете. «Ну, дела, ну и дела-а-а, – шептались сельчане. – Вот ведь, вот ведь, в такое половодье! Как и хоронить-то будем?»

Посудачив, люди принялись за привычную работу: мужики взяли топоры и пилы, а бабы затеялись варить и стряпать на поминальный стол.

А что тут поделаешь, не положено покойников на поверхности земли оставлять.

Этот мужик так же, как и нынешнее половодье, когда-то от души натешился в моей жизни. Лет двенадцать мне было, наверное, когда он зачастил к нам в дом. Ну, приходит и приходит. Нам, детям, то конфеты, то еще какие-нибудь гостинцы-лакомства приносит. Посидят с мамой, чай попьют, поговорят о чем-то, а нам и дела не было до их разговоров.

Но в один из вечеров – уже стемнело, – а гость все еще у нас. Я позвала маму в другую комнату и тихонько спросила:

– Мам, он долго еще здесь сидеть будет? Спать пора, поздно уже.

– А вы ложитесь, не ждите меня. Я тоже лягу потом.

– Ну, мама...

– Я сказала, иди ложись.

– Нет.

– Ложись!

Что меня тогда так распалило? Мамины ли глаза, голос ли? Я вдруг отчетливо поняла, что дома у нас не всё в порядке. Всегда строгая, мама на этот раз даже сердилась как-то по-особенному.

– Я не лягу, пока он здесь.

– Ляжешь.

– Нет. Завтра в школу не надо, каникулы. Тогда я тоже буду здесь сидеть.

– Не зли меня.

– Ах, не злить?! – Характерец-то у меня еще тот был. – Ну, хорошо: либо я, либо он.

– Не дури.

– Я и не дую. Я сказала.

– Нашлась тоже – разговорчивая. Ложись и спи, завтра утром поговорим.

– Никакого завтра здесь не будет, – хлопнув дверью, я выбежала вон. Куда? Зачем?

...Оказалась почему-то в доме бабушки Павлы и деда Якова. Их похожий на игрушку дом стоял наискосок. Дружно жили они с бабушкой моей, и нам как родня были.

– Что-то поздновато. Мама зачем-то послала? – удивилась бабушка Павла.

– Нет, – промямлила я. – Я... просто так... побуду... у вас.

Бабушка Павла потуже подвязала платок и куда-то вышла, а я стою и не знаю, что мне теперь делать.

Довольно скоро она вернулась и, пройдя на кухню, сказала:

– Ладно, деточка, ладно, побудешь так побудешь. – И снова принялась за домашние хлопоты.

«Наверное, к нам выходила. Сейчас мама придет. А может, не придет».

Я даже толком не понимала, почему я убежала из дому и как это – мама за мной не придет. Сама же возвращаться назад я, понятное дело, не собиралась. Мне отчего-то было очень обидно. А отчего? Двенадцатилетняя девчонка, дочь школьной учительницы, которая училась жить по книгам, а любовь ей казалась каким-то огромным чистым небосводом, конечно, не могла соединить эту любовь с человеком, сидящим у нее в доме. В голове билась лишь одна мысль: «Мама предала отца!»

Жизнь кончилась. Я не плакала – обида выжгла слезы. «И зачем жить этой обманной, лживой жизнью?» Мыслей о настоящей смерти, конечно, не было, просто хотелось стереть, стереть всё, что происходило не по моим представлениям. А как это сделать, я и сама не знала.

...Долго я стояла и царапала угол большой свежевыбеленной печи бабы Павлы. Потом, когда заболели кончики пальцев, стала выковыривать белую муку из-под ногтей. Физическая боль оказалась сильнее душевной, и незаметно для себя я успокоилась. Бабушка Павла изредка поглядывала в мою сторону, но ничего не говорила, за подпорченный печ-

ной угол тоже не ругала.

Пришла мама. Оказывается, она сразу и приходила, но бабушка Павла попросила её меня не трогать, пускай, мол... Через некоторое время мы всё-таки пошли домой.

Дома кроме сестры теперь уже никого не было. Мама сказала:

– Давайте в карты поиграем.

И попала в самую точку. А мы и вправду очень в карты любили играть с бабушкой. Придет, бывало, она, вытащит из кармана колоду – она карты всегда с собой носила – ну что, поиграем? И играли. Но больше всего мне нравилось смотреть, как они играют с дедом Иваном и с бабушкой Софьей. Всегда как-то очень уж весело – с шутками-прибаутками. Дед Иван на язык остер был, балагурил все время. Большого роста, крепкий, с густой черной бородой. Бывало, зайдет в лавку: «Ну, клеп горящий?» «Горячий, горячий хлеб...» – улыбается продавец. «Ну, откуда он у вас горящий, если из печной трубы сегодня дым не шел?»

У каждого из них были свои, персональные карты. Сначала играют одной колодой, куда кто-то не скажет: «Ну, все, а теперь моими поиграем». Я всё удивлялась, ведь карты совсем одинаковые, а им зачем-то надо было колоды менять, да еще во время игры так увлекутся не на шутку, что дед Иван даже про свою трубку забывал. Играют, матерятся, будто корова на кону стоит. Этот карточный азарт и нам, ребятишкам, передался. Только достанет бабушка колоду из кармана – про все на свете забываем, расслаиваемся за стол, как заправские картежники...

Но мама с нами играть никогда не садилась. Может быть, потому, что учительницей работала, то ли по какой-то другой причине, не знаю. Все время ворчала на бабушку, что та нас к картам приучает. И вдруг в этот вечер мама села с нами играть! В карты!!! Я думала, что у нас их и в доме-то не водилось... С видом знатока перетасовала колоду и раздала:

– Ну, у кого что, ходите.

Так закончился этот день. Играя в «дурака» на расстеленном матрасе, я окончательно успокоилась и уснула.

Наутро снова светило солнце, мы купались в теплой еще августовской реке и загорали, словно и не было вчерашнего случая. Но с этого дня я стала чуть-чуть взрослее, что ли. Жизнь впервые вытащила меня из книг и окунула в действительность. Действительность оказалась другой, и на моем сердце появился первый небольшой стежок. Неприглядным и грубоватым он получился. А говорят, что о вышивке судят именно по первому стежку...

Чем больше стежков на сердце, тем меньше оно трепещет, тише бьется. И тогда, и дальше, во взрослой жизни, душа моя неизменно стремилась к свету и чистоте, но больно уж много ухабов и ям таит человеческая дорога, после которых только одно спасение, только одно надежное укрытие – книги.

...До этого случая я уже убегала из дому – нечаянно обварила кипятком сестру и себя. Испугалась, что будут ругать. Волдыри сестры сразу чем-то помазали, и ни следочка от них не осталось, а я полдня пряталась в бабушкином дровянике. В конце концов меня нашли и отвели в больницу. Следы от ожогов остались на коленях до сих пор.

Потом я еще много раз пыталась убежать от разных вещей, но жизнь неизменно догоняла меня и больно мстила за попытки к бегству. Похоже на детские догонялки, только вот водить мне пока ни разу не удавалось.

* * *

Река волновалась. Наслаждаясь своей властью, большая вода раскачивала лодки из стороны в сторону. Веревки, их удерживающие, то натягивались в струну, то безвольно падали. Казалось, что кто-то невидимый отдавал им приказы: «Не торопитесь. Всему свое время». Точно так же и человеческие души постоянно балансируют между жизнью и смертью. Точно так же человек, пока жив, колеблется и сомневается, если стоит перед каким-нибудь выбором.

В полдень, когда солнце повисло в аккурат над погостом, народ, провожающий покойника в последний путь, добрался до берега. Моторные и весельные лодки ждали наготове, люди молчали.

Солнце неожиданно спряталось за облако. «Только бы дождь не начался, давайте, это...» – сказал кто-то из мужиков. Все будто бы встрепенулись, и людской муравейник зашевелился. Никто не знал, сколько лодок понадобится для таких необычных похорон. Про запас приготовили около десятка, чтобы потом можно было выбрать из них самые подходящие.

* * *

Выросли мы без отца. Мама не любила рассказывать о годах своего замужества. Знаю лишь, что после окончания училища она по направлению поехала работать в дальнее село. Отец разыскал ее и перевез в райцентр. Поселились там в небольшом домишке. Мама работала в школе, потом родилась я, а через два года моя сестренка. Спустя два месяца после ее рождения отец повесился. На этом семейная жизнь мамы закончилась. Было ей на ту пору тридцать лет...

* * *

Первую лодку выбрали небольшую. Для деревянного могильного столбика много места и не надо. На прибитом к нему кусочке жести гвоздем нацарапали имя и фамилию. Словно своеобразный пропуск, без которого в иной мир не примут, пока не узнают, что это был за человек и зачем он приходил на эту грешную землю.

* * *

А мы безотцовщину особо-то никогда и не замечали. Жили не тужили, прыгали-скакали. Всё у нас было, как и у остальных детей: и одежда хорошая, и коньки-лыжи, и велосипед. Мама меня даже к морю возила. А потом всё ждала, когда я её отвезу на море, да так и не дождалась. Прости меня, мама...

...По рассказам, после отцовских похорон две мои бабушки – по отцу и по матери – собрали мамино «добро» в грузовик и привезли в дом моей ыджыдмам, что в переводе с коми – старшая мама. В ее доме мы прожили три года. Мама куда-то ездила, на какие-то конференции, оставляя нас на бабушкино попечение. Бабушка тогда была еще не старая, работала, а я часто болела и подолгу сидела дома. Хоть я и копалась в книгах дни напролет, всё же, видно, скучно было. Бабушка рассказывала, что как-то раз она пришла домой, а я вся зареванная стою перед маминей фотографией и подвываю: «Мама-а-а, иди-ии! Мама-аа». Бабушка спрашивает: «Что ты, деточка милая, так плачешь? Приедет твоя мама». И начала меня успокаивать. А я ей скулю в ответ: «Да-аа-а, как же приедет? Я ее зову, зову, а она даже не разговаривает со мной».

Плохо дитю без мамы, и никакие лакомства да красивые игрушки ее не заменят. Мама всегда самая славная и добрая – точно это основная ее миссия в жизни. А разве другой может быть мама? Я никак не могла взять в толк тогда, почему пожилые сельские бабы, глядя на нас, сочувственно приговаривали: «Бедные детки». И почему-то добавляли при этом: «Что бы с вами стало, если бы не ваша мать. Хорошая она, тем и спаслись».

Своим детским умом я, конечно, не понимала, что это такое – расти детям без отца и жить молодой женщине без мужчины. Моя мама сумела сделать мое детство действительно счастливым. Ни разу от нее я не слышала плохих слов об отце.

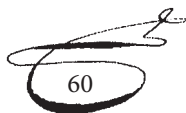
После смерти моего отца с нами долго жила бабушка Ольга, его мать. Она вела себя так, словно её сын живой, словно так и надо и ничего не случилось. Вязала носки, глядя в окно. Дожила до восьмидесяти лет, и ни разу я не видела ее в очках. Видимо, руки за долгую жизнь научились обходиться без глаз, сами знали, что им делать.

Папина сестра, моя крестная, часто у нас гостила. В моей памяти так и осталось, что обе эти женщины как бы заменили мне отца. Да где же заменишь?

* * *

Во второй лодке плыли два венка. Сейчас иногда случается, если городские на похороны приезжают, то с собой такие большие и разноцветные венки везут, что могила потом на клумбу становится похожей. В этот раз никаких «важных» венков не было. Сельские бабы сладили из веток. На венки леса еще хватает.

* * *

Мне было около пяти лет, когда мы перешли жить в новый дом. После скромной бабушкиной избы он показался мне настоящим теремом. Четыре комнаты, высокий потолок, пахнет свежим деревом, стоит в самом центре села. Возле дома посаженные кем-то черемухи и березки, рядом с ними – ручей. Но всю эту красоту я заметила позже. Во время переселения помню лишь, что первая комната была еще без пола. От порога до порога лежала толстая, длинная плаха, по которой мы и ходили поначалу. Она казалась мне мостом через какую-то невидимую широкую реку. Самое интересное было вечерами, впотьмах. Под светлой плахой – непроглядная темень. Дойдешь до середины, качнешь доску и думаешь – если сорвешься вниз, долго ли лететь придется? Боязно, а все равно качаешься. Так мы и развлекались, пока не постелили пол. Спустя время, перед Пасхой, бабушка приспособила для нас на сеновале настоящие качели. Мама их почему-то сразу же невзлюбила. Все время поднимала веревки с доской вверх, на бревно. Может быть, боялась, что мы с них когда-нибудь сорвемся, а может, доска мешала управляться с сеном. А нам с сестрой летать в травяных ароматах очень даже нравилось, и мы при любой возможности, тайком от мамы, снова и снова распускали веревки и прилаживали доску.

...Меня всю жизнь удивляет, как мама с двумя малышами на учительскую зарплату подняла такой огромный дом. Сельчане, конечно, помогали и бабушка. Она у нас с характером была, даже мужики ее побаивались: все деревенские работы лучше иного мужика знала – хоть печку сложить, хоть стог сметать. И все же больше всего хлопот выпало на мамину долю. И потом, всю жизнь, она что-то все время мастерила, приколачивала. Тяжело без мужика, но и помощников за каждым разом просить не будешь.

Именно этот дом стал для меня по-настоящему самым дорогим. До сих пор, хотя давно уже живу вдалеке от родных мест, он для меня самый главный на земле.

Всю жизнь мечтаю построить свой дом, но вряд ли у меня что-нибудь получится...

* * *

В третью лодку положили крышку гроба. Чтоб не намочить обивочную ткань, крышку приспособили поперек лодки. Тем, кто смотрел на всё это с небес, должно было быть удивительно, что это за крест плывет по реке...

* * *

...Отца я помню смутно. Ни его голоса, ни лица не осталось в моем детском восприятии. Всего несколько эпизодов и сохранилось из прошлого. Когда он качает меня на коленях – и похороны. Нас, двух сестер, посадили тогда на диван и долго фотографировали. Зачем? Я, помню, всё порывалась встать... Встану, подойду к бабушке, трогаю её лоб – теплый, потом прикасаюсь к своему – тоже тёплый, затем глажу папин лоб, а он – холодный.

...Не умела я тогда причитать по отцу, теперь, к сорока годам, научилась. Но теперь больше свою жизнь, наверное, оплакиваю. Плохо без отца, чего там говорить. И в детстве его не хватало, и сейчас нужен. Только вот где его возьмешь? Маленькое белое платице, подаренное мне отцом, я храню до сих пор. И еще – заказанный папой в каком-то фотоателье мой портрет, на котором мне два годика. Истончилась на нем бумага за годы, но я не решаюсь что-то менять. Это платице и портрет – моя об отце память.

Наверное, потому, что я совсем не помню отца, он всегда кажется мне самым добрым, самым красивым, самым толковым мужчиной на свете. Недавно я рассматривала мамин фотоальбом – так и есть – самый, самый. Эх, как бы хорошо нам всем вместе жилось...

Всю жизнь ищу мужчину, хотя бы отдаленно напоминающего отца. Увы...

* * *

В полном безмолвии гроб осторожно перенесли в лодку. Никому еще из нынешних не доводилось переправляться через реку с покойником.

Хотя эта, четвертая, лодка, и была побольше других, устанавливали гроб тщательно. Мало ли что – с водой шутки плохи. Заметно просевшая от тяжести лодка, покачиваясь, взяла курс к кладбищу. Она удалялась, а с берега казалось, что вода качает зыбку, над которой бабка-пестунья поет младенцу колыбельную песню.

Неожиданно набежал ветер и погнал волну. Стоящим на берегу людям даже пришлось немного отойти. «Но если сейчас зачерпнет, то всё...» «Господи, господи...» – осеняли себя крестом пожилые сельчане.

Обошлось. Лодки причалили. Перешел человек и через водную преграду – видно, и в самом деле выполнил все, что Бог уготовил ему на земле.

* * *

В один из моих приездов домой мама обмолвилась, что запретила приходить в дом тому мужчине. В последнее время они с мамой и вправду не очень ладили. Нет, ссориться часто они не могли, потому что жил он тогда в городе с нелюбимой, по его словам, женой. Приезжал только летом. Селился в старом доме своего отца, выпивал и приходил к маме. Каждый раз говорил, что, как только подрастет дочь, он оставит семью и приедет к маме. Я почему-то понимала, что из этой затеи ничего не получится, а вот мама в глубине души всё ждала его. Вот уже и дочка его выросла, вышла замуж и уехала далеко от родной земли, а мама так и оставалась одна. Однажды я, уже довольно взрослая, с начавшим черстветь сердцем, спросила маму:

– Ну на что он тебе нужен?

Она ответила мгновенно:

– Сердцу не прикажешь. И первая любовь не забывается.

Мне показалось тогда, что передо мной не мама, а шестнадцатилетняя девочка, впервые познавшая любовь.

И снова мне стало очень обидно и жалко. А кого жальче – себя или маму – не разобралась. Мне многое хотелось ей сказать, но я в который раз промолчала. Не нашла нужных слов. Если хочет, то пускай надеется и ждет... Да и имею ли я право что-то ей говорить. Однажды вот, в двенадцать лет, уже сказала...

* * *

В пятую лодку села родня. Приехала из города жена, и дочь вернулась из далеких земель. Больше близких родственников не было.

Отчий дом покойного окончательно осиротел и одрях. Не очень хорошим хозяином оказался его последний жилец, почти всю веранду разобрал на дрова. На дне полупустой лодки сумка с поминальной едой и бутылка водки. Кто-нибудь же помянет.

* * *

Мне было двадцать, потом тридцать лет, а он продолжал приходить. Однажды пришел во время моего приезда. Постарел, но все еще пытался бодриться. Слегка навеселе, прямо с порога прошагал к столу, выставил две бутылки и сел на диван.

Мама собрала на скорую руку какую-то снедь. Меня, хоть я всегда в таких случаях отнекивалась, тоже усадили за стол. Сидим. Он спрашивает о каких-то городских новостях, я что-то отвечаю. Вдруг он нагибается поближе ко мне:

– Знаешь что, а давай мы с тобой на рыбалку съездим. Сети возьмем, удочки, продукты, выпивки, как полагается. Вдвоем. На пару-тройку дней. А? – вроде бы и просто сказал, от души, а в глазах его мурлыкал мартовский кот.

Меня бросило в дрожь. В этот момент я опять вспомнила тот давний свой побег из дому. Чтобы не наговорить резкостей и не огреть его чем-нибудь по лысеющей голове, я снова вышла из дома.

...Больше мы с ним не виделись. И вот – умер...

* * *

В шестой лодке сидели в основном мужчины. Опускать гроб и закапывать могилу – мужская работа.

* * *

Мое ожидание – это только мое ожидание. Никто мне не обещал, что этот человек заменит мне отца. Я сама себя обнадеживала и ждала... И никто меня не обманывал... Я обманывала саму себя...

* * *

Мама сидела в седьмой лодке вместе с тетками, которые не пропускают ни одних похорон. Такие есть в каждой деревне. Горько причитая, они не забывают выпить несколько поминальных рюмок.

* * *

Летом мы с мамой ходили на кладбище. Вода уже убыла. О весеннем наводнении напоминали только небольшие ямки, в которых тускло поблескивала мутноватая жижа, да еще разбросанный и забытый половодьем всякий древесный мусор. Мы без труда добрались по сухому месту к могиле отца, завернули на могилу тети, а потом мама повела меня на его могилу. Посидели, помянули. Мама сказала: «Хотя бы так. При людях ведь сюда не придешь».

Я промолчала.

* * *

А что тут скажешь? Половодье не перегородишь...

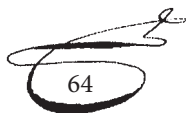
Сергей ПАВЛОВ

ИЗ ЖИЗНИ ОКУРКОВ

Вечер. Офис опустел. В отсветах уличных фонарей на полированной поверхности стола тускло отливала крутыми бедрами трубка из слоновой кости, щедро повязанная серебром поперечных колец. А рядом с ней в хрустальной вместительной пепельнице темнела солидная гора окурков.

– Ап-чхи! – тонко чихнула Трубка.

– Будьте здоровы, мадам, – басовито и несколько угодливо отозвался из темноты окурков дорогой сигары «Звезда Востока». – Я Вас понимаю: здесь так пыльно и столько всякой дряни!.. – Он брезгливо кивнул в сторону молчаливой кучи. Несмотря на свой явно укороченный рост, он, толщиной с палец, удобно лежал в канале боковой стенки

пепельницы, что позволяло ему любоваться своей изящной собеседницей и, сохраняя достоинство, дистанцироваться от толпы прочих окурков.

– Ой! Кто это? – испуганно воскликнула Трубка.

– Это я-с... Мой хозяин – директор СП... Он заезжал к Вашему боссу после совета директоров, вы, может быть, помните...

– Ах, да... Из Росинтура, кажется, припоминаю... Ну, а где же ваш второй... уж и не знаю, как его правильно назвать: брат, коллега, товарищ... Такой же толстенький и симпатичный?

– Да, был второй, только какой он мне брат или товарищ... Так – сосед по коробке... Он деловой, он сгорел на работе без остатка, а я другой, я – эпикурец в душе! Люблю красиво жить! Увидел Вас – судьба моя решилась, и вот я здесь, у Ваших ног...

– Благодарю Вас, – сладко пропела Трубка. – Однако, Вы галант!.. Сейчас это не часто встретишь...

– Ах, мадам!.. – продолжал наступление Окурков Сигары. – Весь вечер я люблюсь красотой Ваших грациозных линий... А сколько в Вас достоинства, какой парфюм!.. Божественный запах – «Герцеговина Флор», я не ошибся?

– О, Вы большой знаток ароматов! Шарман! Вы не находите меня несколько старомодной? Но ведь Вы же знаете, кто любил этот табак?..

– О да, конечно... – слегка дрогнувшим голосом поспешно отозвался кавалер в золотом мундире.

– А Вы, простите, родом не из Гаваны? – с опаской спросила Трубка.

– Ну что Вы... как можно?.. – попытался изобразить обиду галантный окурочек. – С Фиделем у меня ничего общего! Сам я – турецкоподданный, вращаюсь в солидном обществе... Держим, как говорится, реноме. Не знаю, устроит ли Вас моя биография, дорогая ханум, сударыня или уж лучше мадам?

– Ах, да хоть как назовите – лишь бы табачок был крепкий! А Вы мне очень даже симпатичны...

Судя по всему, консенсус был достигнут и, не обременяя себя в дальнейшем условностями этикета, представитель турецкого табака кинулся в объятия своей грациозной крутобедрой подруги. Некоторое время над столом шелестел сдавленный шепот:

– Ах, сударь, разве можно так сразу?..

– Мадам! Ну, мадам!..

Вскоре разговор прекратился, а дальше слышалось тонкое и томное женское попискивание.

Эротическую сцену внезапно нарушил звонкий и дерзкий голос, донесшийся из пепельницы:

– Кхе- кхе... Мэм, я, конечно, не монах и понимаю ситуацию, но нельзя же так забываться, даже если ваш партнер почтенный эфенди!..

– Ах! Здесь кто-то есть! Мы не одни... – испуганно визгнула Трубка, отталкивая от себя любвеобильный Окурочек.

– О аллах всемогущий, кто посмел подать голос в такой момент!?

– Сэр, я понимаю, что Вы турецкоподданный... я и сам люблю ваш кофеек, но даже это не дает Вам права ущемлять права сынов Америки! Разрешите представиться – «Мальборо»... Мои предки в графьях ходили, да и сам я не лыком шит... А попал я сюда с главой администрации, и пока наши шефы общались и пили коньяк, я, мадам, имел удовольствие беседовать с Вами, мало того, Вы поселили в моей душе надежду на взаимность, и мне кажется, что сейчас самое время собирать камни, но без этого баши-бузука... Бьюсь об заклад, когда состоялось наше знакомство, пепельница была вообще пуста, а этого толстопузого турка и в помине еще не было! Интересы Америки превыше всего, и я требую Вашей взаимности сейчас же и здесь же! Иначе!..

– Ах, господа, – растерянно забормотала Трубка, – действительно я что-то припоминаю... прошу простить... Я могла бы удовлетворить все ваши запросы... э-э... в определенной последовательности...

– Чертовы янки! – зарычал турок-окуроч, – экспансия – образ всей вашей жизни! Вы даже женщиной не можете овладеть, не играя мускулами. Но я клянусь аллахом, что не позволю вам объявлять этот стол зоной ваших стратегических интересов! Политика – отдельно, секс – отдельно!..

– Внимание! Исламский фундаментализм не пройдет! – раздался крики из пепельницы. Куча зашевелилась и на ее поверхности то тут, то там появились обгорелые, измазанные пеплом головки окурков, на которых с трудом читалось: «Техас», «Канзас», «Голливуд», «Америка», «Монтана», «Парламент»... Данное обстоятельство повергло в уныние турецкого крепыша, и он, похоже, оставил всякие надежды на продолжение только завязавшегося романа с Трубкой.

– Бог мой! – воскликнула единственная в этой компании дама. – Какое трогательное единение! Какая взаимовыручка – типичное американское качество! А где же мои-то земляки?

– Да здесь мы, сударыня, – из кучи пепла неуверенно проклюнулись огарыши сигарет «Родопи», «Опал», «Болгария», «ВТ». – Ты так мило щебетала с этими господами, что мы решили не вмешиваться. Зачем раздувать балканский кризис?

– Эх, земляки, – глубоко и грустно вздохнула Трубка, отдавая присутствующих терпким ароматом «Герцеговины», – совсем у вас патриотизма не осталось!

– И то верно, – отозвался сморщенный окуроч «Примы», невесть как попавший в эту привилегированную компанию, – какой тут патриотизм, причем тут Балканы, когда всех их зачали на Прокопьевской табачной фабрике, в соседнем цехе... Сам видел – век воли не видать! Космополиты они, а не земляки! А ты, путана крутозадая, должна знать, что твой Хозяин, да не этот хлюпик из «новых русских», а тот, настоящий, Усатый, очень не любил всяких космополитов! Они у него Беломорканал рыли – хоть польза была...

– Хо-хо! И про меня вспомнили, – с трудом распрямляя спину прохрипел худосочный окуроч «Беломорканала». Оглядевшись по сторонам, он сокрушенно покачал своей опаленной головой и досадливо сплюнул:

– Дожили! С кем приходится общаться: янки, космополиты, мусульмане – дома прохода не дают!

Дальнейшие его слова утонули в потоке дешевой, едкопахнувшей махорки. Это сторож Лукич, делая вечерний обход офиса, зашел в кабинет президента компании. Как всегда, у него во рту торчала огромная «козья ножка», туго набитая махоркой. То ли надоело Лукичу сосать ее, то ли затухла она невпопад, но он решил от нее избавиться и ткнул ею в пепельницу, где уже назревал нешуточный конфликт. Слабо склеенная слюной самокрутка развалилась, и махра толстым слоем накрыла табачный интернационал. Трагедия Помпеи повторилась! Затем Лукич громко высморкался и, обтерев пальцы о штанину, неторопливо вышел из кабинета. Тишина зависла над столом... Казалось, сама жизнь была придавлена «козьей ножкой» Лукича...

Но не тут-то было, и вскоре над полуистлевшей махоркой показалась жуликоватая головешка «Беломора». Зыркнув по сторонам, он принюхался, чихнул раз десять кряду и проворчал недовольно:

– Ходят тут разные, а после них – вся жизнь в дерьме! – Но затем, еще раз принюхавшись, добавил уже почти нежно: – Да-с, табачок дерьмовый, а все – таки наш, расейский!..

Юрий ПАВЛОВ

КТО ИЩЕТ, ТОТ НАЙДЕТ!

Сценарий художественного фильма

Картина первая.

Квартира в Екатеринбурге. Герой по имени Георгий, хозяин квартиры, устраивает вечеринку по поводу своего Дня рождения.

Георгий по профессии геолог, учёный, кандидат наук, работает старшим научным сотрудником в одном из НИИ Уральского отделения Академии наук России, возраст 38 лет. Главное его хобби всей жизни – археология. Квартира обставлена в духе рабочего беспорядка. На стенах зала висят древние образцы оружия, различные археологические древности, каменные скребки, стенды с коллекциями наконечников каменных и бронзовых стрел. На полу в зале также стоят древние каменные бабы, плиты с наскальными рисунками, кувшины, вазы керамические и бронзовые и прочее. На других стенах зала карта Урала и Европейской части России. Посредине зала стоит уже раздвинутый стол, накрытый на шесть персон.

В прихожей висят рога животных, чучела животных и птиц, стоит столик и два стула, вешалка для одежды и прочее, что должно быть в прихожей.

Постепенно собираются приглашённые гости – друзья героя. Среди них женатая пара: Миша и Вика, возрастом по 30 лет, два молодых человека – Сергей и Дима, возрас-

том около 30 лет. Миша и Вика врачи, Сергей и Дима – сотрудники Георгия по институту. Присутствует также молодая соседка героя – Лола (27 лет), с которой у него сложились лёгкие дружеские отношения. Она помогает накрывать герою на стол.

Гости садятся за стол. Звучат тосты. Первыми поздравляют Миша и Вика:

– Поднимаем тост за давнее автомобильное увлечение нашего виновника торжества и дарим ему автомобильную аптечку нового образца. Ты много ездешь по степям, будь осторожен на дорогах, чтобы эта аптечка тебе не пригодилась. Мы сами скоро едем отдыхать на юг и приобрели себе такую же аптечку. Ну... за безопасность движения!

Второй тост озвучил Сергей:

– Дорогой друг, мы все прекрасно знаем тебя как увлечённого археолога-любителя. Немало Земля наша пострадала от твоих лопат и кайл. Но давние привычки и увлечения искоренить нельзя, поэтому мы считаем тебя неисправимым землекопом. Дарю тебе МСЛ – малую сапёрную лопату, она легче большой в 3 раза, дабы тебе не так тяжело было таскать свои инструменты по обширным просторам территорий древних цивилизаций. Ну... за твою удачу в раскопках!

Третий тост сказал Дима:

– Ты на работе в институте изучаешь месторождения золота, всё личное время тратишь на поиски древностей, а вот древних изделий из золота так и не нашёл. Может ты плохо просматриваешь перекапываемый грунт? Тем более, что у тебя скоро начнётся старческое ухудшение зрения. Дарю тебе эту мощную лупу, которая, несомненно, поможет тебе найти не только каменные, бронзовые и железные артефакты, но и золотые. Ну... за презренный металл!

Четвёртый тост прозвучал из уст Лолы:

– Весь твой дом заставлен осколками древней посуды, а вот поесть, попить не из чего. Поэтому дарю тебе комплект посуды на шесть персон. Ну... за посуду!

Разговоры за столом оживились. Шутки, анекдоты, смех, тосты по новому кругу.

– Ну, за древние цивилизации!

– За этих, как их там, лесбиянок, фу-ты, за амазонок!

– За скифов, за языческих богов!

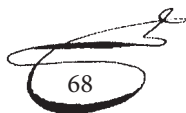
– За ариев и ариек!

– За жриц любви!

Играет музыка Владимира Высоцкого «Наш Федя с детства связан был с землёю...». Время от времени гости рассматривают экспонаты. Крупным планом камера берёт их.

В завершении вечера герой сам играет на гитаре и поёт романтическую песню собственного сочинения «Всё начинается с любви»:

Вот чаша с чувственным нектаром,
Ты чашу эту пригуби –
Познаешь истину, недаром
Все начинается с любви!

Покой и сытость лишь мещанам,
Такого счастья не лови.
Далекий предок завещал нам:
Все начинается с любви!

Молитвы ныне замолчали,
Ты Бога в помощь не зови.
Не в Боге истины начало,
Все начинается с любви!

Открылось чувство на рассвете,
Его с рожденья не губи.
Поверь – что есть на белом свете,
Все начиналось с любви!

Картина вторая.

Гости расходятся. Первой уходит семейная пара. Они тепло прощаются и произносят много лестных слов.

– Жениться тебе надо и меньше мечтать будешь. Лола, ты его окрути хорошенько!

– Он меня и таким устраивает...

– А вдруг конкурентка появится?

– Да! Кому он такой бедный нужен?! Буду только рада, если кто наденет на него хомут семейного счастья!

Затем уходят Сергей и Дима изрядно навеселе. Дима покачивается и случайно задевает один из стульев, который выдвигается на середину прихожей. Никто этого не замечает. Также желают всего наилучшего. На столике лежит забытый зонтик. Лола остаётся, она уже собрала посуду и идёт с ней на кухню. Герой выключает свет в прихожей и возвращается в зал, подходит к ещё не убранному столу, наливает рюмку водки, переходит к одному из стенов с цветными изображениями золотых изделий из известных сарматских курганов, долго пристально на них смотрит и махом опрокидывает рюмочку, закусив кусочком торта.

Звонок в дверь.

Георгий:

– Кого ещё черт принёс?

Выходит в прихожую и, не успев включить свет, натывается на стоящий на пути стул. Он с шумом падает в направлении входной двери, бьётся о неё головой, что-то грубо произносит. За дверью голос Димы:

– Забыл зонтик, а на улице дождь.

Тут же в прихожую на шум входит Лола. Она включает свет, открывает дверь и впускает Диму. Георгий держится рукой за ушибленное место на голове. Лола отдаёт зонтик Диме, тот, уходя, произносит (нарочито с кавказским акцентом):

– Праасты, даарагой, с меня причитается за лишнее беспокойство, да!
Лола ставит опрокинутый стул на место, гасит свет в прихожей.

Картина третья.

Лола хлопочет около пострадавшего. Георгий и Лола в постели спальни. Голова Георгия перевязана. Он обнимает её и она ложится к нему на грудь головой. Засыпают.

Герою снится сон в ярких красках. Деревня малой родины в Заволжье Саратовской области. Курганы, степь, кручи по берегам небольших речек, дамбы прудов, стада коров на водопоях, деревенские пейзажи. Герой идёт по берегу реки по тропинке. После только что прошедшего дождя бурные ручьи впадают в плес реки. Берега ручьёв подмываются, и грунт обваливается, обнажая новые слои. Герой останавливается, наблюдая эту картину. Вдруг после очередного обвала из кручи вываливаются ярко блестящие предметы из жёлтого металла, явно золотые. Среди них кубки, блюда, чаши, подсвечники и другие предметы украшения стола. «Это сарматские» – успел подумать герой...

Сон резко сменился другой картиной. Современная деревня. Ночь. Костёр за околницей. Дети около костра поют песни...

Картина четвёртая.

Проснувшись герой вспомнил сон и четко определяет, что это событие произошло на реке Сестре ниже деревни Смородинка на его малой Родине. В комнате он уже один. Лола ушла. Он хватается за карту и внимательно изучает место расположения деревни. Хватает с полки книги, сопоставляет, анализирует и приходит к выводу, что увиденное во сне может быть вероятным на 99 %. По включенному телевизору дают погоду. Диктор вещает: «В Заволжье идут сильные грозовые дожди»...

Картина пятая.

Георгий на рабочем месте обзванивает своих друзей и приглашает всех в пивную в конце рабочего дня полечиться пивом после вчерашнего.

Картина шестая.

Герой, Дмитрий и Сергей собрались в пивной после рабочего дня. Последним появляется Михаил. Под кружку пива «Сибирская корона» и шутки относительно случившегося вчера вечером Георгий рассказывает свой сон во всех красках и весьма убедительно:

– Сон видел цветной. Клад нашёл, дожди размывали обрыв и из него вываливаются золотые подносы, кубки, подсвечники, да, точно помню, гривна была массивная, кило точно потянет! И ещё что-то... Главное, место запомнилось, недалеко от моей деревни...

Каждый из слушающих не удержался задать вопрос герою на тему, где же конкретно это произошло. После пива Георгия понесло и он честно рассказал и о своих предположениях о месте событий, развернувшихся в красочном сне.

- Как, говоришь, деревня-то называется?
- Смородинка!
- Туда и добраться-то, поди, невозможно.
- Там асфальтовая дорога, да и железку проложили уже лет 20 назад. Станция называется, кажется, Новоперелюбская.
- И что, ты собираешься туда поехать?
- Ты же знаешь, сейчас не могу, дела на работе, иностранцы приезжают, придётся их сопровождать на Кваркуш. Через пару недель развяжусь, возьму отпуск и на малую Родину...
- А мы с Димой на Южный Урал! На поезде, уже билеты взяли. Станция Айдырля, одноимённая речка на границе с Казахстаном. Да, граница-то стала близко, говорят щуки там крупные...
- А как твоя-то речка называлась, ну, где клад?
- Река Сестра моя речка, левый приток Иргиза, который также является левым для матушки Волги. Вырос я там... приметное место – дамба большая рядом.
- А на каком берегу реки был клад?
- На левом, и склон оврага тоже левый, и шишка у меня на левой стороне образовалась, и я – левша, так что, всё должно сойтись.
- Много ли золота было-то?
- Если в килограммах, то сказать трудно. А по количеству предметов – с дюжину, кажется, вывалилось.
- Да!.. Не дай Бог, кто случайно обнаружит. Крестьянину-пастуху какому подфартит. Обидно будет...
- Не верю я во всё это. Не стоит забивать голову всякими нереальными мечтами. Мы вот завтра на юг, в Крым, и это реально. Об этом и пометать можно.
- В Крым, говоришь!.. Тогда с тебя причитается!..
- А в Крыму уже всё чёрные археологи вытащили до последнего черепка... Копают, где ни попадя, и дороги перекапывают, и в заповедниках умудряются копать, не говоря уж об отдалённых местах, там вообще беспредел... Кажется, на эту тему был репортаж Елены Масюк по НТВ.
- На столике из рук Миши появляется бутылка водки и бутерброды.
- Бутылка разливается в 4 стакана.
- Два тоста в одном, как обычно.
- Ну... за отпуск и Крым!..
- Ну... за «сбычу мечт», читай снов, то есть сна!..
- Будь он неладен, только волнений добавил!
- Друзья прощаются. Предполагается, что они не увидятся более месяца. Ведь одному на север, другим в Крым, двоим другим на границу с Казахстаном...
- Однако!..

Картина седьмая.

Кабинет героя. Звонок шефа (голос в трубке):

– Можешь расслабиться. Кваркуш откладывается на месяц. Иностранцы, то есть шведы, придут лишь в следующем месяце. У них главный заболел. Но они, коль заплатили, обязательно будут. Билеты они поменяли, приедут на месяц позже. Контракт остаётся в силе. Издержек не будет. Так что можешь отдыхать! Пока.

– Отдыхать?.. Хорошо! О кей! Вери гуд! Зеер гут! Как это по шведски?!

Георгий принимает решение: возьму недельный отпуск и рвану на малую Родину. Пишет заявление и относит секретарю, бросив на ходу:

– Шеф разрешил, т. е., буквально заставил...

Картина восьмая.

Квартира героя. Никого не предупредив, даже Лолу, Георгий пакует снаряжение. И как можно быстрее... на сбор – два часа. Он готов ехать. Двор, герой садится в машину – бежевую «Ниву». Трасса на выезде из города. Бежевая «Нива», нагруженная походным обмундированием и инструментом, выезжает из Екатеринбурга...

Картина девятая.

Купе поезда. За столиком купе двое. Это Сергей и Дима. Они только что отъехали от вокзала станции Свердловск и направляются в Айдырлю, в полевую партию на геолого-разведочные работы. На столе пиво и вобла.

– Едем, а ведь начальника партии не предупредили, что сегодня будем на месте. А завтра уже выходные... Приедем, а как до партии добираться будем?

– Не зима! И расстояние-то небольшое, придумаем что-нибудь.

– Слушай, а ведь неспроста этому придурку сон привиделся! Что-то здесь нечисто... А он, лох, завтра на Кваркуш... Я бы на его месте в другую сторону...

– Да! Мне что-то начинает казаться, что действительно там что-то есть!.. Уж больно красочно и достоверно рассказывал. Опять-таки, если правда, то не дай Бог, какому селянину достанется... А ты запомнил, что он там нам докладывал о месте расположения?

– Да запросто! Станция там какая-то Новоперелю... ..переля... или ...перелё... деревня ещё там тоже, называется, ну... от слова «смородина...».

Входит миловидная проводница (лет 26) и не закрывает дверь купе. Из коридора доносится разговор:

– Станция Новоперелюбская, кажется, часов 30 еще ехать, ну как в Саратовскую область въезжаешь, так там к утру и она... эта, как её, ну деревня Смородинка...

Дима и Сергей переглянулись... Очевидно, само провидение помогает им...

– Мальчики, предъявите билетки. Куда ехать-то будете?

Смотрит в билеты:

– А... в Айдырлю, почти земляки, я из Шильды... После Айдырли часа два, не более...

– Слушай красавица, как тебя зовут то?

– Ирина.

– Ирина, а если мы прокатимся с тобой лишние сутки, ну там кажется, станция есть Новоперелюбская, обратно как доедем?

– Очень просто. Эту станцию я хорошо знаю... Наш же поезд каждые сутки обратно и идёт. Время там уже московское. Кажется, часа в 4 утра прибываем, да вон расписание-то, посмотрите. Однако, ехать ещё больше суток.

– Ну, полагаю, с тобой, красивая Ирина, нам это расстояние не покажется длинным, да мы уж досуг-то организуем, будет не скучно... А за дополнительное расстояние с нас, естественно, сколько скажете... Но в пределах номинальной стоимости...

– Посмотрим на ваше дальнейшее поведение... До вашей Айдырли ещё пять часов, там и пассажиров далее не много садиться будет...

– Значит, договорились...

Проводница выходит.

– Тебе не кажется, что она стоит во ржи по колено на плакате Аграрной партии?

– Похоже, так и есть. Таких пару тёлок в хозяйство, и можно встречать старость...

– Да! Вероятно, она современная девушка... А ты знаешь анекдот, про то, кого называют современной девушкой? Слушай. Современная девушка – это когда у неё три в одном... Три сексуальных возможности в одном теле.

– Хха... А что, справедливо!

Поезд идёт на запад по степным просторам Южного Урала...

Картина десятая.

По шоссе мчит автомобиль «Жигули» 093 модели. В салоне за рулём Михаил, справа его жена Вика. Показан указатель на город Самару. Девятка проезжает ещё некоторое расстояние и останавливается в кемпинге. Супруги решили пообедать. Вика накрывает на походный стол, Миша достал атлас автомобильных дорог.

– Слушай, Вика, а ведь часа через три въезжаем в Саратовскую область или губернию. Как там сейчас правильно говорить-то? Да, и что-то этот следопыт нам вещал о кладе, интересно, это далеко отсюда? Деревня Смородина или Смородинка... Да вот она!

Внимательно рассматривает карту и удивлённо констатирует:

– Черт меня подери, но мы проедем от этого места всего лишь в 80-ти км. Через три часа будем у поворота на эту самую Новоперелюбскую, и это будет в 5 часов вечера. Мы могли бы доехать до этого места, переночевать и полдня, пока ты спишь, я бы поискал сокровища этого юродивого. Ведь мы сейчас ближе всех к этому месту, в отличие от него и тех наших неудачников! А больше ведь никто об этом не знает.

– Думаю, что действительно ничего не случится, если мы потратим день и остановимся в этих местах. Погода хорошая, да и продуктов в дорогу прикупим в деревне... По-

хоже, в этих краях крестьяне хорошо живут. Ещё июнь не кончился, а смотри, что предлагают. Картошка уже свежая на прилавке! Молоко, творог! Да всё есть! А вот подальше от большой дороги, сколько, говоришь, кэмэ будет до этой Смородины?.. 80! Вот, всего час езды, а, очевидно, в 2 раза дешевле, чем здесь, купим.

Десятка тронулась на юг и через некоторое время в г. Пугачёве (указатель поворота на ст. Новоперелюбская налево) повернула налево. Через час на закате солнца они ищут место ночлега на берегу реки Сестры у деревни Смородинка. Ставят палатку. Тренога с котелком. Костёр. Готовятся к ночлегу. Солнце близится к закату...

Картина одиннадцатая.

На экране купе поезда. В купе Сергей и Дима. Поезд подходит к Оренбургу. Звучит песня Расторгуева «Дорога, дорога...».

– Слушай за пивком бы сходить. Интересно, какое у них здесь в почёте?

– Какое-какое... Естественно, что «Пит»! Пивовар Иван Таранов из этих мест. Он любил пиво «Пит» и водку жрат(ь), гласит местная народная мудрость! Да рыбки не забудь. Здесь у них чехонь хороша и дешева. Из Казахстана везома.

– Когда будем в Новоперелюбской? – обращаясь к проводнице и намекая, что впереди ночь.

– Утром рано. По Москве – около четырех часов.

– Ну что? Время у нас ещё есть...

– У нас есть не только время!

Входит Сергей с пакетом, набитым бутылками пива Пит и сушёной рыбой. Тут же поезд трогается. Друзья садятся ужинать под стук колёс... После ужина Дима выходит из купе. Пассажиры уже улеглись спать. Он подходит к купе проводников и знаками приглашает Ирину к себе в купе. Та соглашается, кивая головой, ведь у неё начинается время отдыха и дежурит её сменщица. Они вместе заходят в купе друзей...

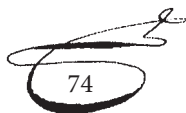
Картина двенадцатая.

Дорога и «Нива» нашего героя на фоне карты автомобильных дорог. Красивый вечерний закат. Георгий за рулём. Точка на карте движется через границу Куйбышевской и Саратовской областей в районе поселка Сёстры. Ему остаётся ехать около 100 километров. «Нива» пылит по просёлочной дороге.

Картина тринадцатая.

Ночь. Здесь же через станцию Сёстры проходит поезд, в котором наши герои приближаются к нужному месту. Поезд подходит к станции Новоперелюбская. Они вышли с большими рюкзаками. Дима и Сергей тепло прощаются с Ириной.

– До встречи через сутки. Всё было так прекрасно!

– Да, ты пожалуйста, не поменяй смену. Мы через сутки-то точно обратно поедem...
– Не бойтесь, я сама хочу следующий рейс проехать, да и вы, в общем, ничего, хороши!.. До встречи!

Ирина входит в вагон. Поезд уходит.

– Да! Современная девушка!

– Да уж!..

Тёплая лунная ночь. Поют сверчки...

– Ну, скоро будем на месте. Надо будет определиться, где у них та дамба?..

Мимо проходит подвыпивший мужик.

– Мужик, скажи, где у вас тут водохранилище с дамбой?

– Что, взрывать, что ль, будете? – С юмором в голосе отвечает мужик.

– Нет, наоборот. Новые связующие материалы испытываем. Сто лет стоять будет, не размоет ни один паводок.

Мужик показывает в сторону луны. Там блестела водная гладь водохранилища. Друзья взвалили рюкзаки и направились в ту сторону...

Картина четырнадцатая.

Георгий подъезжает к живописному берегу реки. Ставит свою оранжевую палатку под высокими раскидистыми ивами на поляне среди густого кустарника. Костёр. Луна. Герой ужинает у костра. Поют сверчки. Из деревни доносятся песни. Георгий засыпает перед костром. Картина переходит в утро. Герой просыпается. Вдалеке деревня. Поют пети. Встаёт солнце. Георгий разводит снова погаснувший костёр, завтракает. Внимательно рассматривает карту местности. Сопоставляет с ситуацией, увиденной во сне. Берёт лопату МСЛ и решительно направляется в сторону виднеющегося обрыва.

Картина пятнадцатая.

Водоохранилище. Палатка. Дима и Сергей выходят из неё. Завтрак. Берут в руки лопаты и направляются на склоны оврагов левого берега.

Картина шестнадцатая.

Миша и Вика выходят из палатки. Завтракают. Миша берёт лопату и идёт по берегу, осматривая обрывы. Вика остаётся в лагере.

Картина семнадцатая.

Школа в деревне. Собрание учеников девятого класса после сдачи экзаменов. Шумное обсуждение предстоящего похода по родному краю. Очень красивая девушка – учительница истории, она же классный руководитель возрастом 28-30 лет тщетно пытается добиться тишины. Наконец-то ей это удаётся.

– Ребята! Я предлагаю пройти по берегам реки Сестры. Сначала вверх по течению, затем вниз по другому берегу. В пяти километрах от нашего села известны развалины древнего поселения сарматов. Помните, я о них вам рассказывала.

– Инна Павловна! А правда, что у них был матриархат?

– Да, правда. Это подтверждается раскопками курганов. Женщины у них стояли во главе общества.

– И у нас надо так сделать.

– А у нас в семье уже давно так. Что мамка скажет, то для папки закон.

– И у нас тоже...

– А что, матриархат – это значит, они были амазонки?

– Нет, они были лесбиянками!

– Сама ты лесбиянка!

– Девочки! Будьте поскромнее! – смущённо произнесла учительница.

Общий хохот.

– Значит, все согласны. Завтра выступаем. С собой иметь трёхдневный запас питания в виде консервов, тёплые вещи, палатки у нас есть.

Картина восемнадцатая.

Дима и Сергей копаются в земле под обрывом.

– Этот придурок башкой трахнулся, глюки поймал, а мы идиоты поверили...

– Да. Похоже дело пустое. На поезд бы не опоздать, там пиво...

– Там не только пиво...

Картина девятнадцатая.

Миша копается в земле под обрывом в другом месте. Устало плюнул, и направился в сторону своего лагеря.

Картина двадцатая.

Георгий копается в земле под обрывом в третьем месте. Крупный план. Лицо вдохновенное, целеустремлённое.

Картина двадцать первая.

Дима и Сергей сворачивают лагерь и идут на станцию. Подходит поезд, они садятся в вагон к той самой проводнице. Они обнимают её и целуют как родную. Поезд трогается и уходит на восток.

Картина двадцать вторая.

Миша и Вика собираются уезжать. Сворачивают лагерь. Садятся в машину и едут в сторону деревни.

– Чёрт нас дёрнул поверить в эту чертовщину. У него же сотрясение, наверное, какой тут сон в руку!..

– Хотя продуктов по дешевке прикупим...

Останавливаются около базарчика. Вика покупает продукты и загружает их в машину. «Девятка» трогается и уходит на запад.

Картина двадцать третья.

Георгий в конце дня возвращается в свой лагерь. Закат, костёр. Герой внимательно изучает карту. Его лицо озаряется новой идеей. Эврика. Кажется, он нашёл наиболее вероятное место.

Утро. Георгий складывает инструмент в рюкзак (МСЛ, кайло, лупа, термос...) и направляется вдоль реки к новому оврагу...

Картина двадцать четвёртая.

Группа школьников в походном снаряжении движется вдоль реки. Кто-то из них поёт песни, кто-то шумно разговаривает. Среди школьников их классный руководитель Инна Павловна.

Картина двадцать пятая.

Группа постепенно приближается к лагерю Георгия. Уже видна его «Нива», палатка, очаг. Однако героя в лагере нет.

Время близится к вечеру. Группа становится на привал в нескольких десятках метров от стоянки героя. Ставят палатки, собирают хворост, ловят рыбу, готовят ужин. Одна смазливая девочка легко ранит себе ножом палец... Медицинской аптечки у ребят с собой нет. Уже стемнело. Вдруг замечают костёр по соседству. У костра сидит Георгий и также готовит ужин. Инна Павловна назначает делегацию из двух мальчиков отвести смазливую девочку к нашему герою, чтобы перевязать палец. Они направляются в сторону лагеря героя.

Георгий замечает ребят, встаёт от костра и идёт к ним навстречу. Разговор начинают ребята:

– Здравствуйте. Дайте бинт перевязать палец...

Герой идёт к машине, достаёт дареную аптечку, вынимает йод, бинт и перевязывает девочке палец. Она спрашивает:

– А Вы кто?..

– Археолог...

– Археолог? Ой, как интересно!

– А приходите к нам в гости, расскажите нам о древностях!

– Хорошо, я приду через час.

Ребята уходят. Герой стал приводить себя в порядок (бреется, надевает чистую рубашку, а сверху штормовку).

Приходит, знакомится с Инной Павловной и со всеми ребятами. Шутки, смех. Георгию сразу же понравилась Инна, а он ей. Ребята просят героя рассказать о сарматах и сарматках. Георгий охотно соглашается и интересно рассказывает о древних кочевниках.

Рассказ Георгия.

– Сарматы – это древние племена, жившие в этих степях в конце первого тысячелетия до новой эры – начале новой эры. Их прямыми предками были арии – индоиранские племена – носители андроновской культуры. Их соседями с запада были легендарные скифы, в Средней Азии в это время господствовали саки и аланы – тоже ираноязычные потомки арийских племён. На севере они соседствовали с предками финно-угорских племён.

(На экране идут картины древней жизни: скачущие амазонки, сцены охоты, принесение в жертву быков, тучные стада на фоне степных пейзажей, курганы, трапеза, работа кузнецов в древних кузницах, молебен у жертвенных мест, погребение жрицы).

Сарматы жили по берегам рек и озёр, главным их занятием было скотоводство. Однако племена приуральских степей были и искусными горняками, металлургами и кузнецами. Они изготавливали много изделий из меди, бронзы и позже из железа. В сарматских курганах также много находят серебряных и золотых изделий. Естественно, что основными изделиями было оружие, поскольку скотоводы всегда были при нём, охраняя свои стада и жилища от непрошенных гостей. Среди оружия были мечи, копья, луки, топоры-кельты. Учёные доказали, что металл, из которого изготавливалось оружие, захоронённое в курганах Поволжья, имеет уральское происхождение.

Сарматы, как и все первобытно-общинные кочевники, верили в своих языческих богов и у них были ритуальные места, жреческие обряды и культовые изделия. Последние изготавливались, естественно, из благородных металлов – серебра и золота. Людей знатного сословия и жрецов, а чаще всего это были женщины-жрицы, хоронили под курганами. При этом много приносили в жертву убитых домашних животных, надевали на них богатые украшения, ставили у изголовья золотую и серебряную посуду, наполненную жертвенным мясом. Многие вещи ещё и сейчас лежат в земле и ждут своего археолога или кладоискателя...

– А кто такие амазонки?

– Греки причерноморские племена сарматов с матриархальным укладом называли амазонками. У них управляли и воевали женщины, мужчины были лишь рабами.

Время за полночь. Учительница заставляет детей идти спать. Многие парами (мальчик с девочкой) расходятся по тёмным местам.

Георгий и Инна сидят у гаснущего костра.

– Как вы всё интересно рассказываете... Жрицы, они, наверное, были красивые?

– Реставрация лиц по скелетам показывает, что сарматы и сарматки были европейской внешности, как и скифы. Некоторые этнические группы славян являются их прямыми потомками... Само слово «скифы» является грекофицированным славянским «скиты», означающее скитальцы, кочевники.

– А мужчины красивые были?

– Наверное, были всякие, как и у нас... В последние годы ведутся раскопки фигурных (сверху напоминающих изображения животных) курганов в Южной Украине возрастом VI–III тысячелетия до новой эры, где отмечаются петроглифы с мотивами древних индо-иранских мифов. Многие учёные теперь признают прародину древних ариев как евразийские степи. Истоки этой цивилизации восходят к позднему каменному веку. И немудрено, ведь по мере таяния последнего ледника это пространство являлось лесостепной зоной, богатой растительностью, и населялось многообразными животными, включая мамонтов, носорогов, крупных оленей, бизонов, антилоп, лошадей. Это давало большие возможности для охоты. Стекающие с ледника крупные реки с чистой водой были богаты различными видами крупных осетровых рыб. Эти реки дожили до нас, но в изменённом виде, это Волга, Днепр, Дон, Урал и другие. Здесь же произошло и одомашнивание лошади, и других животных. Стоянки человека каменного века многочисленны по берегам древних палеодолин этих рек...

Ребята расходятся от костра. В лунном свете за рекой виднелся пригорок, похожий на курган.

Георгий обращается к Инне:

– Пройдёмся на тот пригорок...

– Да...

Они поднялись от костра и медленно направились в сторону пригорка. Перешли по перекату (по камням) речушку. Из кустов за ними следила та самая смазливая девочка с перевязанным пальцем, которую обнимал мальчик. Дойдя до пригорка, Георгий обнял Инну, она его, и они слились в затыжном поцелуе. Герой бросил на землю штормовку, и они медленно опустили на неё, не прерывая поцелуя. Потом он стал расстёгивать её одежды, она помогала ему... Через несколько секунд они слились в страстных объятиях, и сладострастные стоны доносились с пригорка.

Картина двадцать седьмая.

Рассвет. Спящие в объятиях влюблённые. Тихий ветерок колышет степной ковыль. Камера крупным планом берёт ноги лежащих. На земле видны следы упора ногами во время ночных оргий. И, о чудо! Из-под земли в этом месте высовывается золотой кубок с орнаментом «Звериного стиля» и часть золотого блюда. Тот самый клад! Камера постепенно отодвигается вверх открывая всю картину: лежащие влюблённые, предметы клада, степь, река... За рекой лагерь героя и по соседству лагерь ребят...

Звучит песня на стихи Георгия «Всё начинается с любви». На экране красивые деревенские пейзажи.

Очевидно, что у наших героев всё будет хорошо...

МАМА

Родился я в деревне Елдыновка Белгородской области, дома, в родительской хате, седьмым и последним ребенком. Разница между мной и моим старшим братом, первенцем, была в двадцать лет. До меня у мамы с отцом были дети: Татьяна, Матрена, Мария, Анатолий, Петр, Виктор.

Мама сразу же вышла на работу в колхоз, в поле, и так как меня оставить было не с кем, стала брать меня с собой. Вместо обычной резиновой соски-пустышки она давала мне самодельную соску – замотанный в марлечку нажеванный подсоленный хлеб. Эту соску она привязывала мне на грудь. А чтобы я никуда не уползал, привязывала меня к скамейке.

Образование у мамы было вполне деревенское – два класса начальной школы. У многих односельчан не было и такого. Многие вообще не умели ни читать, ни писать.

Работала мама летом в полеводческой бригаде, а зимой разнорабочей. В поле приходилось работать с ранней весны до поздней осени. Работа в поле считалась легкой. Она и в самом деле была легкой, если ее сравнивать с работой на ферме. Там рабочий день начинался с пяти утра и продолжался до десяти вечера. Время на дорогу на работу и с работы никто не считал. В бурю, в мороз, в слякоть – в пять утра было быть на работе. Первая дойка начиналась в шесть утра. А перед ней надо было убрать из-под буренок навоз, вынести его из коровника, напоить и накормить животину, вымыть вымя. Доили коров вручную. Доить надо было три раза. И так каждый день. На ферме работала моя сестра Матрена.

А рабочий день в поле начинался в семь утра летом и в восемь утра зимой и заканчивался в шесть-семь вечера. В основном полевые работы заключались в уходе за сахарной свеклой и кукурузой, а также в заготовке кормов животным. Но когда начиналась, выражаясь языком газетчиков, битва за урожай, то есть уборочная страда, тогда все работали от зари и дотемна. Зимой мама развозила солому с полей и силос от силосных ям на фермы, вывозила на поля навоз, заготавливала дрова. Труд для женщины очень тяжелый.

Но что ни говорите, а разница в тяжести труда между полем и фермой была.

Каждой колхозной семье выделялся участок в один гектар под кормовую свеклу. Нужно было ее посеять, не один раз за лето прополоть, проредить, чтобы росла крупной. Убирать свеклу пригоняли комбайн. Он выкапывал клубни, а прибирать их, очищать от земли, обрезать ботву и складывать в гурты опять приходилось вручную, как и грузить в грузовики, которые приходилось ждать в поле иногда и ночью.

Оплата за сдачу этой свеклы была натуральной – сахаром. Не выдавали денег и на трудодни в колхозе. За работу в колхозе колхозник получал зерном, просом, ячменем, кукурузой, подсолнечным семенем. Фуражным зерном кормили животных и птицу. Пшеницу отвозили на мельницу, хлеб пекли сами. Из семечек давили масло. Это масло, кстати,

было нам, ребягне, лакомством. Мы очень любили налить его на кусок хлеба, чуть подсолить и есть. А макуха, то есть жмых, шел на корм животным.

Деньги у колхозника появлялись только от продажи полученного на трудодни, от сдачи государству молока, яиц, мяса, шерсти по плану государственных закупок и от продажи на базаре части выращенного в своем хозяйстве. Но всего, что получал колхозник в колхозе, до следующего урожая не хватало. Признаюсь, многие колхозники воровали в колхозе же, в том числе воровал и я, пацан. Ночью я воровал силос для нашей коровы, таскал из лесополосы хворост на дрова и уголь от кочегарки. Ни дров, ни угля обычно не хватало. Топили печи большей частью кизяком – высушенной смесью навоза с соломой, которую тоже надо было заготавливать самим. Кизяк нарезали брикетами и складывали сушить под навес. Не хватало и выделяемого колхозом покоса. Приходилось тайком косить траву по опушкам, в лесопосадках. И надо было успевать это сделать вперед других, потому что желающих было много.

И нельзя забывать, что в каждом деревенском дворе было много своей живности: корова, овцы, свинья, гуси, индюки, куры. У нас еще была своя лошадь. За всем этим тоже надо было ухаживать, всем надо было заготовить корма. Перед уходом на колхозную работу надо было за всеми прибрать, всех накормить-напоить, корову и овец выгнать в стадо, остальным приготовить корм на день, приготовить еду на день для себя в поле, для детей в школу. Вечером все это повторялось. А еще был свой огород, еще была стирка, приборка в доме, просмотр уроков детей, лечение их, если, не дай Бог, заболели. Много, очень много надо было сделать деревенской женщине за день. Вся деревенская ребятня, едва вставала на ноги, посылно участвовала в работе. Но все равно, все тяготы деревенской жизни в основном ложились на женщину. Вставала мама в пять утра и спать ложилась едва не за полночь.

Незавидная была их доля, ничуть не лучше той, как описывал ее Николай Алексеевич Некрасов.

Мужчинам было легче. Все они в основном работали механизаторами – комбайнерами, трактористами, шоферами, слесарями, в кузнице, на колхозной конюшне. Очень часто пили, спивались.

Бросить работу в колхозе и уехать было нельзя, так как колхозники не имели паспортов. Уехать можно было только с разрешения правления колхоза и с получением в сельском совете соответствующей справки. Но какой же председатель колхоза отпустит работягу. Да с него три шкуры сдерут на парткомиссии в райкоме и самого переведут в работяги. И опять же легче было деревенским парням. После службы в армии они могли остаться в городе, могли учиться в техникумах и вузах на общих основаниях, а не по направлению колхозов. Все, кто поступал учиться по направлению колхозов, а это в основном были девушки, по окончании учебы обязаны были вернуться в колхоз.

Осенью мы всей семьей занимались заготовкой солений и варений на зиму: солили капусту, помидоры, огурцы, замачивали арбузы, яблоки, груши, варили компот, закла-

дывали зимние сорта яблок. Погреб у нас был полон припасов. А под Новый год обычно в деревне начинали резать свиней. Свинью резали, шкуру палили, скоблили, мыли, потрошили, сало солили и укладывали со специями в дубовые бочки, отдельно укладывали мясо. Потроха мыли, кишки выворачивали наизнанку, тщательно мыли, пока они не становились тонкими и прозрачными, и начинали колбасным фаршем из мяса и потрохов с прибавлением лука, чеснока, перца, соли, потом немного обжаривали, складывали в эмалированные кастрюли, заливали топленным свиным жиром и складывали в погреб. Оставалось их перед подачей на стол еще обжарить. И какие же были они вкусные, те колбасы!

Из свежего мяса сразу же готовили жаркое и прочие блюда – праздник был во всей деревне. Как правило, работали в этот день, пока все не будет прибрано. Захмелевшие мужики обычно уже спали, а женщины и мы, ребятня, работали и работали.

Резали на зиму и баранов, гусей, кур. Их тоже надо было прибрать, разделить на всех старших детей, моих братьев, перебравшихся после армии в город. В городе жилось вольготнее, но и голодней. Магазины были обычно пусты, да и зарплаты были маленькими. Братья увозили в город все – и картошку, и овощи, и соленья, и компоты, и сало, и мясо, и колбасу. К лету обычно погреб пустел.

Вообще надо сказать, что мама была искусным поваром. Она умела сделать все и все делала очень вкусно. Она сама умела приготовить кефир, сбить сливочное масло, которое мы называли обычно коровьим, настряпать и напечь всяких печений, пирожков, оладий, блинчиков, наделать из сахара много различных конфет. Самым вкусным блюдом на свете я считал приготовленный мамой на Новый год холодец из свинины, говядины и гусятины. Холодильников тогда в деревне не было. Готовить приходилось каждый день.

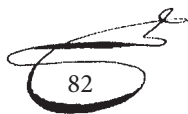
Среди соседей и сельчан она была в большом почёте и уважении. К нам в дом любили приходить соседи и вообще многие сельчане. Она всех привечала. Иногда она сама ходила в гости, навещала своих отца, брата и двух сестер, которые жили в нашей же деревне. Особенно близка она была с сестрой Акулиной. Она с ней общалась больше всего. Но это было редкостью, все взрослые в деревне были в ежедневной заботе и в работе.

Мама с душой относилась к любому делу. И она обо всех думала только хорошее. А уж нас, детей, она любила больше, чем себя. Как-то заболел мой старший брат и его положили в районную больницу. Мама к нему ходила пешком за сорок километров в одну сторону с едой. За день управлялась. Так она относилась ко всем своим детям.

Хата у нас всегда была побелена, выглядела как новая, наличники окон выкрашены. Двор был выложен кирпичом и посыпан песком, грязи не было.

Радиоприёмник «Родина» был у нас у первых. Он работал на щелочных батареях. По ночам мы иногда слушали «Голос Америки». Прознавший участковый заставлял отца убрать антенну и вообще сдать радиоприемник куда следует, но тот отмахивался.

– Какие враги? Откуда ты взял? Никаких врагов я не слушаю! – говорил отец.

А когда провели электричество, телевизор установил отец в хате первым из всей деревни.

Везли телевизор из Валуек в кузове ГАЗ-53 у меня на коленях в дождь, на открытой машине. Антенну устанавливали всей улицей.

Провели электричество в деревню, когда я должен был идти в десятый класс. Проводку электрических проводов во многих хатах проводил я лично, подключал к счётчикам, схему чертил сам. Хозяева были довольны, всё работало. И дома всю электропроводку сделал я сам.

Дороги у нас грунтовые, асфальта не было. В распутицу, зимой и в дождь, без техники было тяжело. Машины по дорогам в непогоду практически не ездили. Все грузы в такой период времени перевозили исключительно тракторами.

В восьмилетнюю школу за три километра от деревни в одну сторону дети ходили пешком. Нас ходило в школу восемь человек, и нам вместе было весело. А в девятый и десятый классы я из деревни ходил один и ходил за девять километров.

Что еще сказать о деревенском быте той поры?

Магазин на всю деревню был один, и в нем, кроме спиртного, мало что было: спички, керосин, скобяной товар, мыло, кирзовые и резиновые сапоги. Уже перед моим отъездом из деревни ассортимент его стал пообширнее.

Праздники отмечались всей деревней. Это были праздники не только государственные, День Первого мая или Октябрьской революции. В деревне праздновали окончание посевных работ и уборки урожая, Новый год, Рождество, Пасху. Церковные праздники отмечать запрещалось, но на запрет никто не обращал внимания. Большинство сельчан были верующими. С особым чувством отмечали День Победы.

По праздникам, особенно зимой, у нас в хате собирались мамы подруги, щелкали семечки, о многом в жизни говорили и пели народные задушевные песни, я редко такие слышал. Пили чай с приготовленными печеньями, иногда чуть выпивали спиртное, было и такое.

А когда в хате стоял ткацкий станок, ночами все соседи приходили ткать себе всё необходимое, шумно было, рабочая обстановка. Когда мы спали и сколько, трудно сейчас сказать.

А выходные дни значились только в календаре. Работали все в колхозе без выходных.

За что мама ни бралась, всё у неё получалось. Она сама шила нам одежду, вязала из шерсти нам пуловеры и кофты, свитера, носки и рукавицы.

У нас была своя прялка. Мама стригла овец, из шерсти на прялке мотала разные нитки, красила, из них вязала нам цветную или чёрно-белую одежду. Мама вышивала рушники, белые кофты и блузки для себя и своих дочек. Наволочки на подушки всегда были пошиты ею и вышиты разными узорами её руками.

В хате всегда было прибрано, во всех комнатах чисто, убрано. На стенах висели украшенные рушниками иконы и фотографии предков и всей нашей семьи. Мама почитала православие, ходила в церковь в соседнее село.

Ситец в деревне был дефицитом, да и в постоянном отсутствии денег не все его могли приобрести. Деньги копили годами на самые необходимые нужды. А ткань на одежду и все прочее изготавливали сами. На своих огородах выращивали лён и коноплю, осенью собирали в снопы, вымачивали в воде, разбивали, делали нитки, наматывая клубки на пряжу. Мы у себя в огороде выращивали только лён, коноплю мама не выращивала. Ткали на ручных ткацких станках. Из этой льняной ткани и шили одежду, простыни, полотенца.

Мама брала такой станок у деда Абрама, он сам себе его сделал. Дед был мастеровитым. Уменьше от него перенял старший брат Анатолий. Вся мебель у нас в хате была его работы. Мама ткала дорожки на пол, прикроватные коврики и всякие поделки на кровати. Они были красивыми и удобными.

Мама всегда любила порядок и чистоту, полы в хате красились свежим навозом, неприятного запаха мы не чувствовали. Она знала, как делать раствор, чтобы был без запаха, а поверх пола стелила тканые красивые матерчатые дорожки.

Мы ей помогали все, как только могли и во всём, в чём умели, а в чём не умели, учились, или учила нас мама. Благодаря нашей маме мы были всегда одеты, обуты и сыты. Она нас всех очень любила и отдавала нам всю свою душу. Как же ей всё это удавалось, трудно себе представить.

Мама всегда ждала приезда братьев с нетерпением. Их приезд был для нее праздником, а счастьем для нее было, когда на лето привозили они внуков. Всех она вынянчила, всех одарила лаской и заботой. Она сама их и лечила, если вдруг кто-то прихворнул. У нее всегда были соответствующие травяные настойки, примочки, отвары.

С возрастом мама стала частенько болеть. Вот тут стодился я, пацан. Я научился печь хлеб, варить борщ, доить корову, прибираться в доме и во дворе, в огороде, таскать воду, кормить скотину. Но и я не поспевал за всем. Пришлось потихоньку сокращать свое домашнее хозяйство. Мама расставалась с ним тяжело. Сколько могла, через силу она старалась ухаживать за все так, как ухаживала прежде. Но она все чаще и чаще болела. Пришлось уйти с работы в колхозе. Пришлось отказаться от своей лошади и отвести ее в колхоз. Удар по родителям был очень тяжелый. Трудно они свыкались с мыслью, что лошади у них нет. А не стало лошади – еще труднее стало управляться с прочим хозяйством. Постепенно пришлось отказаться от овец, потом от гусей. До последнего держали корову. Мама не могла себе представить жизнь без нее. Но наступил день, когда решено было отказаться и от коровы. Увядал сад, зарастал огород. Окончил школу и уехал в военное училище и я.

Остались мои родители, моя мама и мой отец, в хате и во дворе одни. Одна отрада была – приезжали дети. Мама завела козу, которую считала едва не своей подружкой, разговаривала с ней, как с человеком, как со своей ровней. Так ей было легче. Оставались еще куры. Но что они – кудахтающие да роющиеся в земле птицы...

Деревня потихоньку умирала. Уезжала молодёжь, к тому времени уже получающая паспорта, устраивалась в городе, забирала с собой стариков. Дома стояли пустыми, без хозяев, с заколоченными крест-накрест, как в войну, окнами. Жуткая была картина.

Отец сопротивлялся, никуда не хотел уезжать. Они с мамой ещё какое-то время оставались одни на всю деревню. Живой во всей деревне была только их хата. Уже надо было помогать им продуктами из города, что дети и делали, старались ездить к ним каждую неделю. И каждый раз предлагали им ехать в город. Но отец упирался до последнего и не ехал.

Наступило, однако, время, когда и он согласился. Увезли их дети в Белгород.

Деревня окончательно умерла. Через какое-то время местные власти снесли ее, превратили деревню в поле, но на этом поле так до сих пор ничего не растёт. Каждый год я стараюсь приехать на это место, место своего детства. Мурашки бегут по коже при виде того, что осталось от деревни, где веками жили люди, жили, строились, работали, влюблялись, рожали детей, провожали их в армию, сами уходили на войну...

Как быстро проходит человеческая жизнь на Земле, миг, один только миг, и нас нет.

Мама да и отец с трудом перенесли переезд в город. Сначала они жили у брата. Родителей это очень стесняло. Но потом отец как инвалид войны получил в городе однокомнатную квартиру. Мама воспряла – она снова стала хозяйкой. Почти каждый день к ним заходили дети, помогали, привозили лекарства, лечили, долго вечерами засиживались у них. И маме стало лучше морально и физически – ведь она снова оказалась рядом с детьми. Жизнь посветлела, болячки стали забываться. Она готовила еду, отец покупал чекушку, вместе ужинали с детьми, и мама была счастлива.

А как она всегда ждала меня, я приезжал один раз в год и ненадолго. Я был самым дорогим и желанным гостем для неё. По приезду мама накрывала богатый стол, как в те далёкие времена, причитая: «Слава Богу, приехал»...

Очень всех нас любила, особенно меня, я ведь был её последним ребёнком и жил далеко от неё.

Мама часто писала мне, описывая всё происходящее у неё и детей, которые были рядом с ней, о земляках, обо всех и обо всем, о ком что знала.

Отец долго болел, мама за ним ухаживала. Отец умер пятого ноября тысяча девятьсот девяносто четвёртого года. И хотя мама с отцом не очень дружно жили, мама тяжело перенесла его смерть.

Уходили и ее годы. Нужно было принимать решение, где и с кем ей жить дальше. Решили, что она будет жить у сына Виктора. Мы все, как могли, ей помогли, часто сестра Татьяна её брала к себе. Я каждый месяц посылал деньги жене брата, она ухаживала за мамой, и эти деньги очень семье помогли.

Мама все переносила с великим терпением, кротко со всем и всеми соглашалась, доживала свой век.

Наверно, в памяти не один раз проходила вся её жизнь, рождение детей, война, снова рождение детей, их воспитание, забота о них, работа в колхозе, не очень счастливая с мужем её жизнь. Но счастливой ее делали думы о нас, её детях, в которых она видела весь смысл своей жизни.

Она верила в Бога, читала молитвы, по церковным праздникам дома зажигала свечи, всех крестила, даже нашего сына, её внука, Диму.

По большим церковным праздникам ходила в церковь. Как и прежде, прибиралась в доме. На Пасху пекла куличи, варила и красила куриные яйца, носила в церковь святить. Все церковные праздники почитала.

На Рождество готовила гуся, накрывала всегда чудесный стол.

Сейчас я продолжаю мамины традиции, готовлю на Новый год холодец по маминому рецепту, на Рождество – индейку, на Крещение – гуся. На Рождество моя жена готовит пирожки с печёнкой, на Пасху – куличи. Вместе красим куриные яйца и идём в церковь святить. На все церковные большие праздники ходим в церковь. Традиция – на Рождество посещаем Ганину яму, монастырь на месте захоронения останков царской семьи, расстрелянной 1918 году.

И я непрестанно вспоминаю, как было тогда, при маме, всё прекрасно и легко всем нам, её детям. Какая она была у нас самая любимая и прекрасная мама, чуткая и заботливая, внимательная и отзывчивая, спрашивающая постоянно у Бога здоровья и благополучия своим детям, всё только им.

Так она посвятила себя без остатка служению нам, её детям. Главным её предназначением в жизни стало – быть мамой!

Спасибо тебе мама, мы сегодня такие, какими ты нас вырастила и воспитала, вселив в каждого из нас частичку своей души. Любовь к тебе и память о тебе у нас, сегодня живущих, безмерна.

Тебя помнят дети, внуки, правнуки, все приходят на твою могилу, ты будешь вечно жить в памяти нашей и наших детей и внуков.

Мама награждена медалью Материнства и орденом Материнства.

Мама от нас ушла двадцатого апреля 2000 года. Вместе с её уходом из жизни ушло от нас то, чем и кем мы жили всё это время, как бы сломался весь ход нашей прежней жизни. Предстало начинать жить заново, без мамы.

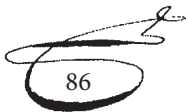
Похоронена мама на кладбище в Белгороде.

Мама, от нас, всех живущих твоих детей, внуков и правнуков, тебе низкий поклон и вечная память о тебе.

Петр СТОЛПОВСКИЙ

ПОЛЁТ НАД ГНЕЗДОМ ОРКЕСТРА

Что бы мы, мужики, ни говорили, а женщине спеты не все гимны. К примеру, гимны её отчаянной смелости и выдержке. Выражение такое есть: «собачья выдержка». Ну и что? Кто ж не знает, что в этом деле собаке до женщины как до Луны? У собаки всякое терпенье

лопнет, выдержка треснет, скулёж на всю округу подымет. Женское ж терпенье – кремьень! Ни вдоха тебе, ни оха, ни писка жалобного!

А возьмите смелость женскую – ту самую, отчаянную. Николай-то Некрасов не с бухты-баракты на все века возвестил: коня, мол, на скаку остановит, в горящую избу, дескать, войдёт. Не иначе, сам видел. Стоял в сторонке и обмирал со страху: а ну как не выйдет голубушка из избы-то горячей! А ну как под копытами гробанётся, отчаюга этакая!

Про терпенье и выдержку женскую я случай знаю. Давненько было, а вот помню, и до сей поры диву даюсь: это ж надо!..

Редко такое случалось – со всего просторного северного края созвали башковитый народ на слёт изобретателей и рационализаторов. Такому редкому событию не пожалели отдать театральное залище с высоченным потолком, с оркестровой ямой, со сценой, по которой не то что на велосипеде – на мотоцикле можно виражи закладывать. Только сейчас на всю ширину сцены вытянулся крытый красным сукном стол для президиума. Оркестровую же яму загодя накрыли брезентом размером чуть ли не с волейбольную площадку. Дескать, опер и прочих ораторий не ждите, делом занимайтесь, товарищи новаторы и прочие выдумщики. Брезент натянут вровень с полом, да так гладко, что и правда хочется по нему на мотоцикле газануть вдоль красного сукна. Либо в волейбол сыграть.

Зал полнёхонек. Гул не смолкает – улей пчелиный, мёдом только не пахнет. Народ меж собой мыслями глубинными обменивается. Даже воздух загустел от передовых технических идей и хитроумных находок.

Однако настала означенная в повестке минута – пора начинать. Всё внимание на сцену. А на сцену никто не поднимается. Трибуна без ораторов скучает. И минута прошла, и пять минути. В гуле голосов угадываются недовольные нотки. Вот уж десять минути...

– Ну, знаете, это полное ку-ку, – усмехнулся пожилой новатор, сидящий слева от меня.

Острословы местного значения начинают невоздержанно упражняться в юморе и сатире в адрес организаторов. Они, мол, либо в бега ударились, либо там, у них повальная диарея приключилась. Сами остряты, сами смеются.

Наконец, из-за кулис вынырнуло лицо. Такие лица носят профсоюзные работники среднего ранга. Резво подойдя к микрофону, профработник с деловитой строгостью возвестил:

– Товарищи! Республиканский слёт изобретателей и рационализаторов считается открытым!

Почтительно переждав положенные аплодисменты, человек у микрофона с прежней строгостью продолжил:

– Слово для оглашения списка предлагаемых членов президиума предоставляется...

Тут он стал растерянно вертеть в руках листок, зашарил в карманах пиджака. Где она, фамилия-то?.. Вспомнил:

– Товарищу Полетаевой.

Тут же в зале, в боковом проходе раздались звучные, решительные шаги. Нет, конечно, не Командор. Вдоль рядов кресел шла она, товарищ Полетаева – солидного вида, сказать даже, вместительная женщина в строгом деловом костюме небесного цвета, который

бывает ближе к закату. С достоинством, которое невозможно копировать, а надо с ним родиться, товарищ Полетаева несла украшенную причёской голову, и причёска эта неумовимо смахивала на корону. Возможности не проникнуться не было. И притихший зал проникся. Возможно, даже вспомнил строку того же Николая нашего Некрасова про то, что как посмотрит, мол, так рублём подарит. Технари, эти чёрствыые новаторы, погрязшие в железяках, ели глазами гордо шагавшую женщину, и сердца их выстукивали мелодию в ритме её звучных каблуков.

Рублём товарищ Полетаева никого не подарила. Прямая и, по всему видать, нестигаемая, она чётко отсчитала ступеньки, шагнула на сцену и...

Случилось страшно! Женщина исчезла, махнув на прощанье рукой! Была – и нет её! Зал обмер, некрасиво растворив рты. Сердца новаторов сбились с ритма.

Она... О, Господи!.. Гордо поднятая голова помешала ей увидеть предательски гладко натянутый брезент! Товарищ Полетаева ступила на него, и... кошмар!.. провалилась в оркестровую яму. Из неё, из этой коварной ловушки стал доноситься грохот. Похоже, нестигаемая женщина расшвыривала стулья, на которые совершила незапланированную посадку.

От этого грохота зал очнулся. И... взорвался неподозволенным хохотом. Хохотал даже солидный новатор слева от меня, повторяя:

– Ну, полное ку-ку!

Это же бесчувственно! Как можно хохотать?! Это безнравственно! Это просто аморально! Бедная женщина! Что стало с ней в этом оркестровом гнезде, захламлённом дурацкими стульями? Как можно ржать над конфузом этой женщины, исполненной, прямо сказать, былинного достоинства?!

Думается, однако, что наторевшие в точных расчётах новаторы решили: если женщина так энергично расшвыривает стулья, то плохо не ей. Плохо стульям, подвернувшимся под горячую руку. А если так, то хохот – это вовсе не осмеяние. Это скорее полновесная замена бурным, продолжительным овациям. Это хвала женщине, которая, улетев в тартарары, не вскрикнула, не взвизгнула, как подобает прекрасному сословию, даже не охнула, а чисто поженски махнула рукой залу, набитому мужиками. Вспомним некрасовскую героиню. Ведь и она, ворвавшись в горящую избу, не взвизгнула, не заголосила благим матом! Она не заверещала, вцепившись в поводья коня, ударившегося в сумасшедший галоп.

– Это же полное ку-ку!

– А что такое полное ку-ку? – сквозь смех спросил я соседа слева.

– Это, брат, когда даже квакать бесполезно!

Овации, то бишь хохот, и впрямь был продолжительным. Профработник уже дважды выходил на сцену взывать к благоразумию зала. Он даже гулко стучал согнутым пальцем по микрофону. Подействовало только с третьего захода – смех пошёл на убыль.

В тишине, ещё зыбкой, неуверенной, раздались звучные, решительные шаги.

Да, это была она – солидная, вместительная, небесного цвета, с прежним достоинством нёсшая по тому же боковому проходу слегка изменившуюся причёску, похожую если не на

корону, то уж точно на диадему. И всякому стало понятно, что в мире нет такой оркестровой ямы, которая могла бы остановить эту несгибаемую женщину на пути к трибуне.

В задних рядах кто-то несдержанно пискнул, и по этому нечаянному сигналу зал взревел с новой силой. Под этот рёв товарищ Полетаева невозмутимо поднялась на сцену, даже не удостоив взглядом коварное гнездо оркестра. Подойдя к трибуне, она положила перед собой листок и, строго глядя в зал, стала терпеливо ждать, когда утихнет это беснующееся море.

Море выдохлось. Не дожидаясь полного штиля, женщина стала ровным, спокойным голосом называть тех, кому надлежало целый день сидеть в президиуме и скучно лупиться в зал.

– Маркелов! – неслось с трибуны. – Никифоров!..

– О-о! Это ж полное ку-ку! – недовольно протянул сосед. – Всю жизнь мечтал.

– Не горюй, Семёныч! – утешили его с заднего ряда. – Главное – пролететь над гнездом оркестра. Без посадки!

ОКО НА ЛАДОНИ

Тому случаю уж сорок с лишним лет, а око нет-нет да всплывёт в памяти. Оно либо висит в воздухе само по себе, либо лежит на полу под столом. И смотрит на меня. Неотрывно, пытливо смотрит, словно ждёт от меня какого-то признания. Прямо душу наизнанку выворачивает глаз этот немигающий.

«Сто раз тебе объяснял, и снова скажу: не виноват я! – в сердцах говорю ему. Про себя говорю, нутряным как бы голосом. – Не я дурацкие традиции выдумываю. Если хочешь знать, я за всю жизнь ни одной традиции не придумал. Так что прощай и больше не являйся».

Око нехотя таяло в воздухе, растворялось, а я начинал ломать голову: чего, спрашивается, пристал ко мне? Чертовщина какая-то, блажь навязчивая. Вычеркнуть из памяти – и вся недолга. А то выходит, что я сам с собой дурака валяю.

Хорошо это или плохо, но мне кажется, что стоит рассказать о том давнем случае. Для этого надо вернуться в то время, когда великая наша держава была искренне заражена идеей борьбы за счастье всех людей на планете.

Журналистские пути-дороги привели меня, молодого, лёгкого на подъём, в казахстанские степи, где во всю возможную ширь развернулась целинная эпопея. Быстроногие сайгаки, джейраны вовремя чесанули подальше от этой страсти. Труднее было сусликам, суркам-байбакам и прочим тушканчикам.

Путь мой лежал в глубину обширного казахстанского мелкосопочника, в уделы знаменитого совхоза, в котором директорствовал пожилой мужик с редкостной крестьянской хваткой. И надои у него, и привесы, зерновые да корнеплоды – всё выше всяких похвал. На скотном дворе содержался живой символ совхоза – бык по имени Апрель. Весу в нём больше тонны. Спина у этого быка такая просторная, что ложишься на неё загорать – не сверзишься. При этой своей могущественности Апрель спокоен до состояния флегматика. А кольцо в носу всё же имеет. На вопрос «зачем», зоотехник Анюшкин, длинный, как жердь, отвечал философски:

– Жизнь, она ведь не только у людей непредсказуема, у быка тоже, знаете ли, будь здоров. Положим, случись Апрелью мозгами пошатнуться – всё вокруг в щепки разнесёт. А кольцо в носу и его, и нас бережёт.

Заполнил я свой блокнот цифирью со словесами разными. Пора назад двигать. Но тут прикатила чёрная партийная «Волга». Выпрастывается из неё шофёр, парень важный. Ему на меня показывают. Подходит: так и так, товарищ первый секретарь райкома Атабай Атабекович просит в гости.

- Не могу, – отвечаю, – пора мне возвращаться.
- Плохо, – качает головой райкомовский шофёр. – Очень плохо.
- Почему плохо, да ещё очень?
- Обидится товарищ Атабай Атабекович. А это очень плохо.

Тут в разговор встревает глубокомысленный зоотехник Анюшкин:

– Сказать по чести, Жамбыл прав: тут вариантов нет. Советую почтить первого секретаря. Это всегда способствует.

Я никогда не умел перечить философам, поэтому махнул рукой:

- Ладно, Жамбыл, поехали в гости к товарищу...
- Атабаю Атабековичу.
- Ничего, по дороге выучу.

Поспели аккурат к началу мероприятия, которое проходило в столовой районного значения. Уже расселась за бесконечным столом районная знать, уже нацелились в бесконечность расчехлённые коньячные дула, а возбуждённый Атабай Атабекович озаглавил застолье подведением итогов борьбы за что-то очень важное для района. За это почтенное собрание успело хряпнуть по рюмке пятизвёздочного.

Меня усадили рядом с молодым человеком, который оказался старше меня лет на пять.

– Алексей, – представился он. – Это ты из областной газеты? А я из управления сельского хозяйства.

Сбоку от нас зашукалились:

– Атабай Атабекович знак подал. Сейчас Махамбет вынесет! Смотрите!

Дверь из кухни медленно открылась. На пороге стоял некто. Я невольно вздрогнул. Некто держал на уровне своих плеч огромный поднос с жареной бараньей головой, которая таранилась на публику двумя сердитыми глазами. Получалось, что эта голова сидит на плечах человека. Зрелище, скажу вам, для обладателей надёжных нервов.

– Коронный номер уважаемого Махамбета, – крикнул кто-то, и грянули аплодисменты.

Плотный, крепко сбитый повар поставил поднос перед хозяином торжества.

– Молодец, Махамбет! – вскричал возбуждённый товарищ Атабай Атабекович. – Никто во всей республике не умеет так жарить баранью голову! Это наш, районный секрет. Махамбет даже мне, первому секретарю райкома не говорит этот важный секрет. И правильно делает, товарищи!

Гром аплодисментов! Растроганный Махамбет кланялся, прижимая руку к сердцу.

– Сейчас начнётся! – шепнул Алексей из управления. – Будь спокоен, как тумбочка.

Кланяющийся Махамбет задом открыл дверь и исчез в кухне.

– Природа, товарищи, лучше нас знает арифметику! – возвестил Атабай Атабекович, возбуждение которого всё усиливалось. – У барана два глаза! У нас, за этим скромным столом, два почётных гостя из области. Поприветствуем их!

– Встаём, – шепнул Алексей из управления.

Мы встали под аплодисменты и раскланялись на оба конца стола.

– Мы уважаем старинные традиции, – продолжал Атабай Атабекович. – Глаза барана – угощение для почётных гостей.

Он протянул назад ладонь, и некто вложил в неё огромный кухонный нож. С ловкостью фокусника хозяин застолья извлек из головы глаз и, держа его на ладони, двинулся к нам.

– Положено открывать рот, – с грустью шепнул Алексей из управления.

– Это вам, уважаемый Алексей Иванович, за то, что вы любите наш знаменитый район!

С этими словами Атабай Атабекович вложил глаз в открытый рот Алексея. Видя, чего стоило ему проглотить бараний глаз, я подумал, что так у меня ни за что не получится, и конфуз будет обеспечен.

Блеснул нож, и на ладони второй глаз. Эта ладонь надвигается на меня неотвратимо, как судьба! И уважаемый Атабай Атабекович говорит о том, что я, выдающийся журналист, тоже люблю этот знаменитый район! Что делать?

Видя, что мой рот закрыт, товарищ первый секретарь с недоумением замер надо мной.

– Можно сначала подержать его в руке? – робко спросил я.

Пауза. Сбой ритуала.

– Желание гостя – закон для хозяина! – твёрдо изрёк хозяин, и глаз лёг в мою ладонь.

Публика с любопытством смотрела на меня. Я с подлой улыбкой обвёл взглядом обитателей стола, открыл рот и вложил в него это всевидящее баранье око. Стол зааплодировал!

– Молодец! – наклонился ко мне Алексей из управления. – Мне первый раз тоже трудно было.

Благодарно кивая в ответ на аплодисменты, я опустил руку под стол, и бараний глаз из рукава пиджака шлёпнулся на пол. Он смотрел на меня оттуда, как мне показалось, с ненавистью, даже с отвращением.

Тем временем хозяин отхватывал ножом ломтики от жареной головы и одаривал их гостям – строго по ранжиру, по заслугам.

А глаз всё пялился на меня. Носком ботинка я пытался отфутболить его дальше, но глаз переворачивался и продолжал жечь меня взглядом.

Не выдержав, я встал и подошел к хозяину.

– Атабай Атабекович, должен просить у вас прощения – мой поезд через пятьдесят минут.

– Жамбыл отвезёт вас. Счастливого пути!

Вот и вся история. С тех пор, когда я слышу о новой традиции, всегда спрашиваю:

– А глотать ничего не надо?

Рифма – звучная подруга...

Александр СУВОРОВ

* * *

Сыта душа духовным хлебом,
Давно замолены грехи,
И пишутся под синим небом
Голубоглазые стихи.

Без лишних слов и без помарок,
Прозрачным воздухом дыша,
Судьбу целуя за подарок,
Свободно трудится душа.

И только вечность смотрит хмуро –
Ей, бессловесной, не понять,
Что только так литература
И может целый мир обнять.

* * *

Грешник – между небом и землёй,
А святой – между землёй и Небом.
Кормятся одним и тем же хлебом
И предстанут пред одним Судьёй.

Мир вокруг, с ума сходя, грешит,
Хоть и понимает, чем рискует.
Грешник почему-то в ус не дует,
А святого судный час страшит.

Что ж, не всем предчувствие дано,
Не у всех душа пригодна к боли.

И святой, и грешник – в Божьей воле.
Ничего ещё не решено.

* * *

Вот какой у нас чертёж
На житейской глади:
Ты в Нетгороде живёшь,
Я живу в Даграде.

Нет и Да – нелепый спор
Двух гордынь отпетых.
Нет – как выстрелы в упор,
Да – тротил в ответах.

Ни тропинки с давних лет
Между городами.
Мы с тобой – как тьма и свет,
Как вода и пламя.

Вот, в Нетгороде зима,
А в Даграде лето.
Как не сводит нас с ума
Заморочка эта?

Ты не рада, я не рад –
Дождь и снег за ворот.
Как бы нам спалить Даград,
Да и твой Нетгород?

* * *

Однажды человека
Случайно создал труд.
С того смурного века
Всесилен он и крут.
С тех пор он не бездельник –
Творения венец.

И пахарь он, и мельник,
И пекарь, и кузнец...

Как будто кем-то нанят –
В работе круглый год.
С тех пор он вечно занят,
Ведь дел невпроворот.

А если б не дорвался
Однажды до труда,
Он так бы и остался
Приматом навсегда.

Лариса ДЯГТЕРЁВА

* * *

Не плачь, муэдзин. Не проси на рассвете
у солнца тепла и у ветра тревоги
о чахлах деревьях, что, сбившись с дороги,
свернули в пустыню, где утренний ветер
песок, как свое непосильное бремя,
роняет на кроны деревьев постепенно.
Как будто в песочных часах у Вселенной
кончается время...

* * *

Я знаю, сны твои теперь
пугливы стали.
Как только хлопнет где-то дверь,
лишь скрипнут ставни

едва сквозняк в окно влетит
с попутным ветром,
они бегут за золотым
слепящим светом,

в котором мы с тобой вдвоем,
сплетая руки,
идем. Как будто мы давно
нашли друг друга.

* * *

В этом доме так много часов, но они бегут.
Не успеешь опомниться – лишнего часа нет.
И встречая ночь, в этом доме включают свет.
Прогоняя сон, на гитаре бренчат, поют...

Залетает сквозняк в этот дом, распахнув окно.
И сдувает старательно пыль и с холстов, и с книг.
И качает он паутины и спящих в них
насекомых. Тени срывает со всех икон.

И тогда все часы в этом доме сбавляют шаг.
А потом все часы постепенно сбавляют тон.
Наступает утро. Рассвет заплывает в дом.
И опять все часы в этом доме спешат, спешат...

* * *

Трава еще немного подросла.
Уже немного подросли деревья.
А домик стал совсем уж старым, древним
и оказался на краю села.

И оказалось, странные дела,
живут другие люди там, чужие.
Живут как будто там всегда и жили,
как будто я там вовсе не жила.

И видят из окна вишневый сад,
шиповник, хризантемы, куст сирени...
А на столе вишневое варенье.
А на гвозде мои ключи висят.

* * *

На заднем дворе мокнут брёвна.
Злой ветер срывает медали
С деревьев, а те поголовно,
Какими-то нервными стали.

Кустарник – известный как птичий
Насест – сжался весь в непогоду.
Теперь вот без знаков отличий,
К любому готов повороту

Событий – торчащая палка
Царапает воздух бескровно.
И всё ничего, только жалко –
На заднем дворе мокнут брёвна.

* * *

Поспешно бросил суету,
И за желаньем безграничным
Не просто так себе иду,
А в чём-то разобраться лично.

Перехожу пространство вброд.
Поодаль – не Пегас, а пони
Осуществляет переход
Со мною в мир потусторонний.

* * *

Писал стихи, как будто между прочим
Жизнь незаметно отлетала прочь,
Земля вращалась, и электросчётчик
Без остановки диск крутил всю ночь.

В цепном угаре лаялись собаки,
Мембрану на окне бросало в дрожь.

По правде говоря, я ждал атаки
Стремительной в метеоритный дождь,

Чтоб брызги от вселенского потока
Потом искать в нескошенной траве,
Лоб потирать до просветленья стёкол
В изрядно запотевшей голове.

* * *

Время летит, закусив удила,
В общем и целом – нескучно.
Спрыгнула сытая тень со стола
На табуретку беззвучно.

Хватит, дружище, заглядывать в рот,
Вряд ли что этим изменишь.
На – получи минимальный комфорт –
Лучшее средство для лени.

Линию жизни щекочут лучи,
Что же творится на свете –
Запросто солнце к себе приручил –
Бац, и я снова в ответе.

* * *

Цедили туман через белую марлю –
Ловили от роя отбившихся мошек.
И в ковш раритетный с добротной эмалью
Ссыпали сухие остатки для кошек.

Бог знает, откуда возникшая пена –
За миг превращалась в молочные реки.
И волны плескались чуть выше колена,
С эскортом страниц из лесной картотеки.

* * *

В автобусе тепло, на улице – смертельно,
И милиционер скукожился, как мент.
Надеюсь, хоть чуть-чуть согреет крест нательный,
Январь закончит курс и выдаст документ.

Мы ловко просвистим меж пальцев инфлюэнцы,
Покажем ей язык, красотке пожилой.
Вольно тебе, зима, выкидывать коленица,
Кусаться, подвывать и притворяться злой!

А помнишь, ангел мой, морозы минус сорок,
Фабричные дымы, сугробы до небес,
Хоккейные коньки и ледяные горы,
Скрипящую лыжню через волшебный лес?

И целый мир исчез.

* * *

Ребенок плачет за стеной -
И по ночам, и днём.
Младенец? Вредина? Больной?
И, в общем, что мне в нём?

Мужчина там же материт,
Наверное, жену.
Гуляка, ветреный пиит,
Отходит он ко сну.

Ответит женщина ему,
И голос некрасив.
Мне совершенно ни к чему
Их бытовой курсив.

Мне дела нет до их затей,
Их пищи и труда.
Оставьте только нас, детей,
В покое навсегда!

* * *

Начинается Зоценко,
И соседка-карга.
Не ходи ко мне в гости,
Если жизнь дорога.

«Шланги не перекручивать!»,
«Двери не закрывать!»
Может, даже прислушивается,
Не скрипит ли кровать...

Не жила в коммуналке я
Никогда, никогда.
Но от тени Булгакова
Не уйти никуда.

А под старыми окнами
Клён красивый подросток.
И мне нравится, нравится
Мой квартирный вопрос.

Максим СЕРГЕЕВ

* * *

Это снег, паутинка, оренбургский платок,
Согревающий милую в счастье и в горе.
Это боли моей долгожданный исток,
Это Гандвик былинный, студёное море.

И глядишь на девчонку, что стала женой
(на морозе тепло осязаемо). Двое
Суть одно, когда слово твое яровое
Проросло и наполнилось тишиной.

СОРОВСКИЕ СТИХИ

Рассвета полоса над огненной пустыней
Из льда, и стужи из безмолвной и слепой
Коснувшейся небес и чувственной гордыни,
Растекшейся звездой над бездной голубой.

Здесь кровь твоя, Земля, так близко. И желанна
Болотистая гать для алчущих любви,
Тепла, комфорта и другой небесной манны,
Замешанной как встарь на боли и крови.

И слушаю тебя, и ведаю иное
Звучание твое, и пляскою огня
В глазах моих живет возвращенный тишиной
Восторг нагой, терзающий меня.

* * *

И я тоже насквозь земля...

И. Ефремов

И я тоже насквозь земля.
Обними меня! Будем печальны
Лишь на миг, свою утоля
Жажду тайны.
Потоки витальны
Сквозь горячую прозелень глаз
Укрепят и покажут мне нас
Изменившихся. Слово и дело
Суть одно, суть душа и тело.

* * *

Привил к тебе Господь –
Как веточку к стволу,
Всем существом тянусь
Я к твоему к теплу.

Мне говоришь «люблю»
Нечасто. Вместе с тем –
Не спишь, когда не сплю,
Не ешь, когда не ем.

И, пальцы сжав в щепоть,
Тебя крещу вослед,
Чтоб охранил Господь
От всех возможных бед.

* * *

У Бога планы лучше, чем мои...
Когда уж не осталось силы верить,
Он резко жизнь мою переkreoil,
Как барабан крутнул на револьвере...

И вот – сбилось: кто снился по ночам,
Встал рядом, как корабль у причала...
Я всю любовь и жизнь ему отдам,
Я с ним готова всё начать сначала...

В его глазах – сиянье доброты,
И грусть, и боль без тени сожаленья,
Моя любовь в них и мои мечты...
Он – лучшее моё стихотворенье!

Мы вместе многое переживём,
Наш оберег – браслеты на запястье...
И даже в «чёрном списке» мы – вдвоём
У тех, кто не простил нам наше счастье...

* * *

Давай не откладывать жизнь на потом,
Не ждать понедельника, нового года...
Дышать полной грудью сегодняшним днём –
В любом настроеньи, в любую погоду.

Чтоб, за руки взявшись, идти до конца
И не поддаваться унынию бессилия,
Улыбкой сотрём обречённость с лица,
Под солнцем расправим затёкшие крылья.

И, жизнь не откладывая на потом,
Оставим истоптанных тропок маршруты,
По росному лугу, обнявшись, пойдём...
Давай будем счастливы – с этой минуты!

* * *

Любить – только так, как волчицы любят волчат:
Защищать и выкармливать, греть и вылизывать.
По-другому – никак. Пусть часы замолчат,
Чтоб минуты, как бусы, на нитку нанизывать.

Каждый миг с ним – как бусина из янтаря
На ладони – застывшая, теплая, вечная...
За окном горьким цветом рябины горят
Перед новой зимой, как всегда – бесконечною...

Я люблю – как луч солнечный любит роса,
Испаряясь от ласки его без роптания,
Обнимаю его – как орел небеса,
И целую аж до остановки дыхания.

Мне от мыслей о нём и без солнца светло,
И невзгоды любые враз кажутся меньшими.
Я люблю – как бездомные любят тепло.
Я люблю – как обычная русская женщина.

* * *

Маленькой девочкой я смастерила плот:
Два бревна и дощечки, я их сама прибавала.
Пара картошек, луковка, бутерброд –
Я на весь день от людей по реке уплывала.
Тихо плескалась о плотик вода,
Мне навевая ответы на все вопросы.
Мне представлялись страны и города –
Я обязательно побываю там взрослой...
На воду глядя, я поняла, что жить –
Это не праздник, не каторга, не работа.
Это забота о ближнем, умение любить,
С бабушкой-дедушкой видется по субботам...
Маленькой девочкой я поняла: семья –
Чтобы беречь родных, а не соперничать с ними.
В реку вливались струи ручья,
Сплетаясь с мыслями по-детски простыми...
Я думала, глядя на лилий цветы,
На плотике утлом качаясь плавно:
Счастье – не есть ощущение своей правоты.
Счастье – умение стать в чьей-то жизни главной...

* * *

Иду сквозь снег без конца и края,
Мне путь одинокий совсем не скучен,
А вьюга кружится, завывая,
А под ногой только снег зыбучий...
Ресницы в инее, мёрзнут руки –
Как же дойти до тебя непросто:
Мир неуютный рвётся на звуки
И висает немим вопросом,
Как парус никнет, лишённый ветра,
Как без дыханья немеют трубы...
Тебя зову я, но нет ответа,
И на ветру леденеют губы...

ШРАМ

С той Победы прошло уже столько...
Но во мне, всем годам вопреки,
эта память, как шрам от осколка
на запястье отцовской руки.
Передал это чувство и внуку,
как далёким торжественным днём
я держусь за отцовскую руку –
мы на Праздник Победы идём...

НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

Убитый пулею в висок,
я понимаю, как нелепо
в бою погибнуть за Алеппо,
где только камни да песок.
Но всё же, не песка же ради,
мы смело шли в огонь и дым.
«Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим...»

Мне шептала мама, провожая,
за мою переживая жизнь:
«Сирия для нас – земля чужая.
Ты, сынок, на родину вернись!»
И в бою стремительном и лютом
помнил я, где родина моя,
чтоб вернуться с траурным салютом
в наши среднерусские края.

На погосте, звёздами алея,
ждёт меня «афганская аллея».
Ведь в родной истории уже
каждый бой «на дальнем рубеже»...

В ПОДСТРОЧНИКЕ

Сегодня спать не хочется ничутьочки...
Да, впрочем, нам с тобою не впервой...
С укропом малосольные огурчики
в больших листах капусты заварной.
А за окошком ночь такая синяя!
А за столом лишь мы вдвоём с тобой.
Бутылку, охлаждённую до инея,
я выставлю к картошке отварной.
На пробу пригублю пока полстопочки
и молча у окошка посижу,
как будто жизнь моя ещё в подстрочнике,
и я её сейчас перевожу.
Пусть эта снедь у нас не переводится,
перцовка обжигает пусть язык.
А жизнь поэта трудно переводится
на общечеловеческий язык.
Сегодня станешь ты моим читателем -
подстрочник мы за ночь прочтём вдвоём.
Дословный перевод не обязателен,
для птиц, что раскричались за окном.
И ты, опять не спавшая, не пившая,
опять всё угадала наперёд...
В который раз за всё меня простившая,
со мною вместе столько пережившая,
что нам совсем не нужен перевод.
Ты под зарю, ещё слегка затлевшую,
под птичий – уже утренний галдёж
бутылку, как и мы, слегка вспотевшую,
обратно в холодильник уберёшь...

ЖИЗНЬ ПО ЛЮБВИ

Пока живём в краю родном,
у нас свои святые,
мы – за Февронию с Петром:
целуя милых летним днём,
не «валентинки» им несём -
букеты полевые.

ЧЕРЁМУХА

Николаю Поликарпову

Что наша жизнь?! Всего лишь только тень,
которую затмят иные тени.
Безумный Врубель рисовал сирень,
но с девушкой, темнеющей в сирени.
Не наводите тени на плетень
по краю деревень у кромки поля:
сирень – она и в городе сирень,
черёмухе нужны простор и воля.
Есть разные оттенки красоты –
из-за одних идут на нож и в омут...
Цветение как символ чистоты
у наших чуть дичащихся черёмух.
Издаেকে черёмуха видна,
как свет небесный льётся прямо в очи:
в ней праздничной скатёрки белизна
и простыни для первой брачной ночи.
Хотя бывает красота не та –
уродуют её дурные вести,
что, мол, цветы – ненужная фата
по злой легенде брошенной невесты.
И если вдруг с бедой, не по-людски,
все уезжали насовсем из дома,
то становились ягоды горьки,
и становилась вдовушкой черёма...
Я с детства выбрал истину одну:
для радости она, не для печали –
не зря же победивших в ту войну
букетами черёмухи встречали.
У тьмы со светом не закончен счёт,
поскольку вдоль околиц у просёлка
опять у нас черёмуха цветёт,
и белых лепестков так лёгок лёт,
и потому светло душа поёт...
...а холода – так это ненадолго...

ЖИТЬ БЫ...

Избы. И стог. И храм.
Чистого снега наст.
Жить бы Руси без драм –
вот бы и счастье нам.
Только да кто же даст!..

Ольга МАРКОВА

* * *

Ах, какая долгая зима.
Снеготаянье и лужетемье.
Ничего не деланье, хотенье
истончиться, выжить из ума.

Что нас ждёт: Сума или тюрьма?..
Божий перст?.. Слепое провиденье?..
Но, как встарь, маячат в поле зренья
Родины пустые закрома.

* * *

Утром я в переполненный транспорт
Утрамбуясь, спеша на работу.
Человек это справки и паспорт,
Или всё-таки большее что-то?

Но когда всё земное осилив
Стану всех облаков невесомей,
Вдруг пойму: человек – это символ
Бесконечности – не хромосомы.

* * *

Потолок, облитый известью.
Печка. Шкафик платяной.

Если что и можно вынести –
Богоматерь над тахтой.

Тихо-тихо спит покойница,
как царевна во гробу.
Ни о чём не беспокоится.
не пеняет на судьбу...

Похоронит дальний родственник
завтра в полдень на бугре.
Заколотит ставни досками,
пса отвяжет во дворе

И пойдет по узкой кромочке
на автобус городской
с Богородицей в котомочке,
и с дворнягой за спиной.

Анжела БЕЦКО

ДУРОЧКА

Дурочка живет...
Виктор Кривулин

А дурочка по-прежнему живёт:
плетет венки. Цветами засорила
углы и стены крохотной каморки.
И августовским палевым жнивьем
плетётся в ад – к живым и в небо – к мёртвым,
летит в прогал – кончаются перила:
в корзине – яблоки и в банке – мёд.

А дурочка по-прежнему. Плавник
Господней рыбы пилит терпеливо
и ждёт-пождёт внезапного прилива,
серебряного, точно по часам.
Как будто Бог возьмет её в ладони
(Сам – невесом, а спустит небеса)
и будет с нею. В дурочкином доме.

И станет ей понятен тот язык,
которым говорят цветы и вещи.
И спустятся святые. Будет вещим
тот дивный сон, что никому нигде...
как дурочка с Иисусом – по воде.

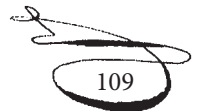
СНЕГ НАОБОРОТ

шёл снег и вечером, и днём.
шёл ты и женщина чужая.
шёл снег, едва соображая,
что хорошо идти вдвоём.
и это знает каждый школьник:
«три» образует треугольник.

а снег не знал. он просто шёл
на красный, жёлтый и зелёный,
по зебре, клумбам и газонам,
рождая рой пушистых пчёл:
когда зима ещё вначале,
нет места мартовской печали.

снег плыл – и вы за ним – шаг в шаг, –
доверчивые, тихо плыли –
и всё пространство украшал,
из мягкой серебристой пыли
лепил пейзаж. но так непрочно,
как лепят из папье-маше:
не надо снегу о душе,
зато муляж выходит точный.

и вдруг споткнулся, вверх шагнул –
внутри забилось что-то птичье –
свалился, встал и отряхнулся,
потом чему-то усмехнулся
и в небо тёмное рванул,
забыв про возраст и приличья,
смешно и глупо, невпопад!

с земли потоком в небо хлынул!
такой зимы не знали зимы,
такому снегу каждый рад:
проспект, бульвар и сонный дворик,
а больше всех – бессонный дворник...

в окошко девочка глядела,
как снег летел, летел, летел
и выпасть в небе так хотел,
что темнота вокруг редела
и отступала к фонарям –
к танцующим и мутным пятнам.
и очевидным и понятным
всё было в мире.
и не зря...

и снег летел, как человек
влюблённый, выпорхнув из тела,
и ты летел, как этот снег,
и рядом женщина летела.

* * *

Из просветов, скважин
я к тебе – поить.
Сутолочь в пейзаже –
некогда любить.

Сложен быт и слажен:
пресен день, как мел,
ночь на землю – сажей –
смог, так уцелел.

Только сны не знают,
что давно распят,
и в любовь свивают
с головы до пят.

В сонном приговоре –
некуда бежать! –
мне, как дышит море,
рядышком дышать,
чтобы боль на убыль –
в тоненькую нить,
чтоб в истоме губы
простонали: «Пить...»

Владимир КОРНИЛОВ

* * *

Памяти В. П. Астафьева

Мы давно у деревни в долгу
Перед светлою памятью прадедов.
Белый город на том берегу
С детства жил в нас малиновым праздником.
...Нас манили к себе города –
Их в рекламах веселые улицы.
Разве мы понимали тогда,
Что без нас деревенька ссутулится?
Запустеют поля за селом,
Речка высохнет, даль затуманится.
Отдадут деревеньку на слом –
Даже память о ней не останется!..
...Боль гражданская ранит строку,
Совесьть горькими учит уроками:
Сколько брошенных сёл на веку –
С их от горя ослепшими окнами?!

ОВДОВЕЛА ЗЕМЛЯ

Неужели земля
Стала нынче вдовою?
Зарастают поля

Сорной злыдень-травой...
Сколько праздных людей
Прохлаждаются летом?!
Ни семян, ни идей
Не взрастили при этом...
Словно нечисть сама
Поощряет беспечных.
Умирают дома
В деревеньках заречных.
...Прежде славили здесь
Православные будни.
В фарисейскую лесь
Вдруг поверили люди.
Всем сулили сполна
Жизнь, подобную чуду, –
И свихнулась страна,
Воспевая Иуду.
...Овдовела земля
Без хозяина-мужа,
Страстно Бога моля,
Впредь чтоб не было хуже.

ТРЕВОЖНЫЕ РАЗДУМЬЯ ОБ УКРАИНЕ

Синий август высок и тих –
Отчего же душа кричит?
Даже мой лучезарный стих,
Как полынь, на губах горчит.
...Я славянских кровей поэт –
Наших предков роднила Русь.
Мне давно не семнадцать лет,
Чтобы праздно закралась грусть.
...Видно, этому дан посыл:
Если мир потрясло бедой.
Коль славяне – отец и сын –
Напитали сердца враждой...

ТИХИЙ СВЕТ

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу черный хлеб.

Где утро в темя дышит,
И брезжит тихий свет.
Садись, коль избран свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост,
Так выглядит бессмертье,
За это первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм,
И неживых предметов,
Несуетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод,
Лишь остается верить:
И это всё пройдёт!

БОГОМАЗ

Моления предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная, с миротворенья.

Пусть светится от золота оклад,
И в паутине красок римский отрок

Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.

Левкас никак не отпускает кисть,
Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отображая перечень пророчеств.

Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

ШКОЛЬНИК

Солнце жарит, в настроенье глупом,
Показав смазливое лицо,
Выжигает на скамейке лупой
Школьник нехорошее словцо.

Жаждет чадо молодое воли,
Хорошо одно – в борьбе со злом
Он не ловит покемонов в школе,
И бычки не курит за углом.

Но во всем видна первооснова,
Пусть невелико творенье рук,
Тянется дымок с доски сосновой,
Кривизна обугленная букв.

Теменем качает рыжеватым,
И сопит, сосредоточен весь,
Истиной простой и тороватой,
Неприлично лишь ее прочесть.

Полдень тонет в мареве, в подбое
раскаленном, так прими в строку,
Грешное, знакомое, любое
это приобщенье к языку.

* * *

Сторона бескрайняя –
глушь да белизна...
Нынче Пасха ранняя –
поздняя весна.
Теплоты немножко
в небе да в груди
намаши ладошкой,
Господи...

ПОЛУЛУНИЕ

Пора подружку на подушку,
да хорохориться постой...
Кому, придерживая двушку,
звонить задумал мир ночной?

А поглядеть на обороте –
до поздней утренней зари
мы в телефоне-автомате,
иссиня-чёрном изнутри.

Но племя юное на это,
пожав плечами, промолчит...
Луна, как медная монета,
в небесной прорези торчит.

* * *

По мольбе твоей или судьбе
на ожесточающем ветру
по тебе, живая, по тебе
руки мои сохнут поутру.

На пути недолгом, налегке
редко переходим для двоих,
губы мои сохнут вдалеке
от короткой щедрости твоих.

Но опять становится вода
в первородной дымке голубой
влагою телесною, когда
мы соединяемся с тобой.

Лишь глотком, закинутым рывком,
в пересохшей напрочь глубине
горло перехватывает ком
от восторга быть наедине.

* * *

Хочешь не хочешь – ступай за порог:
псу моему выходной ли, рабочий...
Утро холодное. Тёплый парок
овеществляется в пасти собачьей.
Солнце восходит при рыхлой луне –
скоро совсем до заката растает...
Азия стынет – иначе бы не
ветер её холодел в Казахстане.
Что Kazakhstan? Из такой же земли –
исполу мы олатинились тоже...

Дочери к дальнему морю ушли –
где нарыбаются, чем подытожат?
Нечего спрашивать, кто разлучил –
сам от земной перемены немея,
речи иной их не ты ли учил,
странной любви передать не умея?
Вот и не рви на себе волоса –
в них без того не застрянет гребёнка...
Вот и осталось – выгуливать пса
утром и вечером, точно ребёнка.

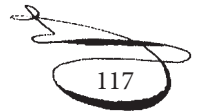
* * *

В расплав осенний окуная ноги,
наги, но беззастенчиво легки,
берёзы у далматовской дороги
рябы, как далматинские щенки.
А вдалеке за монотонным лесом,
где в небо утыкается земля,
вода висит завесою белесой,
опущенной из тучи на поля.
И зябкий стужок ёжится и ноет
в груди от неизбежного дождя...

Но всё, что время выцветшее моет,
оно же укрывает погода.
И хочется вынашивать и нянчить
в несвойственных глубинах естества
комочек беззащитности щенячьей,
зачатый в ожиданье Покрова.

* * *

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездомный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая – помяните,
во испытание уму
кровят оборванные нити,
собранные в бахрому –
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.

ДОНБАСС

Жить по сути нелегко,
но не в этом суть.
Те стреляют в молоко,
эти в Млечный путь.

На востоке – кровь с золой:
зареву, рассвет?
Между небом и землёй -
только ты и смерть.

Между Богом и тобой
лишь немая высь,
взятая в прицел судьбой
под названьем «жись».

В марш-атаку в полный рост –
ридна мать война.
Пулевых отверстий – звёзд –
голова полна.

Взять на мушку чью-то грудь –
только б не успеть!
...этой ночью не уснуть –
легче умереть...

МУЗЫКА И СЛОВО

Над миром музыка плыла
и в этот миг уже казалось,
что вечной музыка была,
что никогда не начиналась.
Но кто заполнил пустоту
гармонией, когда вначале

сквозь темноту и немоту
пробилось первое звучанье -
на самой высшей высоте,
за миллиарды лет до Баха,
пробороздив небытие
и стену будущего страха?
Но вот явился первый слог
и слог второй со звуком новым...
Конечно, был вначале Бог -
в слиянье Музыки и Слова.

* * *

Не вполне доверяйся, поэт...
Н. Заболоцкий

Пробираясь к извечным основам
через дебри приземистых лет,
проходному случайному слову
не вполне доверяйся, поэт.

В тесных кельях благого искусства,
в пустоту истончившего свет,
обиходному буднему чувству
не вполне доверяйся, поэт.

Запирая вчерашние двери,
оглянись ненароком: судьбе
не воровкою быть «на доверье»,
а весёлой хозяйкой тебе.

Если осень, продутая ветром,
бросит пригоршню честных монет,
ты тому, что легло на поверхность
не вполне доверяйся, поэт.

Но как только, как только услышишь
сквозь всевышний разлом над собой
невесомую музыку свыше -
не противься и душу открой!

ПОДРУГИ

Пожилые женщины, подруги,
Вечерами ходят по округе,
Не спеша пройдутся по тропинкам,
Завернут к берёзам и осинкам –
Легче им дышать среди деревьев,
Чем в своей разрушенной деревне...
Та, что старше – чопорна немножко,
В белой блузке со старинной брошкой,
Седовласа – симпатична, впрочем,
Сельская учительница в прошлом.
Что помладше, та в платке неярком,
Бывшая советская доярка,
В серой кофте, в платьишке обычном,
Тоже с сединой и симпатична.
У одной – ночных бессонниц муки,
У другой – от доек ломит руки,
Пусть они по-разному прожили,
Но всегда друг дружкой дорожили.
Две судьбы закатных, две подруги
Не бесцельно бродят по округе,
Русские стихи с душой читают...
Все их сумасшедшими считают.

АЗИЯ

Май в казахской степи. Маки в алых рубашках.
В море маков бежит молодая казашка.

А в закате густом пламенеют просторы...
Выше – розовый свет; дальше – синие горы.

Здесь – равнина, а там, на уклоне уютном,
Философский дымок закурился у юрты.

Пронеслись табуны, будто вслед за веками,
Всё былое вдали улеглось облаками...

А казашка бежит, море маков тревожа...
Сколько прелести в ней, сколько юности, Боже!..

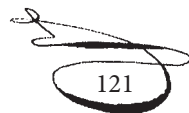
Юрий КУКСИН

ПИСЬМО ИЗ «ГОРЯЧЕЙ ТОЧКИ»

Поверь мне, милая, не знаю
Где тыл, а где передовая.
Здесь каждый у порога рая
И новый день как будто ад.
Воюем мы, наверно, вечность.
Нас разделяет бесконечность.
Ты мне прости мою беспечность.
Я сам беспечности не рад.

В Чечне такая куролесица,
С косою ведьма в чёрном бесится,
Тела людские смертью метятся
Который год, о Боже мой!
И в жерновах военной мельницы
Молю, о сущей, о безделице –
Мне б не сгореть в огне-метелице,
Вернуться всё-таки домой.

Поверь мне, милая, не знаю
Что обрету, что потеряю.
Я каждый день хожу по краю,
Мне б удержаться на краю.
Пока надежда не распята,
Твоя любовь да будет свята,
И ты – прекрасна и крылата.
Я счастлив, что тебя люблю.

Поверь мне, милая, не знаю
Когда разлуки выйдет срок,
И на одно лишь уповаю,
Чтоб он истёк, скорей истёк.
На зло врагам и непогоде,
Всю дурость с глупостью кляня,
Сквозь расстоянья и невзгоды
Хочу к тебе вернуться я.

МОЙ СТАРЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ

В мой старый Екатеринбург
Под шум дождей прокралась осень,
И листопад уже заносит
Мой старый Екатеринбург.
Случилось это неспроста
И в сердце замирает что-то
От бесшабашного полета
К земле спешащего листа.

Осень! Полинявшего неба прозрачная просинь.
Осень закружит хоровод, под ногами шурша.
Осень, об одном тебя просим –
Погости, золотая, никуда не спеша.

Мой старый Екатеринбург
Так долго ждал прихода лета,
Но не случилось нынче это.
Мой старый Екатеринбург...
Погода нрав являет свой.
Её фантазии бездонны –
И бесконечные циклоны
Чудят над нашей головой.

Мой старый Екатеринбург,
Нам от судьбы куда деваться?
И холода спешат прорваться
В мой старый Екатеринбург.

А может, без обиняков,
Еще вернётся бабье лето,
Теплом порадовав при этом
Моих озябших земляков.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В глаза живым, с немых портретов глядя,
Спасибо вам, что помните пока.
С людским потоком вместе на параде –
Единый строй «Бессмертного полка».
Настал момент минуты откровенья,
Чтоб под оркестра праздничную медь,
Вся совесть наших прежних поколений
Могла на будущее светлое глядеть.

Пусть наша жизнь вам в назиданье будет,
Ведь вы портреты всё-таки нашли.
Да, не было простых и лёгких судеб,
Но мы свой путь с достоинством прошли.
Мы рвались в бой, нас смерть огнём хлестала,
Но мы вершили славные дела,
И наша гибель не напрасной стала,
Когда такая смена подросла.

Гроза войны, как будто оттремела,
Но чтоб страну врасплох не захватить,
Мы будем все века для вас примером,
Как надо свято Родину любить.
В глаза живым, с немых портретов глядя,
Спасибо вам, что помните пока....
С людским потоком вместе на параде –
Единый строй «Бессмертного полка»!

* * *

Время бесснежья, сумерки бездорожья...
Только и светит сердцу, что искра Божья –
Звёздочка, фонарик, сырая спичка,
К белому свету спасительная привычка.

Ладно бы безвременье – часовая
Мчится по кругу, за веком не успевая,
Числа сбивая и вырывая с корнем
То, о чём мы уже никогда не вспомним.

К сумеркам взгляд привыкает, но слишком близко
Вспыхивает и гаснет сырая искра,
Только на миг ослепляя и обжигая –
И навсегда убеждая: она живая!

Время бесснежья кончается снегопадом,
Большим снегопадом – не видно того, кто рядом...
Руку отпустишь – и всё, уже нет ответа.
Но свет никогда не теряется в море света.

* * *

Ветер распрямившейся пружины
В грудь толкнёт – и вдруг очнёшься: ах,
Сколько детской радости стрижиной
В дерзких поднебесных чертежах,

В синих ослепительных эскизах,
В солнечной кайме по облакам...
Каждый летний день бросает вызов
Каменно слежавшимся векам.

Из заботы утренней дежурной,
Из дневной привычной суеты

День восходит башенкой ажурной
До невероятной высоты,

Где живут уже другие ветры,
Царствуют иные облака,
Где летишь, пока хватает веры,
Любишь и блаженствуешь пока...

* * *

В грязных берцах, широких чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак, стреляют из-за угла –
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани, туфли и сумочки от кутюр,
Или, скажем, пешеходная улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких беспечных дур
На каблуках и в шляпках... И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается ледяной.

Как наложение в фотошопе, или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три октавы
В прах и скрежет, в тиски смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих развалин.

Мы слишком привыкли к миру. Жалей или не жалей –
Он нереален.

Так занавеску срывает взрывной волной –
И на грязные берцы, тля, падают клочья.
Вот реальность. Она никогда не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает, ну разве кроме
Этих, в чёрном, идущих сквозь праздник жизни как нож
Сквозь тёплый хлеб, оставляя крошки и капли крови.

* * *

Рана ране – рознь. Сквозь грохот боли
Ничего не слышно. Но за ней
Небо голубое-голубое,
Золотое – алого синей.

Взгляд переживает эти всплески
Осторожно – веки не обжечь!
Из-за белоснежной занавески
Льётся как вода чужая речь,

Медленной прохладой в пламя плоти
Возвращая из небытия
Обрезать кровавые лохмотья,
Стягивать неровные края.

* * *

И я говорила: слушай, какого чёрта?
И ты отвечал наугад невнятное что-то.
И я говорила гневно: да как ты смеешь!
И вместе с платком из кармана летела мелочь.

И я умолкала – а ты начинал сначала,
А я всё равно не плакала и молчала.
Смотрела в глаза и думала: что ж такое!
И телефон вибрировал под рукою.

Такси у подъезда, и сердце вот-вот сорвётся,
Но даже если уеду – куда я денусь?
И в этот миг над нами стояло солнце,
Смотрело на нас и смеялось, словно младенец.

Смотрело на нас и смеялось, глаза прищуря,
Как будто наша ссора его слепила...
Свети, моё золотое, свети, прошу я,
Свети, моё единственное светило!

* * *

Как странно я жила! Как медленно дышала
Небесною водой немислимых глубин!
И тайный страх точил серебряное жало –
Но мир меня хранил, и ты меня любил.

Империя в дыму как белый храм на круче.
И тридцать лет прошло – а всё ещё в дыму.
И ты в чужом краю. Но так, наверно, лучше –
Мой странный дар теперь не нужен никому.

Мучительным глотком таинственной свободы
Насытилась душа, и обожглась, и к ней
Слетаются слова неведомой породы,
Светясь как снегири на тонких ветках дней.

Империя в дыму. Взгляд опуская долу,
Не высмотреть зари, не выдохнуть – беда!
Горе глаза, горе – где звёзды и глаголы,
Где ускоряет ток небесная вода.

* * *

До августа, до Ильина
В душе такая тишина...

Все грозы – мимо да окольно,
А если и к лицу лицом –
Проходят, словно колокольный
Глубокий гулкий сон.

И никакой громовый выстрел,
Ни всполох яростный над ним –
Но август! Самой малой искрой,
Небрежным выдохом одним,
Штрихом случайного касанья
Как тонкой спичкой по стеклу –
И жизнь горит, не угасая,
И смотрит пристально во мглу.

И в куще тающего зноя,
В толпе желтеющих деревьев
Становится, уже сгорев,
Неопалимой купиною.

Александр КЕРДАН

* * *

Плачет небо, жалея о лете,
О роскошной зелёной траве,
О счастливом июньском рассвете,
Об июльской сквозной синеве.

Плачет небо, зовёт ему вторить
И, взирая на призрачный свет,
Опечалиться будущим горем,
Презить счастьем, которого нет.

Только я улыбаюсь ненастью,
Понимая седой головой,
Что улыбка равняется счастью
И что я, слава Богу, живой,

И могу любоваться любимой,
Слышать вас, дорогие друзья,
И в судьбе ещё всё поправимо,
Даже то, что поправить нельзя.

* * *

*Завидую тебе, орёл двуглавый,
Ты можешь сам с собой поговорить.*

А. Вознесенский

Две головы орлу даны судьбою,
Чтоб над Державой нашей, над странюю
Он мог в дозоре высоко парить
И обо всём, что видит взор орлиный,

Не прерывая свой полёт былинный,
С самим собой да с Богом говорить.

А кто ещё его услышит клёкот,
Похожий на волны чуть слышный ропот?
Он в этом мире непонятен всем...
Меж облаков лежит его дорога,
Он видит далеко и знает много,
Но знанье не решает всех проблем.

Вот так и с нашей русской душою,
Что никогда не ведает покоя
Среди земных волнений и забот...
Она с собою говорит, как с Богом,
И потому-то ведает о многом,
И мечется, и на разрыв живёт

Меж делом личным и заботой вящей
Об истине, о вере настоящей,
О родине, о мире, о войне...
Она, душа, орлом парит, клекочет,
Предельно честной оставаться хочет
Со всеми и с собой наедине.

* * *

Отгрохочет июль канонадой,
Перестанут пылить тополя,
И наступит пора звездопада,
Нам прохладную осень суля.

И предстанут пред мысленным взором
Прояснившимся, как ни крути,
На окошках мороза узоры,
Занесённые снегом пути.

И накатит работать охота,
Так, чтоб было на зависть векам...
Потому что одна лишь работа
И стареть не даёт старикам,

Продлевает им годы безмерно,
Сводит шансы на отдых к нулю...
Вот по этой причине, наверно,
Я реформ никаких не люблю.

МАКАР

С головой как одуванчик
По проходу вдоль купе
Бегают соседский мальчик –
Вертит дырку на пупе.

Слов ещё не зная толком,
Пальцем тыкает в айфон.
Отними попробуй только –
Затрубит, как дикий слон.

Он ножонками топочет
Тянет к маме руки:
– Дай!
Мама ссориться не хочет,
Возвращает:
– На! Играй...

И горит экран неоном –
Лучше б вовсе он погас!
Скачут бесов легионы,
Где Макар телят не пас.

Где взамен Души и Бога –
Тлен, безумная игра...
Мальчик, стой, остынь немного –
На пупе уже дыра!

...Но Макар всю игру играет –
Жертва сети мировой.
И в глазах его мерцает
Свет неона неживой...

ГАСТАРБАЙТЕР

Сидел бы дома в чайхане,
Упревший в толстом чапане,
И, не торгуясь о цене,
Пил чай зелёный из пиалы,
Не сокрушался бы нимало
О полыхающей войне...

Но ты – чужой – в чужой стране
Глаза мозолишь нынче мне
Своей обидой затаённой,
Как будто я – твой старший брат –
Приезду твоему не рад...
И вас, таких вот, миллионы!

И в каждом – что-то да болит,
А это – миллион обид
Тогда, когда и нам – не сладко...
Но я, не веруя в ислам,
Всё ж говорю тебе: «Салам!»
И улыбаюсь для порядка.

Ведь мир худой всё ж – не война.
Она нам вовсе не нужна,
Тебе глядящая в затылок...
Ты отвечаешь мне: «Рахмат».
Отправить бы тебя назад,
Но это б не по-русски было...

* * *

В. Морозову

Ворошу на огне можжевельник,
Неторопко горит костерок,
И гляжу я на сумрачный ельник,
На цветочный ковёр подле ног.

И себя невпопад укоряя,
Что дарованный миг не ценю,
Можжевелика роль примеряю,
Приникая душою к огню.

Чтоб смола закипала, как брага,
У слепого огня под пятой
И казалась разумной отвага –
Пасть во имя идеи простой:

Терпким дымом наполнить округу,
Разогнать хоть на миг мошкарю...
Так полезным быть хочется другу
До мгновенья, пока не умру.

СМЕХОПАНОРАМА

Трудно жили. Жили весело.
А теперь – наоборот...
Грусть улыбку перевесила,
Искривив гримасой рот.

А шуты – всю стараются:
Хохота – на всю страну...
Над собой ли потешаются,
Надо мной ли? – Не пойму.

В голове – сплошное месиво,
А в унынье впасть – грешно...
Вот и дожил – стало весело.
Весело, но не смешно.

* * *

Прижавшись друг к другу как зёрна граната,
Глядим беспечально на пламя заката,
Который гранатовым цветом напоен,
И дышит, и пышет полуденным зноем,

Суля, что и ночь не подарит прохладу...
Но нам, молодым, и прохлады не надо,
Лишь только б, касаясь горячею кожей,
Срастаться судьбою, такой непохожей.
Как зёрна граната, и мы – безупречны,
И в каждом таятся и космос, и вечность,
И ощущение вселенского зноя,
В котором сгораем мы вместе с тобою...

* * *

Мне закон открылся, между прочим,
Как прожить и смерти не робеть:
В радости – не радоваться очень,
В горе – без отчаянья скорбеть.

И хотя старею понемногу
И когда-то, в свой черёд, умру,
Верую, что всё дано от Бога,
Значит, всё, что дается, – к добру.

Тлемя младое, незнакомое...

Роман ПОПЛАВСКИЙ

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ БАДМИНТОН

Снова спорт на новостном канале.
Комментаторы на взводе. Сетки
вдоль границ натянуты по струнке.
Значит, скоро межконтинентальный
бадминтон! Расчехлены ракетки
на траве и на открытом грунте.

Все спортсмены, будто из казармы,
в безупречной форме: не иначе,
годы интенсивных тренировок.
Кто пойдёт на первую подачу,
что последней может оказаться,
ежели соперник проворонит?

Полетят крылатые воланы,
редкий воздух рассекая резко,
сыпя вниз наточенные перья.
Коль успею, буду во поле валяться
и сжимать бутылку, словно древко
знамени, в руке, глазам не веря:

в небе будет что-то не от неба –
рукава рубашки не по росту.
Разведу руками – мерить стану
и услышу, как далёко где-то
звонко гоготнёт, взлетев на воздух,
Гусь Хрустальный.

ДОМ

Стены как стены. Всё прежнее, вроде.
Та же посуда на грузном комоде.
Те же обои – одна полоса,
как в незапамятные, пузырится.
Смотрят со стен невесёлые лица –
измученные глаза.

Кто эти люди в обшарпанных рамках?
Силюсь припомнить...
– Мама!
– Не мамкай! Вытри сейчас же слёзы с лица!
Вот ещё – только б на улицу бегать. Дома сиди!
– Я спрошу у Олега...
– Хватит по имени звать отца!

Силюсь припомнить...
Всё так знакомо
и незнакомо, будто не дома –
к соседям на чай зашёл
и окликаю хозяев усталых,
но оказалось, что не застал их:
сами в гостях ещё.

Хлопает хлипкая фортка настырно:
лезет в квартиру ветер-проныра.
Фонарь во дворе сверкнул.
Может, вернутся, когда он потухнет?
Ветка, сухая рука повитухи,
чиркает по стеклу.

* * *

Видит город на Неве сон,
что прозрачен он, невесом –
сбросил каменных громад груз,
воспарил и – об заклад бьюсь! –
всех оставил нас не у дел
мерить взглядом синеву, где

огнегривых львов литой прайд
охраняет золотой град.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

За стенкой гам и тарарам –
то тут, то там, то тут, то там, –
на боковушке с утречка
играет пара в дурачка,
подобно оползню в горах,
несётся с верхней полки храп.
Напротив тараторка мне
твердит о кризисе в стране,
о том, как горек честный труд,
когда повсюду вор и плут –
то там, то тут, то там, то тут.
А я поддакивать устал,
читать устал и спать устал! –
то тут, то там, то тут, то там, –
совсем не голоден, хотя
пакетиками шелестят
и, словно пьяные, идут –
то там, то тут, то там, то тут, –
кто в обуви, кто босиком,
паломники за кипятком.
И тараторка, замолчав,
встаёт себе готовить чай,
и во внезапной тишине
я вижу сам себя в окне,
как будто нитями судьбы
соединённые столбы,
и так хочу по проводам
разрядом добежать туда,
где теплится в окне уют –
не тут, а там! не тут, а там! –
но тараторка тут как тут –
то там, то тут, то там, то тут,
то там, то тут, то там, то тут.

* * *

Уже умерил свой напор,
уже едва крадётся поезд.
В лиловых сумерках по пояс
гостеприимное депо.

Прямолинеен, строг и прост,
слегка фонарным светом тронут –
ступени к каждому перрону
спускает пешеходный мост.

От безысходности неон,
цветистых надписей заложник,
мигает и следит тревожно,
как самый первый – мой вагон,
едва не миновав вокзал,
встаёт.

Спускаюсь.
Вдоль вагонов
плетусь к мосту недоумённо
и заспанные тру глаза,
завидев, словно в мираже,
ступени в облачные кущи
и силуэты душ, идущих
на небеса на пээмжэ.

Анастасия НИКОЛЕНКО

* * *

Цвет недоступен, монохром.
Притворяться что греет свет.
Заклинания на потом.
Море снега и море-снег.

Обозначься пунктиром камней,
убегающих до воды,
по застывшей соли морей,
где искать мне твои следы.

Пианино расстроено, ржавый трамвай,
телефонная будка пуста,
замолкает гудок, телефон устал,
проводник из ничто, в никуда.

* * *

Зажигалкой чиркаешь, не горит.
Пиши все что думаешь.
Все слова уместились на медный кулон для молитв,
лучше разве для них придумаешь?

Засыхают цветы и окурок дымит...
Где мне взять настоящей поэзии?
Чашка с чайкой отколота, жуткий вид
и такое бывает болезненно.

Кремний выдохся, ветки, фонарь,
я избита как эти слова.
Если кровь, не кровь – киноварь,
не сгорит ничего...никогда...

* * *

Левая рука – пятилетний ребенок,
не умеет писать, еле держит ложку.
Разлученный с матерью олененок,
в волчьей шкуре, пообвыкнется понемножку.

Тьма не исчезает от упоминания светильника,
но светильник погаснет и станет тьмой.
Ясноглазые будут страшнее могильника,
с возведённым бетонным куполом над головой.

Серое небо не украшает ни одного города,
как бездушное благоденствие.
Среди полосатого газетного вороха,
чья-то душа похожая на младенца.

ПРОЩАНИЕ

Перед ресницами жадный густой туман.
Я в нём теряюсь. Мысли не знают меры.
Я умоляю себя не сойти с ума.
Нежность конечна. Странно, но, впрочем, верно.

В память останется только она сама.
На остальное – просто не хватит нервов.

ВЗЛЁТ

Долгие проводы. Тягостный непокой.
Бьются в артериях вспышки твоих огней.
Стала тоска осязаемой и живой:
Душит – видны следы от её ногтей,
Словно порезы. Бесчувственный и пустой,
Мой самолет теряется в темноте.
В вое мотора я, кажется, слышу свой...

* * *

Лишь начнёшь забывать – невольно вспомнятся встречи,
Надоевшие песни, нелепые передачи,
Одинаковые манеры, походки, плечи...
Отчего-то на них зашкаливает твой датчик
Сожаления. О спокойствии нет и речи.
Улыбаются – без тебя выживают, значит,
Убедившись – без тебя им намного легче.
И ты смиряешься. Ты не можешь иначе...

ТВОЙ ЧЕЛОВЕК

Фоткаешь человека, фоткаешься с человеком,
И он такой же, как и ты, простой,
Вы слоняетесь по барам и библиотекам,
А когда он уходит, ты кричишь ему вслед: «Постой!»

Тебе кажется, что он освобождает тебя от оков,
Вместе вы похожи на двух девятилетних дураков,
К нему тебя тянет неведомой силой,
А без него тебе – невыносимо.

И кажется, когда от него далеко,
Тебе не бывает легко,
Вот оно как – стоит лучу света появиться,
И без него уже никак не остановиться.

Ты столько никогда не улыбался,
И как бы ты не старался,
Ты не сможешь вернуть это время ещё,
Но так хочется стать для родного человека «плащом»,
Пересказывать ему вкратце
Все моменты, которые заставили смеяться,
Жевать не понятную на вкус сладкую вагу
И укрываться от дождя жакетом мятым.

От наших улыбок загораются огни на мостовой,
Оживает каждый кирпичик,
Разогревается обед на газовой плите без спичек,
И кажется, что чересчур прочные наши нити,
Хочется, держась за них, уплыть и
Никогда не задумываться, какой сейчас век,
Это не важно, ведь рядом – твой человек.

* * *

пустые слова, утонувшие в реке отчаяния,
остались внутри меня, среди несбывшихся обещаний,
их так много, что ими можно вдоволь напиться,
почему кто-то о них забыл, а мне теперь не спится?

у кого-то получилось прийти и навсегда остаться,
кто-то с собой всё хорошее, что было во мне, унёс,
мне часто хотелось прийти к нему и тем самым сдаться,
ведь что поделать, если я – верный, как пёс.

за последние годы сердце стало прочным, как гранит,
всё, что теперь стало бессмысленно, оно всё ещё хранит,
души, наполненные заботой, оказались совсем пустыми,
а цитаты из книг теперь кажутся простыми,

ведь их авторы будто в воду глядели, когда, перо намазав,
писали каждую главу и доказывали, что герой их счастлив,
но сколько людей считают всё происходящее невыносимым,
а самое простое и нелепое с годами становится красивым...

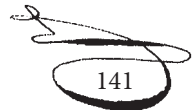
мы никогда не поймём, что на самом деле имеет цену,
и почему все сидят в офисах, когда они с детства мечтали выйти на сцену,
почему многие судят человека, смотря на его одежду,
но мы будем жить и сохраним внутри себя надежду.

в самом деле, если каждый будет считать, что он кому-то друг,
то люди перестанут быть злыми и станут немного добрее вдруг,
я обрадуюсь, ведь мне кто-то приятные вести принёс,
заходи, тебе понравится, ведь я – верный как пёс.

Илья ПОПЕНОВ

СКАЗКА О ЗВЁЗДНОМ МЕДВЕДЕ

Я расскажу тебе, друг, сказку Крайнего Севера.
Жил там на льдине когда-то полярный медведь.

Он был романтик, мечтатель, и вечером к берегу
Шёл, словно в детстве, на звёздное небо смотреть.

И вот однажды весной он встретил медведицу,
Был он настойчив и щедро подарки дарил.
Ей показал, как сиянье полярное светится,
Снежной романтикой сердце её покорил.

Как-то пошёл наш герой на тюленей охотиться.
Ну а подруга, почуяв неясно беду,
Всё говорила: «Тебя отпускать мне не хочется,
Милый медведь мой, ведь я без тебя пропаду».

Враг был жесток и медведю ужасно завидовал,
Счастья чужого не мог он никак пережить.
Тихо подкрался, медведицу он не помиловал,
Чтобы за счастье возлюбленным так отомстить.

И завязалась на льдине той битва жестокая,
Враг был повержен и ноги не смог унести.
Плакала чайка полярная с неба высокого –
Бедных возлюбленных было уже не спасти.

Сказка, мой друг, получилась довольно печальной,
Только не стоит, поверь, об ушедших жалеть.
Жив наш герой, что любил и сражался отчаянно –
Бродит ночами по небу полярный медведь.

Элина УЛЬЯНОВА

* * *

Мысли и чувства нацелены ввысь.
Не тяготит одиночество.
Рваться куда-то – имеет ли смысл?
К друзьям на тусовки – не хочется.
Мне бы в мечту прыгнуть, как в водоём:

Взять лишь посуду и простыни,
И нам с тобой оказаться вдвоем
Вдруг на затерянном острове.

* * *

Твой образ в голове опять
Цветным дымком повеял бодро.
Так здорово всё поменять;
Забыв про злость, опять стать доброй.
И каждая минута – шанс
Понять, что жить ещё не поздно.
И мысли – каждая о нас,
И каждый день – подарок звёздный.
Разрушилась сомнений глыба,
Твой взгляд с судьбой меня примирит.
Я так устала делать выбор
Меж тем, что сердце не велит.
Теперь не будет: либо – либо,
Я всё смогу, я всё стерплю
И лишь хочу сказать «спасибо»
За то, что я тебя люблю.

София МАКСИМЫЧЕВА

ОТРЫВОК

1

Тень неясности, серый цвет,
беспредметный и долгий поиск.
В рамках – тесно. Без рамок нет
дна небесного...

Городское начинает с утра отсчёт,
дребезжащий трамвайный голос.
Что-то древнее извлечёт
нож, вспоров голубую полость.

Хлынет горлом вода, как кровь,
шар земной орошая плоский.
Там, где гонит с полей коров
Авель прутиком из берёзки.

2

Впору сесть, и медленной рукой
небеса за облако сдвигая,
скрипку возложить на аналой.

Листьев позолоченную стаю
бросить, словно кто-то невпопад
слово произносит – год от года.

Скоро на подходе снегопад,
передел воинствующих лодок.

Слышишь, как последний менестрель
голосом почти заледенелым
неба голубую акварель
разбавляет, чтобы не темнела.

3

А потом в тебе воскресает мак,
лебеда, кипрей, золотая рожь,
ты не веришь снам, говорящим:
– Так

будет раз за разом покуда ждёшь,
что наступит срок и вода возьмёт
все грехи людские и даже твой...
Авраам, Иаков, Ревекка, Лот,
Исаак, Иона, страдалец Ной.

Переходит голос границу вброд,
проникает сквозь звуковой барьер;
и тогда из горла Его течёт
вперемешку с жизнью густая смерть.

* * *

Себя изучал отрешенно и глухо,
Так голая в зеркало смотрит старуха
При свете холодного ясного дня –
Но все же за что-то любили меня.

А пыльный стакан, что стоит в пианино –
Запчасти для мухи, паук, паутина?
В нем кроме воды, ничего-то и нет.
Но он заставляет звучать инструмент.

Быть может я сам ничего-то не стою,
Но кто-то меня наполняет водою,
И кто-то по клавишам водит рукой,
А левой-ли, правой – неважно какой.

Не зная, не помня, меня целовали,
И жизнью все это другие назвали,
Другие придумали имя мое,
Звучащее, как на веревке белье,

Короткое, словно ковры выбивают.
На все есть прекрасное слово бывает.
Я мимо промчался, слепой и дурной
Как поезд. Но кто-то был счастлив со мной.

Михаил ЧЕРВЯКОВ

ОТЧИМ

– Прошу – уйди! И больше нас не мучай!
Я её сын, и моё мнение нужно учитывать.
Если в жизни все полагаются только на случай,
То мне тут тогда на что рассчитывать?

Вдыхая рывками терпкий запах перегара.
Наверное, всё же я ещё слишком мал,
Потому и закрываю лицо от его ударов,
Пытаясь понять, что я не так сказал.
И вспомнил... вспомнил, как однажды
Убегал от него босиком по снегу,
И была у него неуголимая звериная жажда,
А у меня – ни суперсилы, ни оберега.
И, продолжая держать ладони у лица,
Пока в доме телевизор орал посреди ночи,
Я понял одно: что хуже пьяного отца
Может быть только пьяный отчим.

Анна МАМАЕНКО

* * *

Мы поездом привозим на юга
давно здесь позабытые снега,
простуженные ветры городов,
где тесно от машин и поездов.
И южная дождливая зима
застынет зачарованно сама,
когда лосей ветвистые рога
из кроны яблочной проступят, напугав.
И дальнего вокзала болтовня
на ветках раскачается, звеня,
и в снег зароется. Мерцание шаров
вплетается в кружение миров.
Переполюня тишиною сад
сугробы удивлённые стоят.
Кружится снег. И тенью кружевной
спешат волхвы за тихую звездой.

CINEMA

Старый индеец проведёт до канадской границы.
Ветер мустангом рванёт – поминай, как звали.

Бог бледнолицый перелистнёт страницы.
Иди и насвистывай – фильма в самом начале.

Выжженный временем белый козлиный череп
высится в самом центре земного шара.
Впереди хэппи-энд – главное в это верить.
Но ночь наступает быстрее, чем пустеет тара.

Что тебе снится, какие такие сходни
каких пароходов, лёгших на мелководье?
В иллюминаторы бог бледнолицый смотрит
и по каютам гуляют тени мелодий.

Всё это было давно, не с тобой, и ладно.
Жизнь – синема, прибытие паровоза.
Станция, грустная девушка, палисадник.
Синий, пьянящий как виски, вечерний воздух.

Все обещания – по ветру тихим прахом.
Череп козлиный встаёт вместо солнца утром.
Когда ты ушёл, никто по тебе не плакал.
Только кузнечик трещал в колесе погнутом.

Лишь оглянулся, запечатлев на плёнке
серую станцию, несколько пыльных куриц,
на верёвке пеньковой удушенника, пять пелёнок,
винную лавку между двух безысходных улиц.

Время кузнечиков оказалось пустым и звонким
будто начальные кадры кинокартины.
Но где-то кончается прерия вместе с плёнкой,
и остаётся лишь старый индеец с башкой козлиной.

Даль свободного романа

Арсен ТИТОВ

ПРО МИТЬКУ

Маленькая повесть

1

Костя Боборыкин в хороший майский день к вечеру был на именинах в хорошей семье, где его любили, и там хорошо выпил.

Он выпил там так хорошо, что не был пьян и уехал из хорошей семьи только по заботе о старшем внуке Ване, который у него оставался дома, приезжая к нему обычно на выходные дни, и, конечно, теперь, вечером хорошего дня, надо было его отправлять к родителям, то есть к дочке Кости, красивой молодой женщине, внешне в целом ничего общего с Костей не имеющей, кроме разве некоторых, на первый взгляд, не существенных совпадений непонятно даже в чем – в стати ли, в глазах ли, в облике ли вообще, но одинаковой с Костей характером, отчего Косте было с ней легко.

Семья именинника, друга Кости, была хорошей, дружной, любящей друг друга и любящей всяких животных и птичек – свинок, кошек, канареек, попугаев, и любящей всякие растения. Не считая уже обычных для наших квартир лимонных, манговых и финиковых деревьев, они выращивали в небольшой кадучке какое-то сапотиловое дерево, о котором при всей своей грамотности Костя до того никогда не слышал, и именинник, друг Кости, сказал, что еще они всей семьей мечтают вырастить сейшельскую пальму. Об этом уникальном дереве Костя уже имел представление в том плане, что их на Земле всего ничего, и растут они столь медленно, что им требуется целая тысяча лет. Эти животные и птички и эти растения в семье друга Кости хорошо приживались, и Костя верил, что они и эту самую сейшельскую пальму тоже вырастят. Кроме того, что все в этой семье хорошо приживалось, оно еще придавало их обычной трехкомнатной квартире, уютной и прибранной, еще и приятный экзотический оттенок. Девятиклассница-дочь их была влюблена в Костю с самого детства, и это тоже придавало их семье немного экзотики и немного того, что можно назвать небольшой чарующей необычностью.

Косте хотелось остаться в семье еще, посидеть, поговорить, похихотать, вспоминая что-нибудь забавное из общего прошлого. Но у него дома был его внук, девятилетний молодой человек Ваня, и его надо было отправить к родителям на другой конец города. Дочка именинника собрала для внука Кости гостинцы и, чрезвычайно стесняясь, не взглядывая на Костю, подала. Год назад отцу на именины она приготовила пирог и была очень опечалена, замкнулась у себя в комнате с кошкой, свинкой и попугаем, узнав, что Костя быть на именинах не может. Для всех враз ее чувство, о котором думали, что детское, вот так открылось. Ее чувство и на самом деле было детским, но все равно всех удивила его длительность или, как еще сказать, его глубина, что ли. И нынче она вышла встречать Костю, смело посмотрела ему в глаза, а он только воскликнул, сколько она выросла, сколько она стала схожей с матерью.

– Да ведь вас не различить, где ты, а где твоя мама, так вы обе хороши! – сказал Костя.

Потом, пока шло застолье, она опять была у себя в комнате, вышла только Костю проводить и собрать внуку Кости гостинцы.

И Косте было хорошо ехать домой, к внуку, вспоминать, что было за столом, вспоминать много хорошего из общего их с другом прошлого.

Отправив внука к родителям, Костя вдруг как-то вот так почувствовал, что он один. Одинок он жил давно, и это было привычно, а прямо сказать, так это было большим преимуществом, потому что он без малого всю жизнь прожил один – и при жене, и без нее – так отнимала его служба. Когда он был выброшен в запас по оргштатным мероприятиям, каковыми именуется мероприятия по увольнению со службы без причин, и каковыми сильно отличались незабвенные девятиностые годы, дочка пришла жить к нему, и жила, пока училась в академии, а потом вышла замуж и стала жить отдельно. Он снова остался один. И всё ему было хорошо. А вдруг в вечер этого хорошего майского дня после именин друга и отправки внука к родителям он как-то странно почувствовал себя одиноким, не в том плане, что брошенным, забытым, обреченным, никому не нужным, всеми оставленным и так далее – нет, совсем нет, совсем не в том плане, но все-таки одиноким.

Район, где проживал Костя, был спальный, построенный комсомольцами восьмидесятых, то есть район был просторный, размашистый, со множеством зеленых насаждений, которые еще не распустились. Майский свет, еще не успокоенный зеленью, еще волнистый, голубовато-рыжеватый и даже будто наспех кем-то лепленный и недолепленным оставленный в одиночестве, оставленный ожидать, когда он будет взорван неслышной канонадой лопающихся почек. Какой он был, этот свет, на самом деле, Костя не мог определить. Он только почувствовал, что он какой-то не всегдашний, не обычный, а именно какой, Костя определить не мог, хотя определить очень хотел. И он решил, пусть-де свет будет рыжеватого-голубой или голубовато-рыжеватый. И такой вечер с таким светом как бы бережно приобнял Костю, заставил грустно неизвестно чем восторгнуться, заставил отметить, что все это ему внове – внове, как в детстве. Костя восторгом переполнился, даже немного и радостно встревожился своего восторга и в умаление его стал искать занятие, какое бы вос-

торг умалило. И сразу никакого занятия не нашел, а поглядел с балкона на эту самую световую недолепленность, оставленную голубовато-рыжеватой, и пошел взять с полки томик своего, можно сказать, собрата, сослуживца, одинокого военного пенсионера и калеки из португальского шестнадцатого века поэта Камозэнса, взял не то, чтобы почитать, а взял неопределенно, чисто по гражданской байке об армейской логике – копать от ворот и до обеда. Стихи его Костю особо не трогали, не то что, например, Рубцов. Но Камозэнс был старым бирюком-вожкой, и это обстоятельство очень Костю с ним сближало. И он любил порой просто взять его томик, как взял сейчас, – взял, чтобы поддержать его в руках, пошевелить его страницы, а потом поставить обратно, то есть отвлечь себя от ненужно нахлынувшего восторга. Он вспомнил, как бывало на восьмое марта готовил в бригаде стенгазету и кое-какие стихи, например, «Сиянье ваших глаз, моя сеньора» и так далее в газету выписывал, чем ловил бурный успех не только у женщин, а и у своего брата мужиков, свято не верящих Косте, что это стихи Камозэнса, а не собственного Кости сочинения.

А потом он вдруг пошел на кухню и вынул из холодильника болтающуюся там с осени бутылку зверобоя. Взял вот так, ни о чем не думая, без угрызений и всякого прочего душевного груза, обычно неминуемого в семейной жизни. Он взял и ничуть не подумал о преимуществах того своего одинокого бытования, в каком пребывал, и, скажем, коль уж вспомнилось, в каком пребывал его сослуживец Камозэнс, бытования старого бирюка-вожки в этом плане, конечно, выигрывавшем от бытования семейного. Взял Костя из холодильника бутылку зверобоя. А о преимуществе своего бытования ему нахлынуло потом и нахлынуло коротко, как бы укором жены, которая, кстати, никогда его за это не укоряла. Но ему нахлынуло – все-таки Костя был по характеру семейным человеком, и только служба сделала его, как он любил думать, бирюком, то есть привычным к одиночеству.

И так как он после именин у друга, после хорошего застолья в хорошей семье все-таки был пьян, то с этой бутылкой зверобоя он провел всю ночь до самого рассвета, а на рассвете хорошо и крепко заснул с чувством всего пережитого за ночь и надеждой, что все будет так, как он в переживании себе насочинял. А насочинял он, конечно, так, как обычно сочиняют все. То есть он насочинял, что все будет у него хорошо.

2

А то, что все будет хорошо, для Кости укладывалось в следующее.

Полтора года раньше, в декабре, дочка сказала, что они с мужем решили усыновить ребенка из детского дома. Дочка характером была в Костю. Ему с ней было легко. И ее слова Костю не удивили. Он будто их даже предчувствовал, будто знал еще с ее рождения, что она однажды, выросши, скажет так. Он не удивился. Он и сам в декабре восемьдесят восьмого, когда сотрясло Армению, сказал жене о таком же желании, и жена согласилась. Но он вечно был на службе, и с женой уже не все у него ладилось. Он сначала сказал, она сначала согласилась. А потом он пару раз спросил, ну, как-де насчет ребенка. Она снова ответила согласием, давай-де, если хочешь, возьмем. Он понял, что ей не надо, и не стал настаивать,

тем более, что начались всякие нехорошие события по всей стране, будто землетрясение заодно сотрясло и народ. Лидер страны товарищ Гэ ЭМ ЭС вменял в события армию, а потом ее, как генерал Власов, сдал, то есть свалил все на нее и на министра обороны, хотя как раз армия не дала тем нехорошим событиям вылиться вообще в межнациональную резню и разгул преступности. Армия тогда, в тех нехороших событиях, сделала все, что смогла. Но ее все равно обвинили во всех грехах и преступлениях вплоть до того, что она не скинула власть, как это, например, полутора десятками лет до того сделали португальские армейские офицеры, далекие потомки друга Кости поэта и вояки Камоэнса.

Одним словом, это новое землетрясение развалило страну, развалило очень многие, казавшиеся незыблемыми, семьи – в том числе и семью Кости. И всем стало не до чужой беды, не до чужого горя, не до желания спасти от сиротства хотя бы одного ребенка.

А дочка ему сказала, и он сразу согласился, будто ждал ее слов. Еще она сказала, что нужна будет его, Кости, помощь, потому что ее с работы, с довольно солидной должности, согласны были отпускать только на половину дня, и потому другую половину дня хорошо было бы с ребенком быть Косте. Костя и тут согласился, хотя из-за этого ему пришлось оставить свою работу. Он только сказал себе, что состоялась его мечта молодости, и стал ждать ребенка из детдома, то есть второго внука, как ждал в свое время внука первого и как ждал в молодости саму дочку. Он, конечно, ждал, что дочка возьмет девочку, то есть ему – внучку, и представлял ее нежные ладошечки на своих щеках и ее нежный лепет, и ее уже в младенческом возрасте всякие женские штучки, какие с великим изумлением он отмечал у дочки. Ему так и рисовалась эта девочка, нежненький и сбитенький карапузик, тянущий к нему ручки, пускающий через два нижних зубика светленькие слюнки, улыбающийся и сияющими на него глазами уже по-женски что-то ему являющими. Дочка мечту о девочке сразу погасила. Она рассудила о мальчике – пусть растут два мальчика. И он опять согласился, и подумал о дочке – умная.

И в декабре у него появился второй внук, Митька.

Костя совершенно не смог бы объяснить, если бы его стали спрашивать, почему он вынул из холодильника давнюю бутылку зверобоя. Стояла она там, купленная еще осенью, и предназначалась для дачи, для того, чтобы там с холода и устатку осенних работ дерябнуть ее вечером перед камином. Предназначенное, однако, не свершилось. И бутылка тихо-скромно постаивала себе в холодильнике, может быть, даже прижилась там – во всяком случае, видеть ее там стало привычно, будто стала она неотъемлемой деталью холодильника. И за время зимы и весны не раз на душе у Кости был праздник, подобный нынешнему, когда руки сами снимали с полки то Камоэнса, то Рубцова, а то и самого Льва Николаевича с его «Казачками» и «Анной Карениной». И не раз он мог бы бутылку из холодильника вынуть и рюмочка по рюмочке опустошить то вместе с Ерошкой, а то в негодовании на Анну, которой, видите ли, мужнины уши пришились не ах. Однако за зиму и за весну такого желания не случилось – это даже при том, что Костя трезвенником и ханжой не слыл и порой выпить почитал за святое. А сегодня случилось. Сегодня майский вечерний свет, какой-то голубовато-рыжеватый, еще

не успокоенный летней зеленью и от того позволяющий себе многое из того, что не будет позволять летом, – этот свет сегодня Костю приобнял и будто неуспокоенно нашептал ему чего-то такого, чего не было раньше. И Костя не на даче и не перед камином, не после осеннего холода и не с устатку враз дерябнул пару рюмок. А те тотчас же поспособствовали более чуткому восприятию вечернего майского света, обнимающего, обволакивающего и даже нечто нашептывающего. Способствование отразилось в хорошую сторону. Как-то по-иному стал восприниматься португальский сослуживец и друг Камознс, почти так же, как Рубцов. Как-то по-иному представился вечер у друга в семье, еще тоньше и теплее, и представился он с каким-то новым пониманием их увлечения зверушками и растениями – так, будто это увлечение явилось единственно насущным во всей жизни занятием, почти крестьянским и почти армейским – по Косте, самыми уважаемыми занятиями на земле. И Костя выпил за семью друга, за их занятие, за счастье их дочери, особо сказав, чтобы она быстрее в отношении своего детского чувства взрослела, то есть от детского чувства к нему, Косте, быстрее избавлялась. Он выпил, опять отметил их увлечение равным крестьянскому и армейскому, даже придал некую законность их увлечению, дескать, в такой-то семье оно совершенно логично, как логичны для государства труд крестьянина и труд военнослужащего, по-старинному, труд оратая и труд ратника, даже в названии имеющих один и тот же корень. И в эту логику Костя запоздало включил своих внуков – их-то, двух своих внуков, двух своих ненаглядных дураков как он мог не взять во внимание! И конечно, вменил он это себе во грех, в грешинку, как он любил говорить. И, конечно, вспомнил иные свои грешинки по отношению к внукам и дочке, случаи, когда не совсем охотно отзывался, а если отзывался, то не совсем искренне, а порой так и совсем скрепясь, отзывался на просьбы дочки побыть с ними и, слава Богу, что ни разу при всем этом не отказал ей.

– Много грешинек, много! Но... – сказал он о себе.

И это «но» отнюдь не касалось того, как то можно было бы предположить, мол, а кто не без греха. Это «но» касалось только его самого, его прежней жизни, полностью прошедшей в военной службе. И это «но» должно было сказать, что при всех своих грешинках он служил честно и безотказно, звания, должности и награды получал по заслугам, а вернее, так по заслугам их не дополучил – и, например, даже уволен был за два месяца до тридцатого календаря, то есть за два месяца до полных тридцати лет службы. Надо полагать, государство от того-то и не разорилось, что сэкономило на этих двух месяцах немалые средства, дав тем самым вспрыть и оклематься олигархам.

И с этим «но» накатило на него воспоминаниями.

3

Воспоминаниями накатило на него разными – о службе, о внуках, и все они накатились вперемешку, и все они накатились светлыми, как объяввший его майский вечер. И сколько ни был любим первый его внук Ваня, вместе со службой перед глаза вышел вперед внук второй, Митька.

Дочка с мужем, тоже Костей, ставшим Костей Вторым, его привезли из соседней области. Уехали за ним рано утром и вернулись поздно вечером. Костя с первым внуком ждал их. Внук услышал их по мотору машины и подскочил к окну. Потом они оба спустились во двор. Костя Второй защелкивал замок на стоянке, а дочка вынимала из детского креслица на заднем сиденье большой продолговатый сверток. Внук подскочил к ней.

– Тише! Он спит! – сказала дочка внуку и так же сказала следом подошедшему Косте.

Но лишь Костя подошел, лишь различил, что в руках у дочки не сверток, а ребенок в толстом комбинезончике, лишь Костя увидел его личико, как он открыл глаза и с неожиданным взрослым вниманием посмотрел на Костю, потом на дочку Кости и снова на Костю. Костя поспешил улыбнуться.

– Митя! – сказала дочка.

А он, Митя, молча и серьезно потянул к Косте ручки.

– Вот так же сразу он потянулся и к Косте. Весь персонал даже удивился! – сказала дочка о муже, Косте Втором.

– Мужик! Мужичок! – сказал, подходя, Костя Второй.

– Да? Митя – мужичок? – спросил Костя и взял Митю-мужичка, Митьку, внука Митьку. И тот пошел к нему. И Костя удивился его неожиданно маленькому против комбинезончика тельцу, его легкости, будто в комбинезончике было больше пустоты, чем тельца.

– Митька, Митрофан! Дурак мой! – сейчас, держа рюмку и взглядывая в окно, сказал Костя и сам за Митьку ответил, как тот обычно отвечал: – Я не дувак! – и сам подтвердил: – Да, ты не дувак, ты чудонько наше!

И не уследил, каким образом, какой логикой нахлынуло ему слово «Васатичигнай», одно слово, просто слово, разумеется, связанное с его Афганом, и несущее только название одного крупного ущелья, в котором была однажды проведена крупная и потому, прямо сказать, не удачная операция.

– Митя, чудонько! Васатичигнай мой! – сказал Костя и только потом себя услышал, услышал это слово и удивился: – А это-то зачем? – и ответил: – А низачем! – и выпил.

А тогда Митьку, конечно, понесли домой и стали втроем раздевать – больше-то, конечно, раздевали дочка с мужем, а Костя стоял рядом и был доволен уже тем, что ему передали и он подержал комбинезончик. Дочка с мужем, раздевая Митьку, поворачивали его и так, и этак. Разговаривали с ним, а он молчал и, когда удавалось, неотрывно и с серьезным вниманием смотрел на Костю.

– Кто там? – заметила его взгляд дочка. – Кто там? Там деда? – и подтвердила. – Там деда, твой деда! Деда хороший!

А он, Митька, молчал, послушно поворачивался, и маленькое светленькое его личико было таким, будто он что-то думал, будто вспоминал или готовил что-то себе сказать. Без комбинезончика и толстых кофт и штанишек вышел он совсем худеньким кукленочком, встал на тонкие ножки, посмотрел на всех и протянул руки к дочке Кости, но с ее рук опять стал взглядывать на Костю, и опять дочка стала говорить про Костю словом «деда» и потом спросила Костю:

– Папа, а что он на тебя так смотрит?

Костя и сам не знал, почему Митька на него так смотрит.

– В диковинку, наверно. Там, наверно, мужчин не было! – скрывая потаенные гордость и удовольствие от того, что Митька на него так смотрит, ответил Костя.

И сейчас тоже сказал:

– В диковинку!

Сказал и посмотрел в пустую рюмку и удивился пустоте в ней.

И утром Митька молчал. Дочка сказала, что он и в дороге молчал, большую часть дороги он спал, а когда просыпался, тоже молчал, видимо, что-то понял еще там, в детдоме, потому что стал собираться и потащил из шкафчика свою одежку, но потащил тоже молча, как молча и распрощался с сотрудниками детдома, посмотрел в их сторону и отвернулся. А они провожали его, и им, кажется, хотелось, чтобы он простился с ними как-то по-другому. А потом Костя с Митькой остались одни. На уход дочки он заплакал, и дочка растерялась, стала в дверях топтаться, что-то Митьке говорить, собственно, стала сюсюкать с ним якобы в успокоение. Костя прикрикнул на дочку, мол, быстрее уходи, он без тебя быстрее успокоится. Так и получилось. Дочка ушла. Митька в тревоге показал на закрытую дверь, как бы спрашивая, как это так. Костя сказал ему, вот-де, так, мама ушла, а Митя и деда, то есть сам Костя, остались вдвоем, и пальцем показал, кто Митя, а кто деда. А потом Костя пытался с Митькой играть, подсовывал ему игрушки, рыкал, кряхтел, гудел, изображая шум автомобильчика, трактора и самолета. Митька вроде бы улыбался, а глаза выдавали прежнее, вчерашнее, глаза выдавали какую-то совсем не детскую работу. Оживился он и вспрял, слыша во дворе машину.

– Ма! – сказал он, вытянул ручонку с тонкими, едва не просвечивающими пальчиками на звук, легко соскользнул с колен Кости, ухватил Костю за мизинец и потянул к окну. – Ма!

– Ма! Машина! – сказал Костя.

Они долго смотрели во двор, на въезжающие и выезжающие машины, и оба говорили «Ма!», и Костя еще прибавлял «Машина!» И Митька как-то пооттаял, как-то будто даже расслабился, посветлел личиком, и глаза выдали другую, не прежнюю напряженную, а другую работу, собственно, уже и не работу, а что-то именно детское, детям исподволь присущее, что-то впитывающее мир, счастливое, простое и чистое. Костя в порыве прижал его к себе, про себя матом обругав бросившую его мать и вместе с матом как-то эгоистично отметив совсем противоположное, такое, что хорошо-де, что отдала, что теперь он достался Косте, достался всем им, и что теперь ему во всем будет счастливо. Митька откликнулся на его ласку, прижался своей щечкой к щеке Кости, но тотчас отпрянул и внимательно поглядел на щеки Кости, модно не бритые и колючие.

– Ах ты! И это тебе в диковинку! – сказал Костя, а сердце его так и забухало, так и заходило, так и заповыстраивало вокруг Митьки каменную стену, за которой предстояло Митьке быть счастливым.

Оно, сердце Кости, и сейчас, в этот хороший майский вечер, от воспоминания того, хорошего декабрьского, дня забухало так, что дерябнул Костя зверобоя еще и еще. И стало ему

за Митьку, за предназначенную ему с отказом от него матери жизнь – если бы дочке Кости не пришлось в голову взять его к себе – за его самое черное, самое никакое будущее, нестерпимо больно. Какое там будущее, если с самого рождения ему было уготовано не знать, ни разу не пролепетать слово «мама», подумал Костя и еще подумал, что его слово «ма», может быть, как раз вопреки доставшейся ему доле и обозначило слово «мама», может быть, привезли его в детдом на машине и бросили, и он запомнил звук машины, связывающей в воспоминании его с матерью и ставшей ему матерью-машиной. А тут дочка с мужем тоже приехали на машине и повезли его на машине, и он, может быть, тем более уверился в своем понимании, что машина и есть мать. Так стало Косте после того, как он зверобоя – еще и еще.

И Косте стало хорошо от того, что он хоть в тот декабрьский день и не догадался до этого, но долго стоял с Митькой у окна, смотрел на машины и вместе с ним говорил «ма» и следом же прибавлял слово «машина».

А слову «мама» Митьку научил тоже Костя и едва ли не в первый день – ну, пусть не в первый, а на второй или на третий, но научил Митьку этому слову Костя. Дочка утром, лишь Костя пришел, показала, где и что для Митьки приготовлено, и побежала на работу. Митька с рук Кости по-вчерашнему захныкал, потянулся за ней и неожиданно сказал: «Па!» Дочка, конечно, на хныканье остановилась.

– Ах ти мой хоросенький, ах ти мой Митенька! Да мама твоя побежала на работу! Да она скоро к тебе придет! – едва не в слезах засюсюкала она.

Косте опять пришлось прикрикнуть. Дочка убежала. Остались они одни. И Митька все оглядывался на дверь, и все говорил: «Па!»

– Э, – смекнул Костя, поднес Митьку к двойному портрету – дочка и Костя Второй, счастливые – и стал показывать то на одного, то на другого, четко выговаривая: – Папа!.. Мама!.. Папа!.. Мама!..

Митька некоторое время смотрел на портрет, потом недоверчиво посмотрел на Костю, мол, что-то ты, мил человек, не то мне городишь, еще смотрел на портрет, а потом точно таким же, как и Костя, жестом показал на Костю Второго, четко выговорив «Па!», а потом показал на дочку Кости и опять четко сказал «Ма!».

– Ну, вот, обезьян! – обрадовался Костя. – Вот, правильно! Папа! Мама!

И Митька стал показывать на портрет еще и еще говорить «Па!» и «Ма!» и как-то особенно, в восхищении, что ли, смотреть на Костю: «Па!», «Ма!»

– И как же тебя не любить! – захлестнулся сердцем Костя и опять послал матюг в сторону, так сказать, биологической матери Митьки, а потом спохватился и послал вдогонку опровержение, мол, простите, сорвалось по недомыслию, а вам за ваш поступок большое спасибо.

Вот так сейчас, в хорошую ночь, пошли один за другим все его, Кости, переживания за Митьку, пошли укладываться в те полтора года, которые были там, неизвестно где, когда Митька был ничей, когда ему светила участь быть ничьим во всю его жизнь, когда ему светило счастье не уметь сказать ни «Па!», ни «Ма!».

– Ведь у тебя тогда, – стал говорить вслух Костя о том дне, – ведь у тебя умочек уже

требовал сказать слово «мама», а сердчишко не имело возможности ему подсказать. Оно само было неграмотно. Оно само ничего не знало! – так сказал Костя, а потом сказал наоборот: «Нет! – сказал, – Не то! Сердчишко требовало сказать слово «мама», а умочек не мог ему подсказать!»

Так Костя сказал, послушал себя, заключил, что во втором варианте вышло правильно. И он снова охватился сильной тревогой, тревогой более сильной, чем тогда, в декабрьский день, тревогой с морозцем по хребту и затылку, от представления того, что было бы с Митькой, не приди дочке Кости на первый взгляд блажь, а по сути, счастье, – не приди его дочке страсть взять себе чужого ребеночка.

4

И другие воспоминания других, следующих полутора лет Митьки пришли Косте. Он изрядно подхмелел. Уже ночь была зрелой. Через открытое окно пришла Косте ночная прохлада, темная и нежная, навроде шелка. Он ее положил на ладонь и во всей выпренности, будто нечто торжественное, будто край бригадного знамени, поднес к губам – пьяненький, конечно. И он почувствовал, что прохлада темна, густо темна, как... он хотел сказать, что она густо темна, как кровавый бинт. Но перескок от знамени бригады к кровавому бинту ему не понравился. Он понял, что перескок обусловлен пьяным его состоянием.

– Обусловлен пьяным моим состоянием! – сказал он и напрягся, выгоняя хмель, и пошел к окну, и втянулся в ночную темноту, тоже густую, чернильную. Конечно, ему показалось, что он в нее втянулся, а на самом деле он просто высунул в окно голову и как-то этак ловко высунул, что увидел себя в этой темноте, себя давнего, оказавшегося непроглядной ночью среди огромной стаи собак, молча расступившихся перед ним, а потом молча же замкнувших за ним кольцо. Он почувствовал под ногами тепло нагретого за день асфальта. И, будто ввинчиваясь в самого себя из какого-то небытия, а попросту из беспамятства от контузии и потери крови, понял, почему здесь собрались собаки – они пришли на теплый асфальт. Сколько их было, увидеть было нельзя. Но по их дыханию со всех сторон и на уровне середины его бедра он понял, что их несколько штук, и они крупные. Значит, сказал он себе, значит, он вышел к какому-то селению.

Тогда от потери крови и беспамятства он тоже был пьян. Тогда он тоже стал напрягаться, чтобы выгнать беспамятство, вспомнить, отчего он пьян. И ему тогда показалось, что он втягивается в самого себя, в, сущности, в свою память. И ему мелькнуло тогда что-то насчет резкой оглушающей вспышки, после которой он ощутил себя среди крупных собак на теплом асфальте. И что-то похожее на страх пришло к нему.

И сейчас вдруг тоже возник страх. Он увидел не себя в кольце невидимых больших чужих собак, а Митьку. Он дернулся от окна, тотчас вспомнив, что тогда, опомнившись на теплом асфальте и среди собачьего дыхания, он не дернулся. К нему тогда пришла память. И первое, что он сказал себе, там, внутри себя, не вслух, первое было – что он вышел к какому-то селению. И он мелко-мелко, осторожно-осторожно пошел обратно, в ту

сторону, с которой ступил на асфальт. И ему было непонятно, почему они не залаяли и не кинулись на него. Он подумал, что без памяти он не был человеком, что они не почуяли в нем человека, приняли за какого-нибудь барана из отары.

– А Митьку бы почуяли! – в страхе сказал он. И только стоило ему услышать себя, как в наплывающем просветлении он сказал. – Так ведь Митьку-то, Митьку, маленькое чистое создание, они бы не тронули вообще!

И ах как ему захотелось к Митьке. И ах как он выпил. И ах как пошли светлые воспоминания последующих Митьки полутора лет – полутора лет всеобщего любимца Митьки. Воспоминаний было много. Шли они не чередом, а как попало. Каждое приносило Косте теплую и отнимающую силы радость. «Деда!» – в восторге срывался Митька от родителей, стоило только ему завидеть Костю, и в восторге, будто в показ Косте, что он все помнит, быстрой чередой повторял все то, чему они с Костей успели научиться – надо полагать, благодарил. «Деда!» – вскрикивал он в восторге и мчался на своих коротких и быстрых, как спицы в колесе, ножках, и тянул к нему ручки. А дочка и Костя Второй, сами от Митьки без ума, каждый раз поражались тому, каким становился Митька при Косте. Все это хорошим светом приплыло Косте. И приплыло отметкой, которая родилась еще тогда, еще полтора года назад, что Митька переменялся к Косте после крещения, в котором Костя стал Митьке крестным отцом.

Может быть, только Костя был таким толстокожим, таким упрямым, таким невосприимчивым и черствым человеком, что отношение к вере у него было какое-то свое, ничуть не атеистическое, когда, как говорится, хоть на костер, а ты свое: «Все-таки она вертится!» – имеется в виду Земля и кто-то там, эту особенность Земли подсмотревший. Не был Костя таким безбожником. Но не был он и верующим. В церковь он ходил. В церкви он крестился. В церкви свечку он ставил. Но никак не мог уверовать. Ему ребята внушали – есть. Есть все то, что называется Богом, потому что есть параллельный мир. И не совсем вроде бы был Костя дурак, и мог принять параллельный мир. Но душа его чуяла одно – он, Костя, умрет, и его не станет, просто не станет, как его не было до рождения, как не было его, например, некоторое время в беспомысленности от контузии и потери крови. Всем другим он, конечно, желал, чтобы было то, куда душа переселяется, и им там было бы хорошо. Но о себе он знал, умрет – и его не будет.

5

Вспомнил Костя крещение Митьки и – ну, пьяный же! – вдруг пронзился чувством, что при таком свете воспоминания и таком свете ночи, то есть при свете такой ночи, ему следовало переодеться в мундир. Он подумал, что это вычурно и смешно – расхаживать в мундире при наградах ночью в квартире. Но он сказал: «Ну и что!» – так ему захотелось ощутить на себе мундир. Он сказал: «Ну и что!» – и пошел в кладовочку, служившую ему гардеробом. «Служившую!» – сказал он со значением и от двери кладовочки отвернул на кухню выпить за это слово «служившую», прежде чем услышать звон серебра на снимаемом с плечиков мундире.

– Эхе! Как это! – в удивлении сказал он пустой бутылке. – Как это? – еще раз сказал он и сказал как бы куражливо, как бы с некоторым обвинением ей, бессовестно опустевшей

перед самым необходимым моментом и в горечи от такого ее поступка, по сути, равного предательству, отвернулся.

Отвернувшись, вздохнул, пошел снова к кладовочке и мундир снял, и звону серебра на мундире вял, и из кладовочки вышел, мундир надел, пуговицы застегивать не стал, сел на диван, всюю своей левой стороной груди чувствуя броню наград и почему-то вспоминая пресловутую ОШМ, пресловутые оргштатные мероприятия, не давшие ему двух месяцев до тридцати полных календарей. Не глядя, потрогал левую сторону мундира, перебрал ее, будто жизнь пропустил сквозь пальцы – пьяненький, конечно.

А Митьку крестить повезли к давнему сослуживцу Кости отцу Феогносту в заштатный городишко, в бывшее, как любили отмечать историки и краеведы, демидовское гнездо, славившееся великолепным храмом начала девятнадцатого века и кое-какими другими достопримечательностями. Сослуживец Кости отец Феогност в этом храме служил настоятелем. Тут же при нем заведовала хозяйством, администрацией, воскресной детской школой, советом прихожан и еще много чем его жена, матушка Татьяна.

Поехали рейсовым автобусом. Митька сразу же посерьезнел, будто умочком своим и сердчишком взялся что-то постичь. И Костя затревожился – уж не приходит ли Митьке, что его везут опять туда, где нет места слову «мама», а слово «ма» обозначает только машину, но никак не «ма-машину», ту самую, которая привезла его к слову «мама» и сама как бы стала мамой. Вот смотрит, – думал Костя, – и умочком своим переводит что-то навроде того, эх, недолго мне досталось смотреть через окно на чудо из чудес на «ма-машину», опять повезли меня туда, где «ма» – это только «ма», машина и ничего более. И Костя молча говорил Митьке так не думать, говорил, де, если ты что-то умеешь думать, то так не думай, а думай про все хорошее, думай, де, вот окрестит меня в хорошем храме хороший батюшка, и повезут меня снова домой.

Думал что-то Митька или ничего не думал, а за все время крещения ничуть не пикнул, не изменился в лице, будто и в самом деле думал про все хорошее.

А храм, великолепнейшее двухсотлетней давности творение потомков демидовских, отреставрированное и отделанное после работы в нем снарядного цеха местного завода, встретил их сорокаголосьным детским ревом – сослуживец Кости отец Феогност около алтаря скопом крестил окрестных ребятишек. Митьку и это не тронуло. Он с рук Кости смотрел на все внимательно и иногда, чуть отстраняясь, взглядывал на Костю. А что хотел он сказать взглядом, Костя прочесть не мог и на всякий случай снова говорил думать Митьке про все хорошее.

Сослуживец Кости отец Феогност, покончив с сорока окрестными ребятишками, большой, могучий, увеличенный в физическом своем облике еще и церковным одеянием, едва не утопил Костю вместе с Митькой в радостном своем объятии.

– Ну, видел, командир, каков хлеб поповский? – радостно сказал он, чуть кивнув в сторону все еще ревуших сорока окрестных ребятишек.

– И наш был не слаще! – сказал Костя про службу.

И крестили Митьку отдельно, в отведенном для того приделе. Сослуживец отец Фе-

огност спросил Костю, хотя знал еще со времени совместной службы его отношение к вере, спросил, верует ли он. Костя ответил виноватой улыбкой.

– Все понятно! – сказал сослуживец отец Феогност как бы в осуждение, хотя осуждать и не думал, и Костя это знал. – Все понятно, командир! – повторил он и прибавил, что он о Косте знает больше, чем сам Костя. – Ладно. Я больше тебя о тебе знаю! – сказал он.

И Костя был у Митьки крестным, и совершил все требуемое обрядом, трижды громко, как на плацу, кричал отречение от лукавого, раздевал серьезного и будто все понимающего Митьку, отдавал его сослуживцу отцу Феогносту, получал его обратно из купели, терпеливого, молчащего и серьезного, потом одевал в беленькую распашоночку с шитой по краям золотой узкой тесьмой, специальной к крещению, ходил с ним по кругу за читающим молитвы отцом Феогностом, держа Митьку на левой руке, крестясь в указываемом отцом Феогностом месте правой и ощущая, как раненая левая рука Митьку, этого, можно сказать, одуванчика, с каждым шагом все более отказывается держать.

После крещения пообедали с вином в трапезной, поговорили о том, о сем, менее всего, приличия ради, о службе боевой, как то можно было ожидать, а более о нынешнем, насущном. Выходило, что все у всех складывается хорошо. Матушка Татьяна, любившая Костю, как она говорила, сберегшего ей ее мужа, хотя Костя специально никого не берег да и сберечь не мог – разве что отказался бы выполнять задачи и распустил всех по домам – сказала, что встречаться надо чаще. Встречаться чаще никто не был против. И договорились встретиться всем вместе на пасхальной неделе.

– Только не в самую Пасху. У меня и секунды свободной не будет! – уточнил встречу сослуживец отец Феогност.

На обратном пути, тоже в автобусе, Митька снова был на руках у дочки Кости, спал, а когда просыпался, тотчас оглядывался на Костю, сидевшего со вторым внуком Ваней сзади. Тревожный, во всяком случае, кажущийся Косте тревожным его взгляд, найдя Костю, успокаивался и даже будто что-то говорил.

– Папа, ну что он все время тебя ищет! – будто в недовольстве или в ревности не выдержала дочка.

– Я гарант его благополучия! – пошутил Костя.

– А мы разве не гаранты? – в прежнем чувстве спросила дочка.

– Вы отец и мать. А я дед. Да еще я его крестный! – снова отшутился Костя.

– Митя! Наш Митя! – с любовью прижала к себе Митьку дочка Кости.

А он, выворачивая головенку, снова и снова смотрел на Костю. И как тут было, вспомнив все это, не облечься в мундир.

И как же тут, при мундире, было не назвать пустую бутылку и бесстыже исчезнувший зверобой предателями. Выходили они подлинными предателями, изменниками Ро-

дины, и к ним без всяких оговорок подходил приказ номер двести двадцать семь времени Великой Отечественной войны со словами...

Далее Костя хотел, конечно, привести эти слова приказа, но запнулся, стал вспоминать, какие именно слова в отношении предателей Родины говорил приказ. Он взял со стеллажа книгу фронтовых воспоминаний с полной публикацией этого приказа, более столетия скрываемого, как нечто совершенно позорное, хотя никакого позора он в себе не нес, а нес только то, что должен был нести приказ времени войны – конкретные распоряжения для достижения победы. Костя несколько раз прочел приказ, как-то не очень ясно вспоминая, что читал эти слова о предателях Родины в приказе, но сейчас не находя их. В приказе не было этих слов. Там было определенно сказано, как поступать с трусами и паникерами – «Труссы и паникеры должны истребляться на месте». Но бесстыже исчезнувший зверобой и уж тем более пустая бутылка зверобоя под эту категорию не подходили. Они были предателями Родины, но никак не трусами и паникерами. А про предателей Родины приказ говорил только вот такие слова: «...все отступившие с боевой позиции без приказа свыше являются предателями Родины и поступать с ними надо как с предателями Родины...» – а как поступать с ними, с предателями Родины, именно этот приказ не говорил.

– Эх, вы! – сказал в досаде зверобой и пустой бутылке Костя. – Вывернулись! В самый необходимый момент подвели, оставили одного, бросили! А вас, оказывается, наказать нельзя!

И пока он так говорил, пока, сидя на диване в мундире с наградами, он произносил эти несколько слов, досада улетучилась, и вместо только что желаемого наказания Костя вынес им, выпитому зверобой и пустой бутылке, благодарность.

– А вы молодцы! – сказал он, все увидев по-новому, не так, что предатели Родины и прочее. – Да вы меня в самый необходимый момент поддержали! Вы сами погибли, а меня поддержали! – сказал он.

И он тронул одну из наград на мундире. Только она знала слова наградного листа, благодаря которым она и появилась. Она знала слова о том, что Костя, в ту пору майор Боборыкин, пошедший в поиск с молодежью и как наиболее опытный, остался прикрывать отход обнаруженной группы и повел боевиков в сторону, был контужен и ранен, но уничтожил шестерых. Сам он помнил только первых двух. А она по наградному листу знала о шестерых. Может, она была более права. Может быть. И потому-то, видимо, он оторвался от преследования – шесть двухсотых или там трехсотых хоть кого остановят, заставят призадуматься, за кем погнались. А сам он после первых двух им заваленных и после взрыва гранаты уже ничего не помнил – не помнил, как отстреливался, куда уводил или уже не уводил, а просто шел и шел, тащился, где падал и вставал, где спал или не спал. И совсем он не мог вспомнить, как на четвертые сутки едва не Божьим промыслом вышел на этот теплый асфальт со стаей собак. Он очнулся от их дыхания и понял, что рядом селение, что селение – это гибель или того хуже плен, и ему в его положении самым лучшим

оставалось пойти в ту сторону, откуда он пришел. Он так и сделал. И собаки молча пошли за ним. И никакого чуда в том не было, что они не залаяли. Куда там наброситься на него – они даже не залаяли. Они только молча обнюхали его и пошли за ним. И не было того, о чем он тогда, очнувшись, подумал, что они его, беспамятного и обморочного, приняли за нечто неодушевленное, например, за барана из отары. Все на поверку вышло просто и без чудес. Еще с Афгана Костя знал, что не было лучше в гарнизоне сторожей от духов и вообще местного населения, чем собаки, со щенячьего возраста выросшие в гарнизоне. И эти собаки, на которых он вышел, был отрядные, выросшие при их отряде. И до гарнизона, до родного отряда было всего с полкилометра. Откуда же ему в его беспамятстве было об этом знать. И он медленно пошел назад. И он упал в десятке метров от асфальта – обо что-то запнулся и уже не поднялся. А чудом было то, как он в беспамятстве вышел к отряду.

– Вот так вы молодцы! – сказал Костя выпитому, то есть уже не существующему, уже как бы погибшему зверобоею и пустой бутылке.

А приплыло это воспоминание о том бое и о собаках на теплом асфальте потому, что прежде приплыло прошлогоднее хмурое, сырое и холодное осеннее утро на даче Кости в дремучих лесах среди каменных глыб уральских сопок. Дочка и муж, то есть Костя Второй, ушли за грибами. Внук Ваня удрал к соседским ребятишкам, а Митька остался с Костей. Он тоже стриганул на своих коротких и быстрых ножонках за Ваней. Он уже хлебнул счастья бегать за ними, за старшими ребятишками, и лучиками просыпающегося умишки ловить совсем непонятные, но уже подспудно, врожденно близкие ему и трогающие его сердчишко их затеи. Он длинной очередью из пулемета РПК прострочил за Ваней, но безжалостно был пойман Костей в дверях.

– Я с Ваней хосю! – заплакал Митька.

Косте надо было поработать во дворе. Но он сказал:

– Пойдем искать папу и маму!

Они вышли за ворота дачи и вошли в дремучий сырой лес. И этот поход с Митькой по дремучему сырому лесу, этот круг в полтора километра был для Митьки, в глазах Кости, равен его, Кости, тогдашнему пути в отряд. Костя свято верил в то, чему его учили и что он учил до изнеможения, до автоматике, до навыков, переходящих в инстинкт. Именно эта автоматика навыков, перешедших в инстинкт, по мнению Кости, и привели его к отряду. И Митька не то чтобы верил Косте, что Костя найдет маму. Митька иного и не знал. Уже какая-то пуповина связывала их. Уже было у них что-то нераздельное. Что там Митька думал под низкими сырыми лапами елей, пихт и можжевельника – что он мог думать? Он держался за руку Кости и думал, если думал, что так и надо. Надо идти за Костей, за «дедиськой» – и ничего иного не надо. У него тоже был навык – навык знать, что Костя, «дедиська», ведет его к маме, почему-то оказавшейся в этом дремучем сыром лесу или оказавшейся где-то в другом месте, но к ней надо идти по этому дремучему сырому лесу. И он, Митька, придет к маме, если таким образом, через дремучий и сырой лес прийти к маме сказал Костя, «дедиська». И он шел притихший, серьезный, исполняющий большую

работу – идти к маме сквозь сырой дремучий лес. И они вышли обратно к воротам дачи. Вышли, и Костя, заслышав за спиной, на тропке, по которой они только что шли, дальний и неясный шум чьих-то шагов, остановился. Он догадался, что это могли быть его дочка и Костя Второй. Через минуту он услышал их голоса.

– И где же наша мама? – спросил Костя.

Митька вздохнул и грустно, совсем как много поживший мужичок, развел ручонками:

– Тю-тю!

– А вон там кто? – показал Костя на тропку, по которой они только что пришли.

Митька посмотрел туда, в сырой и дремучий лапник ельника, в можжевельник, загораживающий тропку, и поверил Косте.

– Ма-а-ма! – в необычайном, но тихом восторге возгорел Митька.

И сегодня, в этот хороший майский день, ну, не в день, а в хорошую майскую ночь, Костя все вспоминал и – пьяный, конечно, – вспоминал все хорошо, вспоминал так, будто Митька был у него, был у его дочки и ее мужа Кости Второго, спал в своей кроватке рядом с ними, с мамой и папой, спал, раскинув ручонки и ножонки, а те трепетно ловили каждое его сновиденье.

Костя с тем и улегся на диван калачиком, и укрылся мундиром, сквозь его плотную ткань чувствуя теплую, будто от чьих-то любящих ладоней, ну, вот, например, Митькиных ладоней, легкую тяжесть наград. Хорошо ему было с Митькой.

А Митьки у них не было. Год назад в такой же хороший майский день его по суду вернули матери. Нагулялась она, не нагулялась, но вдруг объявилась и стала просить за Митьку миллион, а потом подала в суд, и там признали возможным вернуть Митьку ей.

И никто ни во что не стал вникать – ни верховный суд, ни всякая там служба по правам человека и ребенка, ни служба опеки, которая что-то не так оформила. Только пресса пошумела себе в удовольствие и тем удовлетворилась. Как уж там пережили дочка Кости с мужем, Костей Вторым, но как-то пережили. И Костя тоже вроде бы пережил. Только часто вдруг стал охватываться сильной тревогой и во сне видеть стаю собак, и собаки были чужие, не отрядные, и среди них был Митька.

Сегодня же, пьяный, он уснул хорошо и крепко, будто было у них все, как было прежде.

Меж ними все рождало споры

Алексей ПАНИН

КРАЙ ПОЭТОВ И СОЛДАТ

Хрипко, П.Д. Капитанский сын: повесть / П.Д. Хрипко. – Челябинск: Цицера, 2018. – 180 с.

Жизнь знаменитых земляков один из достойнейших поводов обратиться к истории родного края. Биография Крылова-баснописца начавшаяся в Южноуральском пограничье стала отправной точкой для появления повести «Капитанский сын» троицкого писателя Павла Дмитриевича Хрипко.

Перекличка названия повести со знаменитым произведением А.С. Пушкина оправдана уже предисловием – Павел Хрипко пишет, что именно с лёгкой руки Александра Сергеевича, использовавшего при написании «Истории Пугачёва» самые разные источники, стало известно о детстве Ивана Андреевича Крылова (1769 – 1844), сына капитана Оренбургского драгунского полка.

На Южном Урале, где пограничная служба в крепостях и фортециях Оренбургской линии собрала множество военных всех родов и званий, тянул армейскую лямку Андрей Прохорович Крылов, потомственный солдат и отец русского баснописца, находившийся в Троицкой крепости примерно с 1765 по 1769 год.

«Исследовав жизненный путь капитана, его службу в Оренбургском драгунском полку, можем восстановить недостающие звенья в биографии Ивана Андреевича Крылова».

Отдав должное архивным документам и внимательно подойдя к изучению всех доступных источников, Павел Хрипко пишет не научно-популярное произведение, но художественную повесть. Подобный способ изложения исторических фактов всегда связан с риском потери научной достоверности. Однако он имеет и очевидные преимущества.

В художественной повести есть место и военным приключениям, и любовной истории, а поэтический язык повествования почти буквально рисует яркие образы. И вот – как будто впервые видишь «золотокорые сосняки», появляются перед глазами «серо-махрястые добытчицы-цапли» и увлекает взгляд «магическая игра красок».

Историческая реальность это не только сухой перечень дат и событий, это всегда и

то, что наполняя собой повседневную жизнь, делая её яркой и напряжённой, при этом нередко остаётся вне сферы внимания профессионального историка.

Можно кратко сказать, что драгуны Оренбургского полка несли службу в Троицке, одной из крепостей, построенных в середине восемнадцатого столетия на границе с кочевой Азией, труднее показать, что стоит за этими скупыми словами.

«С высоты открылись такие дали, что невольно перехватывало дух. Справа, в верстах в двух, синел, радуя глаз, широкой полосой, Уй, за ним, в сизой дымке желтела бескрайняя степь, уходящая за окоём чужой земли. Слева слегка бугрилась долина, укрытая светло-зелёным бархатом берёзовых колков, переходящих в сплошные берёзовые боры, а прямо, верстах в трёх, на крутом яру, дыбилась правильным четырёхугольником Крутоярская крепость, ровесница и Каракульской, и Усть-Уйской, и головной, Троицкой крепости. Они надёжной цепочкой, перемежаясь редутами, пикетами, маяками протянулись до самой Звериноголовской крепости и далее, до горькой линии, пределов Сибирского казачьего войска, оберегая границу матушки России».

Короткий абзац повести как в фокус собирает историю, географию, неброскую красоту Южно-уральской земли. С высоты авторского взгляда внимательный читатель может разглядеть и листья редких берёзовых роц-колков, и выгоревшую до желтизны бескрайнюю степь, и выведенные по точным чертежам ровные земляные стены русских крепостей, всё, что в восемнадцатом веке останавливало взгляд, казалось русскому человеку непривычным, странным. Мир пограничья, зыбкая грань между своим и чужим.

Благодаря образному языку автора, картины природы занимают важное место в повествовании, создают красочное полотно, из ровного фона на котором протекает жизнь, становятся частью самой жизни, всегда яркой и неожиданной, единственной и неповторимой.

Живость повествования, внимание к родному краю и знание местных говоров позволяют Павлу Хрипко сделать своих персонажей живыми, между намеренной архаизацией языка и неизбежной модернизацией речи найдена золотая середина – жители посада, казаки и солдаты изъясняются вполне понятным русскому человеку языком, при этом не лишённом красок и фольклорных особин. Привнесённых современностью анахронизмов немного («накрахмаленные», «трамплины») а обилие народных присказок-поговорок не затрудняет чтения даже городскому человеку (русская пословица в устах немца-коменданта может вызывать только улыбку).

Некоторая «современность», пожалуй, проглядывает в размышлениях героев о внешней политике и положении простого люда – от гарнизонных офицеров затерянных в российской глухомани даже сейчас трудно ожидать разносторонности и способности сопереживать трудностям «штатских». Однако в целом все разговоры и размышления в повести позволяют лучше представить эпоху, в которой выпало расти будущему баснописцу и поэту Крылову.

В конце концов никто не может с уверенностью сказать, какие именно впечатления и обстоятельства детства формируют личность человека. В написанной широкими мазка-

ми картине Южно-уральского пограничья, где нашлось место народным прибауткам и казённому артикулу, солдатскому быту и нравам кочевников, проведённым по линеёчке улочкам городов-крепостей и непредсказуемости степных дорог, казакам «особой вольности» и купцам из далёкого Мургаба, – главное достоинство повести Павла Хрипко. И, думается, именно эта красочность полнее всего соответствует авторскому замыслу – восстановить «недостающие звенья» в жизни «поэта Крылова».

Бог весть лежала ли в солдатской укладке капитана Андрея Крылова книжица басен Эзопа – для будущего поэта важны не образцы для творчества, но впечатления, переполняющие душу. «Капитанский сын» рос там, где любой мог быть солдатом в силу обстоятельств и поэтом из-за невозможности говорить обыденной прозой.

Повесть Павла Хрипко развивается по особой логике, здесь сюжетное развитие порой замедляется, трудно выделить ключевой момент истории и можно обратить внимание на то, что в конце повествования мы снова отвлекаемся от жизни драгунского капитана и его сына, так что читателю может не хватить обещанных подробностей биографии Ивана Андреевича Крылова. В недостаточной слаженности повествовательного сюжета следует видеть основной недостаток повести «Капитанский сын».

Однако главная задача автором определённо выполнена – мир детства, определяющий и поступки повзрослевшего человека, в повести Павла Хрипко представлен целостным, ярким и запоминающимся.

И то, что в повести «Капитанский сын» так образно и полно представлен Южный Урал – второй половины восемнадцатого столетия, но узнаваемый и сегодня – является несомненной авторской удачей Павла Хрипко.

Там, где история России благодаря школьным учебникам и хрестоматиям предстаёт ровной столбовой дорогой трудно порой представить, за что можно полюбить её однообразные окрестности. Даже при чтении талантливой повести Пушкина только отчасти понимаешь, на каких подмостках разворачивается драма русской истории, внезапно сводящая вместе капитанскую дочку, поручика Гринёва и Пугачёва, самозваного народного царя.

Повесть Павла Хрипко «Капитанский сын» интересна уже тем, что на её страницах, вдалеке от магистральных линий русской истории, мы можем найти полноценный, яркий, самобытный мир. Вместе с капитаном Андреем Крыловым читателю предстоит понять, что Россия больше, чем кажется. Оказавшись в глубине киргиз-кайсацких степей, благодаря автору мы отчётливо осознаём, что это – «только треть державы, а сколько её ещё на востоке и это всё Россия».

Россия становится поводом для творчества, если она может стать интересной и важной там, где ты живёшь. Повесть Павла Хрипко показывает, как родной край становится необходимой частью творческой биографии, как становятся поэтами и солдатами там, где могут разглядеть Родину в подробностях личной жизни.

НЕСЛУЧАЙНЫЙ ПОПУТЧИК

Александр Кердан. Метроном: Стихотворения. – Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2018. – 144 с.

Метроном отсчитывает ритм – то нехотя, то стремительно. Влево и вправо качается стрелка, заглядывая по разные стороны вертикали, символизирующей покой. Так в блокадном Ленинграде мерный стук метронома, доносящийся из тарелок радиоточек, символизировал жизнь. С тех пор стук метронома у каждого выросшего в СССР вызывает чувство тревоги. Но бывают моменты, когда ритм метронома, как перестук колёс в поезде, совпадает с биением пульса и навевает романтическую мечтательность, мысли о путешествиях и разговорах по душам со случайным попутчиком под крепкий чай с лимончиком в звонком подстаканнике.

*Мы ведь и без капельки спиртного
Можем по душам поговорить.*

Впрочем, лично для меня Александр Кердан – никакой не случайный попутчик. И даже не просто собрат по поэтическому цеху – друг и соавтор по переводам. Да, мы часто переводим стихи друг друга. Я его – на азербайджанский, а он мои – на русский. Вот и в этом, очередном сборнике есть несколько авторизированных переводов с азербайджанского, помеченных в оглавлении «из Князя Гочага».

*В Сибири я увидел русских дев
И понял: нет красавиц в мире краше.
Я в миг ослеп, отчаянно прозрев,
И вновь ослеп, не понимая даже,
Что для иной красоты незряч теперь...*

Я благодарен своему другу за его удивительную способность понять замысел автора и так легко и виртуозно создать новое кружево стихотворных строк, сохранив и дух, и колорит азербайджанской поэтики.

Александр Кердан – автор 62 поэтических и прозаических книг. По духу и мироощущению это очень близкий для меня поэт. Поэтому и неслучайно то, что в 2018 году в одном из издательств Баку увидела свет его книга с названием «Ангел надежды», куда вошли стихи из книг Александра Кердана «Оберег» и «Подробности жизни». Их на азербайджанский перевели мой литературный наставник, видный писатель-переводчик Мамед Орудж и ваш покорный слуга Князь Гочаг. Презентация азербайджаноязычной книги Кердана

состоялась в мае прошлого года в Центре художественного перевода и литературных связей Союза писателей Азербайджана. В этой церемонии лично участвовал современный классик, секретарь Союза писателей Азербайджана, народный писатель республики Чингиз Абдуллаев, который необычайно тонко проанализировал темы и мотивы замечательного российского поэта, высоко оценив его поэтический дар и мастерство. Вот и в новой своей книге «Метроном» Кердан предстаёт в разных лирических образах: то философа, то гусара-острослова, то мудрого старца, то пылко влюблённого юноши. Вот, например, совсем житейское:

*Стали не слушаться ноги –
К дому плетусь еле-еле...
Время подумать о Боге,
Я же – всё больше о теле
Глупо так беспокоюсь,
Будто не знаю, что – тленно:
Как ему – рядом с душою,
Вечной и вдохновенной?*

И тут же, как говорится, седина в бороду, бес в ребро:

*Не бежать вослед красотке,
Не бросать вдогон ей строфы...
У красоток век короткий,
Даже если ножки стройны.*

Есть в этом небольшом сборнике место и философской, и гражданской лирике, и социальной сатире.

*Спасибо армии моей,
Что пенсию дала.
Ещё за то спасибо ей,
Что пенсия мала.*

И ещё одно удивительное открытие я сделал, читая стихи Кердана, написанные в 2017–2018 годах. В творчестве уже зрелого поэта рядом с произведениями о любви всё чаще возникает тема смерти, желание заглянуть «за край». Что это – попытка подвести итоги? Нет. Скорее, это выход на новый творческий виток, очередная переоценка собственного опыта, свойственная юношам, окончившим школу и начинающим новую жизнь. Наверное, в этом неумении стареть, в неугасаемом желании новых открытий и таится секрет творческой плодовитости и поэтической многогранности Александра Кердана.

ЖДИ ТЕБЯ И БУДЕТ УЖЕ РЫДАТЬ

А вот сейчас рекламная пауза, в течение которой я прорекламирую один поэтический альманах, только что вышедший в свет в Москве, но который весь отдан 70 уральским поэтам.

Альманах симпатичный. Составители, как и авторы, тоже симпатичные и содержание симпатичное. Все симпатичное – все-таки родное, уральское. Есть в альманахе талантливые авторы, которые при всей их талантливости как бы заскорузли в ценностях прошлого, отдают дань давно прошедшему дню, впадают, прямо сказать, в ретроградство, не видят открывающихся перед ними далее новой эпохи. И таких авторов, по счастью, в альманахе не так уж много.

Куда больше в альманахе авторов-новаторов, сильных, смелых, дерзких, берущих стих прямо за жабры, тех, в чьих чутких руках стих не забалует – звеню звенеть, набатом набатить приходится стиху под их пером, то есть, прошу прощения за архаику, от их клавиатуры. Именно они задают тон в альманахе, именно они являются его украшением.

И, чтобы тут по-профессорски не тупить, сразу приведем пример такого украшения.

Ну, например, вот такое украшение (цитата): «...почти что наугад, почти что на лету, подшивая швы, охуюваю...». Это оповещает нас о своих порывах души и тела автор женского пола. И ведь, правда, украшение!

И что ж, что сначала от чтения такого возьмет оторопь, возьмет недоумение: «Как же это так: автор-то ведь женщина и вдруг – этот довольно сложный процесс по обретению того, чего женщине обрести природой не положено!»

А потом ничего, потом приходит догадка: ну, что же ты, идиот! Взгляни в окошко (компьютерное, конечно), стихи-то – в духе времени, новаторские. И никакой это не процесс по обретению чего-то там, женскому полу несвойственного, это всего лишь так называемая в ханжеских кругах общества нецензурная лексика, это небольшой такой с губ девочки сорвавшийся мат, всего лишь разочек сорвавшийся, она больше не будет, и она нас уже заверяет (цитата): «Я не буду раздаваться по округе зычным матом...» – Все сходится, не будет она раздаваться по округе зычным матом. На будет раздаваться тихим матом или еще каким-то потаенным, нам не поведанным, матом. Или она будет все-таки раздаваться зычным матом, но не по округе, а где-то всего лишь по части округи, по своей квартире, например. Или автор употребил глагол «раздаваться» в ином смысле, то есть имел в виду, что не раздаваться, как раздают обещания, привилегии, подарки и так далее. И автор прямо заявил, что она вот так раздаваться (раздавать себя) не будет – и не подходите, и не ждите. Многозначно пишет автор, новаторски, авангардно, то есть открывает новое. И,

может быть, у нее получится не раздаваться (не раздавать себя) и одновременно не раздаваться (звучать, шуметь и так далее) зычным матом, равно, как и другим по звучанию. Может быть, у нее получится, и скоро мы все будем зычно ознакомлены с результатом.

Это же так понятно! Это же авангард!

В другом месте находим другое украшение альманаха, отданного подчистую 70 уральским поэтам. Автор этого украшения выдает нам один кулинарный секрет (цитата): «Палачи готовят куличи. Почему же плачут палачи? Потому что прячут палачи человечесью печень в куличи». И тоже сначала наша ханжеская натура возопиет, да что ж, дескать, это такое! А потом – ничего, потом приходит раздумье: «Так ведь спасибо автору! Что с палачей-то взять? Они еще и не то вытворят, палачи-то! И ведь хорошо, что автор предупредил. С палачами не будем знаться и на всякий случай на Пасху обойдемся без куличей. Да и автора бы самого предупредить! Ведь палачи! Ведь возьмут палачи да перестанут плакать и за выдачу секрета топориком-то (или ножичком, он же – скальпель) быстренько найдут что у автора чик-чик и куда это «чик-чик» спрятать...

Многозначен авангард и милосерден.

Еще в альманахе можно найти кое-что столь же полезного и украшающего.

Ну, например, вот это (цитата): «Как часто и тут, и там считают за своего, читается по губам: «Такой же, как я... Говно».

Приходится только сказать, смилив свою ханжескую душу: «Ну, что поделаешь, если такой же. Не надо быть таким». А если подумать, так и этого говорить не надо. Ведь для кого-то этот шлаковый продукт жизнедеятельности организма является милым украшением. Да ведь и указывать вообще не толерантно. Кто-то, может быть, очень нуждается в таком чтении по губам, кто-то, может быть, ищет себе такого приятеля по чтению. Это поручику Лермонтову не «читалось по губам», потому и не с кем было «выйти на дорогу». А тут пойдут вместе, диалог завяжут, ведь все-таки один другого «считают за своего». А свой своему – поневоле брат, как говорят в народе. И пойдут наши губастые братья во счастья беседы – так и человечество, глядишь, обогатится еще парочкой счастливых, хотя бы и найдя счастье в шлаковом на губах продукте. Счастье – главное!

И в этом плане авангард необходим обществу.

Много, много можно найти в альманахе полезного и украшающего.

И уже поэтому альманах симпатичный, цельный, отражающий уральскую поэзию. Многих из авторов альманаха я знаю лично и могу заверить – симпатичные талантливые люди. А кого не знаю лично, про них скажу, не скупясь, что они тоже симпатичные талантливые люди. Попробуйте-ка по губам найти своего! Или попробуйте во время кройки и шитья заняться делом по перевоплощению, прошу прощения, из... фу, и сказать-то не могу, ну, прочитав альманах, сами поймете, что и куда и зачем! Или наберитесь храбро-

сти выдать секрет братков-палачей! Слабо, товарищи! Не выйдет! И потому не выйдет, что – вы, ну и мы, конечно, ханжи, что все мы – бездари, что ни черта не понимаем ни в жизни, ни в литературе! А они, симпатичные авторы альманаха, понимают и жизненные процессы, и процессы в литературе. Вот, пожалуйста, пример из альманаха, который устами одного из авторов вещает (цитата): «...литература, общая невеста, едва поставив органы на место, летит под хвост профессорского пса». Ведь как точно указано! Сразу всплывают в памяти слова одного нашего родного государственного деятеля, сказавшего на всепартийном форуме (цитируем по памяти): «Задачи поставлены, цели определены, за работу, товарищи!» – И у нашего автора тоже: и определено с литературой (общая невеста), и определено с целью (под хвост пса). Остается взяться за работу, хотя задача здесь тоже многозначна: то ли остановить лет литературы в указанную цель, то ли, наоборот, поспособствовать достижению ею цели. Правда, профессора насчет цели не предупредили (и Гринпис тоже не предупредили). Но это поправимо. Профессор ныне терпеливый и толерантный пошел. Стерпит профессор.

А вот литературу жалко. А вдруг она не успела поставить органы на место, а ее посылают. Тем более, что наше родное правительство тоже ее туда послало. И это почувствовали кое-кто из авторов альманаха и спешат нас предупредить (цитата): «...и будет уже рыдать, и будет еще бо-бо». – Вот как сказали кое-кто из авторов альманаха, вероятно, про нас сказали – ну, не про правительство же. Оно занимается государственным делом. Хотя – опять же – литература «невеста общая», то есть и наша, и государственная. И в таком случае, правительство могло бы помочь «поставить органы на место» более устойчиво, а не «едва».

Много, много пищи для ума и сердца дает большой московский альманах, взяв на себя заботу о 70 уральских поэтах.

Он и свою концепцию в предисловии устами составителей и издателей изложил довольно убедительно.

Составители и издатели сказали, что авторы альманаха, составляющие целую школу поэзии, (цитата) «дистанцируются от процессов разрушения, провозглашая курс на создание новых поэтических смыслов, сохранение и развитие русской поэзии в условиях смены социально-политической парадигмы».

И уж коли – «дистанцируются от процессов разрушения», уж коли «провозглашают курс на создание», уж коли курс берут «на сохранение и развитие», а тем более в условиях, когда с социально-политической парадигмой не все в порядке, – то куда еще убедительней! Да к чертовой матери такую парадигму!

И мы, как только прочитали, так и в полной мере осознали поставленные задачи и цели, благородней которых едва ли кто в мировой истории себе определял и ставил (ну не тот же наш родной государственный деятель, который самонадеянно призывал к работе с его какими-то там задачами и целями!).

И я думаю, ни у кого не поднимется рука предъявлять составителям и издателям претензии, потому что (еще раз напомню) меняется социально-политическая парадигма, происходят всякие процессы разрушения, и надо создавать, надо сохранять и развивать, а это, товарищи, такая работа, при которой не успеешь расставить органы на место, а уже летишь вместе с литературой под хвост, и конечно, там «будет еще бо-бо». Так что – в данном случае мы без претензий. Ну, разве что боязливо пробубним: ребятки, товарищи составители и издатели, вы хотя бы какие-то другие словеса придумали, более свежие, уж коли «создаете новые поэтические смыслы», а не заштампованные со времен декабристов и всех, кто тоже декларировал нечто подобное – смену парадигмы и так далее. Но так-то мы пробубним из зависти, чего уж там...

Много, много чего нового и полезного можно извлечь себе, листая альманах.

Меня, автора сего, в альманахе задело другое. Вот смена парадигмы, вот что-то там этакое, вот модернизм, вот постмодернизм, вот постпостмодернизм, новые, там, реалии, новые созидания, дистанцирование от процессов разрушения... Это все – просто превосходно. Кто же против этого! Конечно, я уверовал, конечно, я смирился, старая ханжа.

А вот никак не могу смириться (возможно, по своей ханжеской натуре), никак не могу смириться с одним стихотворением лично знакомого мне автора, которое, думается, очень характерно для нынешнего времени. Звучит оно так:

*Жди меня, и я дождусь,
Там, где спят дожди
Посреди меня... и пусть
Ты не посреди*

*Мышеловок высоты.
Трещин, голосов.
Я скребусь домой без ты
Битый час часов.*

*Окна дышат на меня,
Расширяя сны.
Нету дома без огня,
Без тебя – войны.*

*Скрип за пазухой, я шел
По домашней тьме.
Никого, сажусь за стол
И ни бе, ни ме.*

Вроде бы и на самом деле – «ни бе, ни ме». И если спросить автора, что это такое, он, наверно, вполне толково обоснует сей изыск нынешней социально-политической парадигмой и необходимостью ее смены, поиском новых поэтических смыслов. А вернее, так просто снисходительно улыбнется, как умеем мы улыбаться тем, кого считаем, что они в литературе и искусстве, в отличие от нас, совсем «ни бе, ни ме». Потому и спрашивать я не собираюсь.

А свербит мне привести здесь несколько цитат из очень скрупулезного, дотошного и основанного на вновь открытых архивах исторического труда (В. Замулин. Переломный момент Курской битвы... М., «Эксмо», 2013). И эти цитаты, на мой взгляд, будут иметь отношение к тому «ни бе, ни ме».

Цитата: «Местность или, как иногда называют в советских документах этот район, «рукав прорыва», напоминал огненный котел, в котором масса войск двух противоборствующих сторон, перемешавшись, уничтожала друг друга с невероятным остервенением. Причем дивизии 35-го стрелкового корпуса находились в более сложном положении. Но наши командиры не обращали внимания на то, что враг овладел инициативой и глубоко проник в оборону армии (69-й армии, в составе которой находился 35-й стрелковый корпус – А. Т.), при малейшей возможности поднимали свои подразделения в контратаку, порой даже находясь в безнадежном положении...» (конец цитаты).

И еще цитата:

«Более того, командарм Крюченкин в условиях, когда немцы бомбили наши войска массированными и непрекращающимися налетами авиации, доносил: «Мои неоднократные вызовы авиации для штурмовки танков противника и рассеивания их самолетов удовлетворены не были. Вместе с тем резко возросло число ошибочных бомбежек и обстрелов собственных войск нашей авиацией. Особенно это почувствовали войска, дравшиеся в коридоре и на флангах прорыва...» (конец цитаты).

И снова цитата:

«К вечеру 11 июля обороны 69-й армии как единой системы уже не существовало, и комкор Горячев, и командарм Крюченкин не могли оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку.

Во-первых, когда происходит прорыв обороны танковой группой, ее может остановить или очень прочный рубеж в глубине обороны, насыщенный орудиями ПТО, или фланговая контратака танков. Ни того, ни другого у комкора-35 не было. Отдельный 148-й танковый полк попал в окружение в Шляховом. Оба батальона комбрига Лебедева дрались у села Сабьино. Это, кстати, очень помогло 92-й гвардейской стрелковой дивизии удержать село... Напомню, что после 18 часов 11 июля левый фланг 35 гвардейского стрелкового корпуса был смят, а 94 гвардейская стрелковая дивизия оказалась в окружении. Участок 107 стрелковой дивизии назвать прочным противотанковым рубежом было трудно. Перед передним краем дивизии даже не вся танкопроходимая местность была заминирована, не говоря о том, что дивизия других средств, кроме одного минполка и батальона ПТР, не имела... Остроту

ситуации придавало то обстоятельство, что за селом Казачье на северо-восток (к станции Прохоровка) каких-либо частей, не говоря уж о соединениях, не было...» (конец цитаты).

Вот такие цитаты.

Прозвучали названия населенных пунктов – Курск, Прохоровка. И, думаю, все, кто в нашей российской истории хоть что-нибудь «бе и ме», поняли, что речь идет не о 41-м годе, а о середине 43-го, о Курской битве, о той битве, которая стала поворотным моментом в Великой Отечественной войне.

И тогда к вечеру 11 июля 1943 года на левом фланге Курского выступа сложилась вот такая ситуация, когда немец в меньшинстве как по личному составу, так и по танкам, но почти прорвался к Прохоровке, находящейся в глубоком тылу наших войск, сражающихся в центре выступа. И если бы не почти, если бы прорвался, тогда все бы для нас полетело к чертям, вернулся бы для нас 41-й год с его окружениями и разгромом целых наших фронтов. Но наши солдаты, наши мужики, наши с вами, отцы-деды-прадеды выстояли на самой последней грани!

Я это говорю для того, чтобы можно было себе представить физическое и тем более душевное состояние наших бойцов, когда немец, будучи в меньшинстве, прет, прет и прет, бьет, бьет и бьет, и у него танки, у него авиация, и, прежде всего, у него выучка, позволяющая бить не числом, а умением.

Сколько нужно было иметь сил нашим бойцам, чтобы не бежать, а только пятиться, отступать от рубежа к рубежу, прорываться из окружений и снова занимать какой-то пусть и не приспособленный рубеж обороны, сознавая, что если убьют или ранят, то они будут числиться в без вести пропавших. И так на протяжении 6 суток, на протяжении непрерывных ста сорока часов, без сна, без передышки, без пищи и порой даже без воды – ста сорока часов только с 5 по 11 июля. А мы знаем, что впереди у них были еще 6 таких же суток (с 12 по 17 июля), еще сто сорок таких же часов и еще 6 таких же суток (с 18 по 23 июля) еще сто сорок таких же часов, пока, наконец, удалось врага остановить и заставить его самого попятиться. (И – это только по отношению к Курской битве. А ведь наши с вами отцы-деды-прадеды защитили нас не только в Курской битве!)

Бывало, и не выдерживали. Цитата из приказа по той же 69-й армии от 17 июля 1943 года: «Командир 122-го отдельного батальона ПТР капитан Б. после бомбежки авиацией противника 11 июля 1943 года в районе Шляховое бросил на произвол судьбы батальон, позорно бежал в тыл...где до 15 июля занимался пьянкой... Заместитель командира батальона по политчасти лейтенант П. ... 11 июля первым, бросив батальон, позорно бежал в тыл, где все время занимался пьянкой... В результате отсутствия должного руководства батальоном в бою в батальоне имели место факты массового оставления оружия врагу...» (конец цитаты). Фамилий в данном случае не приводим, не нам их судить, ведь они все-таки 6 суток непрерывно находились в аду. Но и не судить нельзя – они сотоварищей своих на смерть обрели.

Было и такое. Но в подавляющей массе даже в условиях, о которых только что было сказано, в огненном котле, в «рукаве прорыва», при «смятом фланге», в окружении и при бомбежке (бомбежке порой нашей же авиацией, так как она не поспевала за событиями) наш солдат оставался солдатом.

Это, что касается тех, кто выжил. А потери были большие, и большинство потерь было пропавшими без вести, потому что поле боя оставалось за врагом.

А по тем временам формулировка «пропал без вести» приравнивалась к предательству. То есть семья не подлежала никакой помощи от государства. Но в народе больше ждали о своем родном человеке вести с фронта – если уж не его собственный и столь долгожданный треугольничек, а казенный конверт – то ждали его именно с этой формулировкой «пропал без вести». Потому что она давала надежду. Потому-то всю войну и многие годы после войны жило стихотворение «Жди меня». Да и сейчас живет, если уж ухватились за него пост-и-постпостмодернисты и все прочие, кто занят «созданием новых смыслов» и так далее по перечню предисловия в альманахе.

Счастье, если предок автора сего «ни бе ни ме» и симпатичного, лично мне знакомого человека выжил в той войне (если воевал и если выжил). Счастье, если его семья не испытала на себе того самого душевного и физического гнета, какое испытывает невинно оболганный и подверженный глумлению человек. Но ведь представьте, таких счастливых (кто выжил и вернулся с войны) оказалось меньше, чем тех, кто не вернулся. И из них, не вернувшихся, наверно, половина была причислена как раз к «без вести пропавшим». Да и те, кому пришла похоронка, продолжали верить, что это ошибка, что вернется их родной человек. То есть всем им «Жди меня, и я вернусь...» было... – да что тут говорить о том, чем оно им было. Только мертвая, не родившаяся или сумевшая себя умертвить душа не может этого понять и это сопережить.

И просится еще одна цитата, которой вроде бы на белом свете нет.

(цитирую): «Но «мертвая душа» – это только в вашем заскорюзлом мнении, заклившемся на ваших моральных и этических ценностях, которые, по примеру некоторых симпатичных европейских стран, давно пора забыть. Это вы там чего-то ждали да так и не дождались. А мы тут хоть и «со скрипом за пазухой», хоть и в «домашней тьме», хоть и на «мышеловках высоты», хоть у нас и «никого», хоть мы и «почти что наугад, почти что на лету, подшивая швы»... того, «ох...», хоть мы и «вычитываем по губам таких же, как мы...» но мы, хоть мы душа мертвая, мы «не будем раздавать по округе зычным матом», а мы «садимся за стол», и вы будьте добры на стол нам подать, и потому хотя бы, что мы – это не вы, ваш паровоз с вашими болями и болячками давно лежит под откосом. Мы, в отличие от вас, меняем «социально-политическую парадигму», мы, в отличие от вас, «сохраняем и развиваем русскую поэзию», мы «провозглашаем курс на создание новых поэтических смыслов», мы «дистанцируемся от процессов разрушения». А вы? Вы только стонете по каким-то, там,

ожиданиям, по каким-то там не вернувшемуся, но якобы обещавшим вернуться, трясетесь над какими-то, там, якобы святыми стишатами, жаждете сохранить какую-то там якобы святую русскую литературу и иже с ней народную душу! Ну-ну, ждите, ущербные!»

Вот такая еще просится на свет Божий цитата по прочтении одного симпатичного московского альманаха с семьюдесятью симпатичными уральскими авторами.

Но, слава Богу, цитаты такой нет. Рождаются подобные слова от горечи, появляющейся от прочтения таких строк, которые здесь цитированы. И таких строк в альманахе немало.

Что движет их авторами – не нам гадать. Но мнится: шалят ребятишки! – Да и как ребятишкам не шалить, когда взрослыми дяденьками и тетеньками, как бы даже находящимися в литературном авторитете, – составителями и издателями – это выдается за... (далее по списку в предисловии). Равно же не нам гадать, что двигало ими, этими взрослыми дяденьками и тетеньками, включившими в альманах эти и им подобные строки.

Не нам гадать. Но лукавили они, когда объявляли о «дистанцировании от процессов разрушения» и прочих «ценностях», выраженных ничего не значащими словесными штампами, кочующими из одного подобного рода альманаха в другой. Совсем не то было у них на душе. Тоже шалили дяденьки и тетеньки, находящиеся в литературном авторитете.

Только шалости ребятишек и шалости дяденек и тетенок в авторитете куда как разные.

Я приемлю многое в искусстве – и авангард, и классицизм, и реализм, и барокко с рококо, и искусство древних. Искусство – это такой феномен, который не знает прогресса. Оно просто есть, или его просто нет. И никакая «парадигма», никакой «поиск новых смыслов» (и так далее по списку составителей и издателей) ни при чем.

Кто написал:

*«Вал завыл, сломал
Весь навес древес,
Нес в злосчастный час
Челн, нещадно мча»?*

Кто написал:

«Змеи кос, висящих косо, ширясь, шли в нависший сад»?

А это кто написал?

*«А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает светел
Выше откоса...»*

Авторы написанного постмодернисты или постпостмодернисты или еще какие-нибудь «исты»? Нет. В первом случае – это скальд, поэт норманского средневековья Оттар Черный. Во втором случае – это поэт грузинского средневековья Шота Руставели. В третьем случае – это русский поэт Велимир Хлебников.

И куда им всем, вместе с Оттаром Черным, с Шотой Руставели, с Велимиром Хлебниковым податься, в какие -«исты»?

То есть при всем своем нигилизме и всей своей гиперрефлексии и всех других приметах постмодернизм и постпостмодернизм и все под них пишущие, при всем провозглашении чего-то там нового и всем дистанцировании от якобы старого – все они являются, как и мы, грешные и ущербные, традиционалистами, то есть подражателями, то есть эпигонами, а никакими не «создателями новых смыслов», ну, разве что, кроме тех, с кем «наугад» и «на лету» что-то происходит, и кроме тех, кто по губам вычитывает что-то себе родственное, у кого «за пазухой скрипит», и кто «ни бе ни ме».

Но если дяденьки и тетеньки в авторитете уверяют, что это новые смыслы, тогда – да. Слушайте, ребяташки, дяденек и тетенок в авторитете. У них – дистанция от процессов разрушения. У них – новации! У них – прогресс в искусстве! Слушаясь их, вы тоже станетесь осиянны этим прогрессом, этими новыми «мышеловками высоты», этими «наугад», этими «зычными раздаваниями», этими «с губ чтениями» и прочая, и прочая.

С этим я вас поздравляю, дорогие ребяташки!

Но особенное мое поздравление дорогим составителям и издателям альманаха! Дерзайте, товарищи! Увеличивайте темпы дистанцирования от процессов разрушения! Смелее внедряйте курс на создание новых поэтических смыслов в массы! Твердо стойте на сохранении и развитии русской поэзии! Не колеблясь, споспешествуйте смене социально-политической парадигмы! Со всею меткостью швыряйте литературу под хвост профессорского пса!

Иначе литературе – бо-бо, и нам всем «будет уже плакать».

Вот такой симпатичный и, прямо сказать, новаторский московский альманах о семидесяти уральских головах, то есть, простите, поэтах я взялся прорекламировать!

В гостинной встреча новых лиц...

Сергей АРУТЮНОВ

НОЧЛЕГ

Последние, как могикане,
Мы были данники ущелью.
На повороте помигали,
И двинулись пешком по щебню.
И пахло порохом и кровью,
Когда, то мягче, то суровой
Откосы превращал в надгробья
Подлунный свет потусторонний.

И было видно будто – в шаге,
Как, снюхавшиеся с боями,
Нас у ворот встречали шавки
Безмолвные, как изваянья.
Мы шли бесплотными тенями
И не судимы, не судили:
Под нас казарму выделяли
С осколком зеркала в сортире.

И было муторно и странно
Тупым станком скрести щетину
Под звучную капель из крана,
Что от беззвучья защитила.
На те заржавленные ложа
Никто не лёг, чтоб не скрипели,
И в окна билось непреложно
Тумана тихое струенье.

Ночь обнимала нас компрессом.
Иные, может быть, могли бы

На анекдотике скабресном
Восстать из первородной глины,
Но берегла нас пуще бедствий
Пометка в приказном журнале,
И бесконечной серой песней
Предгорья жилы наши рвали.

И утром гурт овец нам блял,
Убогих, словно каторжане,
И размывая чёрный пепел,
На стёклах капельки дрожали.
И каждый вышел, встал и обмер
Под выкликание чабанье,
Не вспомнив пятизначный номер
Дисбата, где мы ночевали.

ПОХОРОНЫ

в зареве начинаний,
спешке и опасеньях
нет похорон чеканней
наших, позднеосенних,

там, где сквозит во взорах
тусклым оцепененьем
вьюга, что роет в сорок
ямы двадцатилетним.

там, гомоня о лучших
Господа мягких дланях,
в глинистых топких лужах
копщики стелят лапник.

сам замкомбата – ишь ты! –
манит к себе начкара,
чтоб над гробами трижды
гибель на вдов наччала.

юны, не многодетны,
дёрнулись без команды –
светлое пламя, где ты?
счастье мое, куда ты?

эхо одно негромко
грянет в стволах пузатых,
там, где чернеет кромка
редких лесопосадок.

ТРЕТЬЕ РАНЕНИЕ

Как руки солдат, на которых
Пикировал в сумрак ночной
С единственной мыслью – как долот
Последний рывок на Ачхой,
Трясло. Расставаясь с рассудком,
Я видел, как светоч потух.
К нему, госпитально разутым
Вздыхался израненный дух.
Дана нам умеренность вдовья,
Но счастье земное дано ль?
...И выл я, бессмертию вторя,
И склянка тряслась надо мной.

АБХАЗИЯ, 1992-Й

Я понял, что Господь меня не видит,
Когда, штабной ухмылкой мельтеша,
На всех частотах заплясал эпитет
Террористического мятежа.

На третий день, пройдя до половины,
Властям вернув утерянный контроль,
Мы, сделавшись огню неуловимы,
Группировались под большой горой.

Там плакали от залпов миномётных,
Просили пить, патронов, сигарет,
И женщины ходили мимо мёртвых,
Губительно ведясь на всякий бред.

Дымящихся вдали дорог зеркальной,
На небе таял облачный крахмал.
Стояла сушь. Раскрашивался камень,
В заливе нефтетанкер догорал.

Бумаги, куры, выстрелы, стенанья,
Болезнь земли, нарушенный баланс.
Над всем царила тишина степная
Молчанья Бога, бросившего нас.

И каждый бы сказал, мозгов не пудря,
Плюясь под ноги гравийной слюной:
Быстрее пули лишь другая пуля,
Бездонней бездны лишь бачок сливной.

И, гибели стократ обетованной,
Я понял, что из пепла восстаю,
Когда, излив любовь на бедных тварей,
Господь закрыл глаза на тварь свою.

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Уходившим когда-то в отказ
Не привидится и с алкоголем
Обнажённая высокогорьем
Федеральная трасса «Кавказ»,

Где, ведомы единой канвой,
Позабыв, как друзей хоронили,
Проплывают по зябкой равнине
Мертвецы – за конвоем конвой.

И кого только здесь не пасут,
Потребительской жаждой влекомы,

Два конца обозначив любому –
Либо к ордену, либо под суд.

Как на днях тут один объяснил,
Это адский живой калькулятор:
К перископным прильнешь окулярам,
И душа обратится в бензин.

Разбодяжат её – три в одну,
И загонят с транзитных обочин
Тем, чей срок безвозвратно окончен
И заложен политкрикуну.

Иль не в масть крестный путь без креста?
Так чешите отсюда, чешите!
За хребтом, в мутоте общежитий,
Даже истовость вечно грязна,

Выбирая в ночном агапе,
То ли длить бестолковщину, темень,
То ли спяну проситься на дембель
У сожжённых ворот КПП.

Игорь ГУРЕВИЧ

ЗАМЁРЗШИЙ ПУТНИК

Невыдуманная история

1

Его принесли. Из-под смеженных век
слезами стекал чуть подтаявший снег.
Нашли на дороге, что к церкви вела,
на кромке когда-то большого села.
Он, руки раскинув, как птица лежал,
что в небе убита была наповал
в преддверье Крещенья, в сквозном январе,
и, крылья раскинув, прижалась к земле...

Лежал, устремлённый лицом в небеса.
Возможно, он слышал с небес голоса,
лежал неживой, но как будто смотрел,
как будто увидеть там что-то хотел,
увидеть, запомнить... Холодная высь
роняла снежинки неспешные вниз...

2

Приходский священник и сторож, вдвоём –
два старца – его дотащили, потом
он в церкви лежал как распятый Христос:
так, будто к кресту он навечно прирос...
Раскаянье позднее? Смертный кураж?
Снег стёрли с лица и сказали: «Не наш».
А руки никак не ложились на грудь...
И сторож сказал: «Уж потом, как-нибудь».
Пока дожидались районных людей,
священник молитву прочел без затей,
прося у Христа за «раба твоего».
А сторож сказал: «Облегчил ты его...
Теперь бы принять во спасенье души».
Священник ответил ему: «Не спеши!»
И снова в лицо незнакомца взглянул:
как будто не умер, как будто уснул,
блестели росинки растаявших слёз...
«Такое бывает в крещенский мороз, –
всезнающий сторож устало вздохнул. –
А может и правда, всего лишь уснул?»
Себя осенив, удалились они...

3

Когда к ним районные люди вошли,
два выпивших старца дремали в тепле
в каморке при в церкви. А церковь – в селе,
стоявшем среди неоглядной тайги.
Тайга посреди безысходной тоски,
а та расплескалась повсюду, везде...
Спросили районные: «Найденный, где?»

«Да там – у порога, при входе во храм».
«Там нет никого». – «Как же нет, если там!» –
священник и сторож, на раз протрезвев,
ко входу. И правда! Чуть слышный напев
откуда-то сверху, где колокол стыл,
где снег то ли шёл, то ли по небу плыл,
где северный ветер разбойно свистел,
куда этот «найденный» путник «смотрел».
И выдохнул сторож в приезжую знать:
«Нам это умишком своим не понять.
Был. Видите – лужа крестом на полу.
А вон его шапка осталась в углу.
Свидетели – пристально смотрят с икон.
Лежал бездыханный – да вылетел вон».
«Как вылетел, старый?! Ты пьян или как?» –
районный начальник поднял свой кулак.

4

Но поп занесённый отвёл кулачок
и молвил, так, словно пред ним дурачок:
«Ты вот что, любезный, нас старых прости.
И правда – нашли мы его на пути.
Бледней мертвеца. И документов нет.
Когда бы, как прежде, здесь был сельсовет,
не стали б тревожить высокую власть...
А так, сам подумай, такая напасть...
Вокруг – никого, только я да Федор,
да за полверсты Анিকেевны двор:
сама чуть жива – только слёзы из глаз...
А этот не дышит. Вот – вызвали вас.
А он, пока ждали, оттаял слегка,
чуть дрогнуло веко, согнулась рука.
Мы подали чарку к сомкнутым устам.
Он влагу втянул. Ну, и поднялся сам.
Спасибо сказал и к иконам святым –
крестом осенился и шагом своим
отправился вон. Называться не стал.
Бог видит, всю правду я вам рассказал».

Не верить священнику – повода нет.
 Тем более в церкви, где святость и свет.
 «А может быть к егерю – поздний уж час –
 заглянем? Он баньку истопит для нас», –
 сказал полицейский в приличных чинах.
 На том и сошлись. И тотчас, на парах,
 к машине бегом, в предвкушение утех,
 и тьму сотрясал их раскатистый смех.
 Мотор заревел – и опять тишина.
 Над церковью мёртвая встала луна.
 И звёзды повсюду. И стихла метель.
 Ни треска свечного, ни скрипа петель.
 И в этой гнетущей почти тишине
 сказал старый сторож: «Привиделось мне?
 Прислышалось, отче? Ты что здесь наплёл?
 Когда этот найденный встал и ушёл?
 Пред ликом икон так не мыслимо врать!..» –
 и рот придержал, чтоб не вспомнить про «мать».
 «Дурак ты! – ничуть не обидевшись, поп
 ладошкой толкнул Федю глупого в лоб. –
 Мы с первого класса знакомы с тобой,
 А ты всё такой же – за «правду горой».
 Ну, сам посуди: наш найдёныш исчез?
 Кругом – бездорожье да северный лес.
 Так, значит, выходит, ушёл сам собой,
 не то за удачей, не то за бедой...
 Так в чём же я, старый, ответь мне, солгал?
 Лишь в том, что я этого сам не видал?
 А что – лучше было б поведать о том,
 как выпили мы, как заснули потом,
 Чтоб стали нас после к стене прижимать?»
 Тут сторож кивнул и... пошел допивать.

Священник седой на колени упал:
 «Прости меня, Боже, Тебя я признал
 в посланнике этом, замёрзшем в пути...
 Но дьявол попутал... Всевышний, прости!

Не выжжен мой страх, не чиста моя плоть.
Ещё раз меня испытай, мой Господь,
неверного в слове раба Твоего!»

С иконы печально смотрел на него
Христос. И сгущался за окнами мрак.
И кто-то во мраке сказал: «Вот, чудак».
И шорох, мерещится, крыльев больших
прошел через церковь и снова затих.

Священник с колен всё никак не встаёт,
и мнится ему: бездорожьем идёт
неведомый путник и – посох в руках,
и снег у него сединой на висках.
Но некому крикнуть: «Смотрите – вот Он!»
Спокойней молиться у древних икон:
что молча взирают, о вечном скорбя,
за грех твой и страх твой прощая тебя.

Ольга ВОРОБЬЁВА

* * *

Быть может, это мелочи, естественный процесс:
Раскрашивают девочки диснеевских принцесс,
Наряды их прекрасные и волосы до пят –
По разукрашкам глянцевым фломастеры скрипят.
Раскрашивают девочки... И это не секрет:
В тех книжках ни Иванушки, ни Василисы нет,
Ни поп, ни царь не встретится, ни щедрый гость купец –
Воспитывает девочек заморский образец.
Ах, сказочки вы русские, прекрасные, как жизнь!
Когда же позабылись вы, давно ль перевелись?
Без вас американское сознание у ребят,
По разукрашкам глянцевым фломастеры скрипят!

* * *

У всех зеркал одна привычка – лгать.
Так требует древнейший их обычай,
А девочка, поверив им, опять
Снимает то лицо, то стан девичий.

Ей нравится, что так она стройна,
Что молодость так долго будет длиться,
И ежедневно в соцсетях она
Спешит своей красою поделиться.
Спешит познать, и выразить сполна
Все то, чем юный дух ее встревожен,
Что женщина красивой быть должна,
Мужчина – быть большим и сильным должен.
Но, впрочем, не об этом мой рассказ.
Признаюсь, мне смотреть бывает грустно,
Как гаснут, выставляясь напоказ,
Девичьи фотографии и чувства.

* * *

Мы так взрослеем: грезим и ревим,
Оставив дом, спешим за чудесами,
И одного единственного ждем,
Прекрасного, придуманного нами.
Читаем гороскопы, верим снам,
Но день придет, и нам (какая жалость!)
Придется посмотреть по сторонам,
И взять вслепую, что кому досталось.
И пусть любовь, как говорится, зла –
Поверить, что его-то и любили,
А в кухне, в уголке, стоит метла –
Для подстраховки от потери крыльев.

* * *

В. Бахревскому

Что слава? Огонек её случаен:
Тот – в шоу, этот – борется за власть,

И мы, друзья, совсем не замечаем
Волшебников, живущих среди нас.

Нет, их по телевизору не слышно:
Что толку спорить о добре и зле?
Зато они такие книжки пишут,
Каких не быть не может на земле!

Их труд не терпит шума и огласки.
Как знать, быть может в этот самый час
Седой волшебник первым слышит сказку,
Которая еще на началась!

МАМЕ

Отчего во вселенной бесчетны планеты,
Ну, а мы родились и живем на Земле.
Между мной и тобой понимания нету:
Ты – свеча на ветру, я же уголь во мгле.

Ты трепещешь, а я тороплюсь разгореться,
Чтобы жар мой достиг самых дальних планет,
Чтобы грел-полыхал, как влюбленное сердце,
Как звезда, и по смерти дарящая свет.

А тебе же мерцать, оставаясь примером,
Сумрак ночи пронзать, раскалясь добела.
Но где светит свеча, там присутствует – Вера,
Ведь не зря же тебя мама так назвала!

Александр ОРЛОВ

ХРИСТАРАДНИК

«Какой доверчивый придурок!» –
Разнёсся шёпот по дворам,
Он подобрал в грязи окурочек,
Поднёс к обмётанным губам.

Он был убог, улыбчив, жалок,
Он попрошайка, нищесброд,
Любимец стариков и галок
Он христарадник, идиот.

Погонят все его в три шеи –
Он удаляется, боясь.
Но в глубине пустой аллеи
Он ощущает с небом связь.

И, чтобы быть ко всем поближе,
Он молится один за нас
Под плач небес в застывшей жиже
В безлюдный час.

* * *

Чёрной ночью в несметной тиши, как и ране,
Под окрашенной кроной ветвистого вяза
Я считал долго капли в бумажном стакане –
И казалось: не будет финала рассказа.

Мне хотелось на миг к той звезде прислониться
И луны охлаждённой рассматривать профиль,
Оказаться на час кем-то вроде провидца,
И не печь на углях скороспелый картофель.

Я мечтал видеть землю живой, а не синей,
Выпивать залпом реки, моря, океаны,
Для тебя быть навеки отважным Добрыней,
И не строить по осени зимние планы.

ОТКРОВЕНИЕ

Осенний свет коснулся изразца,
Которому так много лет и зим,
И в этот миг мы тихо говорим.
Мне виден час начала и конца,

И надо мной взлетает херувим,
И каждый, не дождавшийся гонца.
Уже не станет сродником моим.

И губ твоих опали уголки,
И отпустить меня не в силах ты.
Наш век ушёл заложником тщеты,
И судных дней бесщётные полки
Давно пропали в поисках мечты,
И списывают ангелы долги,
И времени обуглены мосты.
И мы стоим на разных берегах,
Ты веру нашу в сердце бережёшь,
И я с ветрами плачущими схож,
И луч зари во мне уже зачах,
Мир будоражит солнечная дрожь,
Разъединились стрелки на часах,
По водной глади Ты ко мне идёшь.

РОСТЕПЕЛЬ

Мне досталась ты задарма
Без торговли, грызни, вопросов
Ты теперь – лишь моя зима,
От снежинок и до торосов.

И хочу я сегодня, чтоб,
Уходя от весны соблазнов,
Под подошвой моей увязнув,
Мне служил каждый твой сугроб.

Чтоб метелей твоих и вьюг
Не слышны были злые вопли,
Чтоб февраль, как продажный друг,
Заревел, распуская сопли.

Я поверю тебе тогда,
Когда ты мне прошепчешь сухо,

Как больная в чепце старуха,
Что с рожденья была горда,

Что меня не любила ты,
Приласкала – из пошлой моды,
Что мои собирала годы,
Как флористка в букет – цветы.

ПЕРВОКРЕСТИТЕЛЬ

*Святому преподобному Герману Аляскинскому
и Алеутскому, всея Америке чудотворцу*

Он слышит ангелов подсказки,
Его словам, пришелец, верь.
Родным он стал хребтам Аляски,
И алеутки-черноглазки
Зовут его отцом теперь.

К нему креолы и тлинкиты
Бредут, уставшие от бед,
И ждут молитвенной защиты,
И каждый будет обогрет
Несуетно, без волокиты.

Едят из рук его медведи,
Ждёт ласки своенравий бык,
И горностаи, словно дети,
Не забывают об аскете,
Чья жизнь – страданий чистовик.

В мольбах на острове Еловом,
Где землю обнимает мох,
Где океана шумный вздох,
Напитан озаренным словом,
Там говорит с монахом Бог.

ПТИЦА

1

Раннее утро. Уже не усну.
Птица опять прилетала к окну.
Странная птица...
Напрасно глядишь –
Ветер полёта оставила лишь.

Хлопнули крылья.
Качнулся кипрей.
С ближнего леса иль с дальних полей
Птица ко мне постучалась в окно,
Птица оставила слова зерно.

Сколько охотников слышали взмах
Крыльев её!
Но напрасно в лесах
Птицу ловили. Скажи, почему
Вновь её тянет к окну моему?

И объясни мне, откуда черты
Мне так знакомы её высоты?
Где её видела? В детстве? Во сне?
Снова она прилетает ко мне.

Кротко глядит в мой домашний покой,
Чтобы душа извелась немотой.
И, собираясь в обратный полёт,
Эхо оставит, а сердце возьмёт.

И начинаю из трав и ручьев
Я понимать и себя, и любовь,
Друга, дорогу, звезду, холода,
Время, крылатой бываю когда!..

2

Завтра проснусь – будет кругом тишина.
Выпадет утром снег на уличный шум.
Птица должна прилететь. И поспешу
Я рассмотреть следы её из окна.

Не прилетала...Только напрасно взгляд
Ищет хотя бы еле заметный след.
Сердце моё рвётся от этого «нет»,
Прочь отсюда – куда-нибудь наугад.

Слышала я легенду, людей молву:
Есть среди тайных троп и крутых дорог
Путь, на котором видишь жизнь, как пророк,
Старцы его назвали по-коми «ву».

Ву – это мост, ведущий через века,
Птица его скрывает размахом крыл,
Путник к нему идёт из последних сил,
Даже когда мелеет сам, как река.

Я уже никогда не стану другой.
Птицы не будет – жить без неё смогу.
Я стебелёк найду в осеннем снегу,
Былинку с тонкой, как у птицы, ногой.

В воду поставлю, с ней о «ву» разговор
Буду вести. И приоткрою окно.
Стук я услышу. Будет ещё темно.
Но, торопясь, сбегу я в пустынный двор.

Вижу, что прилетала – примяла снег!
В раму стучала, чтобы светлела мгла,
Чтобы я снова завтра её ждала.
Завтра ждала. И годы. И целый век.

Вглядывалась душа в лунную ночь устало,
 Спать не могла –
 Я надежды свои теряла.
 И прилетела вдруг птица и смотрит, словно
 Трепет мой видит – и взгляд у неё бездонный.
 Я лишь спросила: – Зачем прилетаешь снова?
 – Знаю, ты ищешь колодец святого слова.
 – Где он, скажи? – по каким отыскать приметам?
 Как мне его найти? Жизни хватит на это?
 – Между землёю и небом ищи, – в верховьях
 Речки таёжной, но только ищи любовью.
 – Как мне воды набрать, чтобы душе напиться?
 – Сердцем черпни своим...
 И улетела птица.

Перевод с коми Андрея Попова

Иоганн-Вольфганг ГЁТЕ

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

О что за движенье сквозь ветер и ночь?
 То всадник несётся во всю свою мочь.
 Он сына с собою везёт впопыхах.
 Мальчишке тепло и уютно в руках.
 – Сынок, ты чего изменился в лице?
 – Ах, папа, там в чаще – с хвостом и в венце –
 Ты видишь, ты видишь лесного царя?
 – Там просто туман, ты волнуешься зря.
 «Малыш, дорогой, поскорее – ко мне!
 Жаждали нас игры в чудесной стране!
 Среди ярких цветов, что сияют, любя,
 Лесные наяды утешат тебя!»

– Ах, папа, ты видно не слышал вовек,
Что мне обещает лесной человек.
– Не стоит тебе волноваться, сынок,
То ветер по листьям шуршит подле ног.

«Желаешь ли мальчик пойти ты со мной?
Ждут дочки мои тебя в чаще лесной.
Весёлый они заведут хоровод
Чтоб ночь всю с тобой танцевать напролёт!»

– Ах, папа, неужто не веришь мне ты?
Вон девы бегут среди чёрной листвы?
– Сынок мой, я вижу и знаю одно:
Всё то, что сторело, погасло давно!

«Не хочешь быть гостем в моём ты дому!
Тогда я тебя к себе силой возьму!»
– Отец мой, отец мой, он тронул меня!
Царь леса, он жжётся, он полон огня!

Пусть страшно отцу, он как ветер летит,
В руках его мечется сын и хрипит.
Вот с топотом всадник въезжает во двор.
Но мальчик уж мёртв, и остыл его взор.

Перевод с немецкого Айдара Хусаинова

Николоз БАРАТАШВИЛИ

МЕРАНИ

Ввысь несёт меня Мерани, где нет путей и направлений,
Ввысь, не слушая ворона крик, не страшась огня его злобы,
О высокий полёт! Унеси! Твоему нет движенью предела!
Пусть ветер до капли выпьет мою бесконечную думу,
Что душу мою наполняет чёрным волнением ночи!
Ветер сминая, воды взметни, заливая все скалы и кручи,

Их оставь позади и неси меня нетерпеливо сквозь время!
Зноя не бойся, и не беги непогоды-ненастья, крылатый!
Всадника ты не жалея – я согласен с тобою, согласен!

Отчизны не видеть мне боле, пускай, друзей-сотоварищей равных не будет,
Родных не увижу, любимой лишусь навсегда, речами сладчайшей!
Где тьма настигнет меня, пусть там же восстанет рассвет! Да восстанет!
Там будет родная земля и отчизна! Лишь там я поведаю звёздам,
Моим спутницам верным, все тайны поэта сердца!

О, сердца глубиннейший стон! Всё, что во мне от любви той осталось,
Морю отдам и порыву отдам твоему беззаветному, гордый безумец!
Неси же меня, мой Мерани, ведь для тебя нет границ и пределов,
Пусть ветер до капли выпьет мою бесконечную думу,
Что душу мою наполняет волнением ночи!

Да, не лежать мне в отчизне родной, средь могил моих предков великих,
Нет, не оплачет меня милая сердцу моему, любовь моя вечная,
Слезы её не омочат меня своей скорбью – ворон могилу мне вырвет во поле чистом,
И вихрь многошумный останки засыплет землёю!

Нет, не слёзы любимой – роса бесконечного неба падёт
На тело моё – мертвеца, что лишён был приюта.
Вместо плача родных по-над телом моим только коршуны
криком гортанным своим изойдутся!

Ввысь, мой Мерани, неси ты меня за пределы судьбы моей горькой!
Не покорился доселе и впредь покоряться я ей не намерен!
Пусть же умру одиноким, отвергнут судьбою стальнойю.
Сталь её не утрашит меня, если судьбе стал врагом!

О, мой Мерани, лети! Твоему нет движенью предела!
Пусть ветер до капли выпьет мою бесконечную думу,
Что душу мою наполняет чёрным волнением ночи!

Не будет бесцельным и тщетным закланье души обречённой
Останется путь, что пробил ты собой, мой Мерани крылатый!
Будет, я верю, собрату, тому, кто за мною пойдёт, облегченье!
Над чёрной судьбой вознесёт его гордо Мерани!

Ввысь несёт меня Мерани, где нет путей и направлений,
Ввысь, не слушая ворона крик, не страшась огня его злобы,
О высокий полёт! Унеси! Твоему нет движенью предела!
Пусть ветер до капли выпьет мою бесконечную думу,
Что душу мою наполняет чёрным волнением ночи!

Перевод с грузинского Айдара Хусаинова

Иосиф ДЖУГАШВИЛИ

ЛУНА

Не печалься, шагая по свету,
Разрывая собой облака,
Улыбайся уснувшей планете,
Песни нежные пой ледникам,
Что к тебе тянут белые руки,
Словно странник, что смотрит наверх,
Продолжая идти, терпит муки,
Не кляня за невзгоды свой век.
Дай надежду, что скоро печали
Словно старую ткань разорву..
Окропи мир своими лучами,
Ярким светом разрежь синеву.

Перевод с грузинского Никиты Поповского

Мария ВАГАТОВА

МОЯ БЕРЕЗОНЬКА

В белом сахе с живою душою
Ты стоишь посредине Земли...
Примет всё твоё сердце большое –
Стужу, вьюги хантыйской зимы.

Оберег мой от слез и ненастий,
Ты расти ещё тысячи лет.
«Пусть тебе повстречается счастье...» –
Мне берёза шепнула в ответ.

Перевод с хантыйского Никиты Поповского

КАТУЛЛ

XLVI

Вновь теплом стало веять весенним,
Под Зефира благим дуновеньем
Равноденственной буре стихать.

Покидай ты поля, где фригийцы засели,
Брось же пашни, Катулл, и Никеи посевы:
Мчись столиц азиатских красу постигать.

Дух мой рвётся, ведь жаждал он странствий доселе,
И торопятся ноги на встречу веселью,
Но в дороге мне спутники вовсе некстати!

Хоть мы вышли совместно к домашней ограде,
Путь обратный придётся нам порознь держать.

Перевод с латыни Антона Иванова

КСЕНОФАН

* * *

Если быки бы с конями да львы обрели чудом руки,
Ими смогли рисовать и ваять по науке,
Боги тогда у коней на коней бы похожими были,
Ну а быки бы из глины быков налепили.
Словом, имели бы звери такие потуги –
Были бы боги с обличьем живущих в округе.

ПЛАТОН

* * *

Яблоко кину – поймаешь его, если любишь,
Дашь мне отведасть всю сладость девичьей красоты.
Если не любишь, подняв, отряхни от росы –
Сможешь увидеть, как молодость юноши губишь.

Перевод с греческого Антона Иванова

Любовь АНУФРИЕВА

ШИПОВНИК

Памяти 90-х

1

По лугу Время выходит на склон –
долгое платье шиповнику в тон.
Надо поторопиться.
Лишь бы не заблудиться...
Подол ей ногой прижала –
вроде бы придержала.
А на душе, не укрытой щитом,
страх заворочался острым шипом –
колет виной неизбытой
из глубины позабытой.

Вижу неласковой памяти год.
Вот на телеге кобыла везёт
нас в молчаливой печали.
Ферма молочная недалеко,
да не доищешься молока –
едем за кирпичами.
Холодно в нашем дому –
старая печка в дыму...

Меся осилить осеннюю хмарь,
 ветер раскачивает фонарь –
 капает свет немогущий
 на непроглядную гущу.
 А мне почудилось: из-за плеча,
 ржавой консервной банкой брэнча,
 гонится зло обратное –
 пугало огородное.
 Хитрое: ветер замрёт –
 и ни назад, ни вперёд.

Собственный лучик устала в ночь,
 но беспросветную тьму превозмочь
 силы ручного светила
 или моей – не хватило.
 Крыса мелькнула шурша...
 Волком завывала душа.

Вот и дороге недалёкий конец,
 лошадь привязывает отец.
 А на дверях от незваных гостей –
 мощные шляпки гвоздей.
 Но мы не первые знаем
 узкую щель за сараем,
 и за покровами тьмы
 здесь не последние мы...

Тощей, что твой кощей,
 мне втискиваться в эту щель.
 Крыса коснулась ноги,
 а выкрикнуть – не могли...
 Только, едва горя,
 дёрнулся луч фонаря –
 выхватил из ночи
 красные кирпичи,
 цветом издалека
 вроде шиповника.

Страшно, а не спешу –
бережно выношу...

Над головой ворона
выкрикивала: «Воровка!..»
А стыдобой не жгло.
Думала только знобко:
главное, чтобы снова
стало в доме тепло...
Стало в доме тепло...

4

Всё, как в тумане, было:
высвободилась – и прочь
нас повезла кобыла
через глухую ночь.
Снова фонарь дрожал –
пугалом угрожал...

Дважды переложили –
вымотали все жилы...
Столько перетаскала
рыжего кирпичья –
встала и зарыдала
в три проливных ручья.

Понял отец и обнял –
на руки нежно поднял,
и на его руках
кончились тьма и страх.
Вместо сырого праха
духом не привозным
пахла его рубаха –
огненным и земным.
И накатился сон
солнечно невесом...

5

Долго люди ещё в ночи
хаживали по кирпичи,

да всё, что уворовали,
на водку и хлеб сменяли.
Сарай раздёргали на дрова,
и ферма без похорон мертва...

А мы сумели тепло сберечь –
в доме сложили русскую печь.
Но, точно крыльями вороньё,
накрыла чаща село моё,
и за неимением иных дорог
каждый в ней выживал, как мог.

6

По лугу Время идёт налегке
в спелом шиповнике к тихой реке.
Надо поторопиться.
Лишь бы не заблудиться...

* * *

Выйдя под солнечные лучи,
про сокровенное промолчи
и, окунаясь в безмолвный зной,
не очаровывайся тишиной.
Если послушаешься – всегда
будет в колодце чиста вода.

А вот иные придут ветра –
тогда распахиваться пора.
Загонят солнце за облака,
тогда и сердце – до широка...

Но если солнечные лучи –
про сокровенное промолчи,
мысли рвущиеся, храня,
сдерживай, точно в узде коня...

Так, словно я ей – дочка,
женщина-одиночка
ведала-ворожила –
слово своё сложила.
Слово не забываю,
да слушалась ли –
не знаю.

ПОЛЯРНАЯ СОВА

Вьюгу бабочек белых
живую волною тепло
на холодные камни,
как будто весной, принесло.
В подвенечное платье
они одевали собой,
а потом собрались воедино
полярной совой.

Эта птица навyleт
пробила мороку мою.
Больше жить не могла я
у стьлой реки на краю
и, стихи по камням рассыпая,
за белой совой
побежала, как нищенка,
вымолить встречу с тобой.
Мне, как ломтика свежего хлеба,
тебя не хватало –
точно в каменной гуде
от чёрствого оголодала...

Над землёю за снежной завесой
своим чередом
увидала летящий без крыльев
серебряный дом,
и старик седовласый

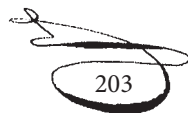
сурово с крыльца поглядел –
строго-настрого мне за совою
ходить не велел.

Но к запретному небом
я шла – оступалась и шла.
И метелица снегом
меня в наказание жгла,
обвивала, душила,
в тяжёлых сугробах топя...
А когда я нашла тебя –
я оттолкнула тебя.

Ямы нашей разлуки
накрыли морозные льды –
никогда я не выплыву
из-под парящей воды.
Рукавицею белой
мне зябкую руку не мни,
не нашёптывай снова
про тёплые летние дни:
как старинные кости,
они в мерзлоте омертвели –
серой пылью осыпались,
высохли, окаменели...

А сова подвенечное платье
надела сама.
Проливными дождями умылась
былая зима.
Побережные камни
ушли по дороге песков,
закуржавленной инеем
мелких живых лепестков.
Набери белоснежных,
глубокую горсть набери –
их горячее сердце
жене молодой подари.

Перевод с коми Андрея Расторгуева

ТОСКА ПО АНТИЧНОСТИ

По долинам давно отгремели кровавые битвы,
но скитаются тени бойцов у речных берегов,
и душа отзывается дрожью на эхо молитвы,
выкликая бессонные призраки старых богов.

Отгоревших костров погребальных чернильная копоть
проступает на скалах опять, и едва ли пойму,
почему к языку припадает языческий шёпот,
и опять на коленях прощенья прошу почему.

Что за предки былые со мною ведут переключку
через тысячелетние каменные слои,
возвращая из памяти сквозь непривычную смычку
имена позабытые в тёплые губы мои?

Наши дни мимолётны, лукавы и плоски дороги,
веет давнее пламя от шёпота древних имён...
Дайте мне возвратиться, ещё не ушедшие боги,
на угольные камни и угли далёких времён.

* * *

Ты так нежно и трепетно взглядом лелеешь меня,
что сама Афродита завидовать мне не устанет.
Но бессильное слово хвалебную песней не станет,
и с кимвалами арфы не тронут округи звеня.

Кем ты будешь в ещё не исполненной жизни моей,
олимпийские страсти осыпав унылою пылью?
Стольких обняли и упокоили мягкие крылья
воспаряющих плотью и мыслями птиц и людей...

Почему и порою ночных вожеленных трудов
ты смиренно прохладен, когда мы ступаем по краю?

Столько после спалённой дотла аполлоновой Трои
ненасытное пламя слизало с земли городов...

* * *

Когда высоты, взятые с боёв,
наполнят душу пеплом до краёв,
когда вершины, занятые мною,
окажутся обычною землёю,
опорою для запылённых ног –
увидю я, как плачет грозный Бог
и как, пересекая небеса,
гася ростки надежды огневые,
сбивает серебристая слеза
оплавленные свечи восковые.

Палач невольный света своего,
Он в пелене туманящей и зыбкой
как будто извиняется улыбкой
несмелой и утешной:

– Ничего...

Переболеешь, вытерпишь, пройдёт.
Смирение – твоё второе имя.
Слеза моя на землю упадёт,
очищенная муками твоими...

Но если мне диктующий в тетрадку
отступится – попробуй подави
живучую под кожей лихорадку,
горящую во плоти и крови.
Я только в миг последнего прощенья
замру навеки, голову склоня,
как статуя, вобравшая камень,
что жизнью были брошены в меня.
И долго свету вышнему впустую
скитаться по раздвоенной волне
бескрылой чайкой, рыбку золотую
бессильной уловить на глубине...

Перевод с армянского Андрея Расторгуева

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

РАСПЛАТА ЗА ДУШЕВНЫЙ КОМФОРТ

Этюд первый

На консультации к юристу приходят разные люди с самыми разнообразными проблемами. И за годы работы я повидал и услышал много всякого. Но этот случай запомнился особо, хотя разговор начинался, как и сотни других...

История эта произошла во второй половине 90-х годов прошлого века. Молодой парень, ему еще и двадцати лет не исполнилось, оформил в магазине кредит и купил «видеодвойку». Сейчас молодежь, увлеченная модными гаджетами, наверное, уже и не знает, что это такое. А это всего-навсего телевизор и видеомагнитофон. Наверное, в момент покупки, парню представлялось это очень крутым поступком. Ну, как же – «он может себе это позволить», он стал владельцем «видеодвойки»!

Из разговора я понял, что эта «видеодвойка» была обычным китайский или южнокорейским «ширпотребом», по сути, стоившая гроши, но продававшаяся по завышенным ценам.

Вот только цена покупки для парня оказалась слишком высокой. В самых разных смыслах этого слова. Расплатиться за кредит он не смог, быстро надоевшую видеотехнику в магазине принимать отказались и к незадачливому должнику пришли хмурые «выколачиватели долгов», очень специфической внешности и очень характерным сленгом... Сегодняшние коллекторы по сравнению с теми ребятами, наверное, выглядели бы как первоклассницы в воровском притоне. Встречались мне в судах и такие типы...

Крепко «попрессовав» пареньками, хмурые ребята ушли, предупредив, что мол, «счетчик включен» и «ты сам смотри»...

Я выслушал эту историю и стал изучать документы на покупку, кредитный договор и прочие бумаги. Замысел мой был в том, чтобы оспорить кредитный договор и не предусмотренную договором передачу задолженности третьим лицам, фирме «хмурых коллекторов». А парень, тем временем, продолжал ныть, что не может устроиться на «хорошую» работу...

Профессиональные юристы умеют игнорировать эмоциональную сторону той или иной проблемы клиента, но парень начал меня раздражать бестолковостью, инфантилизмом и нытьем. Изучая документы, мысленно я отвечал ему. В том смысле, что думать надо было не ложном престиже «крутого покупателя» видеотехники, а то том, как долги отдавать придется, о том, что в отсутствии «хорошей» работы, пока можно устроиться и

на «плохую» и начать зарабатывать... Но это все было только мысленно – «не гоже мораль читать клиенту»...

И вдруг прозвучала фраза, которая мгновенно прервала исследование документов и мой внутренний монолог.

- Может быть, мне почку свою продать, чтобы с долгами расплатиться?

Когда смысл фразы полностью дошел до моего сознания, я кажется, оторопел.

- Что? Почку продать?

- Ну да, у меня же их две... Помогите найти покупателя...

Потом я долго размышлял над вопросами человеческих ценностей. В моей голове не укладывалось соотношение покупки дешевой видеотехники и готовностью расстаться с внутренним органом. Это как же надо к себе относиться, чтобы ради временного и призрачного удовольствия обладать какой-то вещью, жертвовать анатомической целостностью своего организма?

Паренек не видел иных путей решения проблемы выплаты долга: перезанять, подработать, в самом плохом варианте – украсть... Вот почку продать ему казалось хорошим вариантом... А о том, что впереди вся жизнь с ее многочисленными покупками, как-то не думалось...

Одна из многих жертв извращенного понятия потребительского общества... Инфантильная, глупая и трусливая...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР

Этюд второй

Прокурор небольшого сельского района обычного много знает. Населения мало, жизнь каждого почти у всех на виду. Расследование по уголовным делам раскрывает даже не многочисленные тайны, ну, а надзор за милицией добавляет знания оперативной информации. Одним словом, секретов почти нет. Да и какие могли быть секреты в 1979 году у простого советского человека, живущего в зауральской глубинке?

Именно поэтому сцена в магазине, о которой я хочу рассказать, очень удивила меня. А дело было так... Вечером в пятницу, почти перед самым закрытием, я зашел за продуктами в поселковый магазин самообслуживания. Не удивляйтесь - холостые прокуроры даже в выходные дни желают кушать, а с продуктами питание получается как-то веселее...

... Впереди меня возле кассы встал какой-то мужичонка неопределенного возраста, одетый в старую фуфайку и ватные штаны, вытертую солдатскую шапку-ушанку с оторванными завязками, и обутый в замызганные кирзовые сапоги. Одно ухо у шапки было запачкано большим бурым пятном, очень подозрительно похожим на кровь... Как-то пришлось расследовать дело об убийстве топором, и подобная шапка с характерными пятнами была очень важным вещественным доказательством... Интересное было дело, но об этом как-нибудь в следующий раз.

С одного взгляда на этого покупателя было понятно, что пьет человек крепко, может быть, даже запойно... В руках у него с трудом помещались три бутылки водки, булка черного хлеба и пара банок дешевых рыбных консервов «Завтрак туриста». Мы в студенческие время звали эти консервы «Завтрак юриста»...

Зная, что для таких типов три рубля уже большие деньги, и обычно они довольствуются одной-двумя бутылками дешевого пойла с народным названием «бормотуха», я удивился, прикинув стоимость покупки. Набранным мужичком тянуло рублей на девять или десять. Понятно, что основная тяжесть в цене ложилась на три бутылки водки. Я прикидывал в уме – украл он что-нибудь в совхозе, да и продал по-быстрому, или у жены последний червонец стащил? Других версий, как основания для подобных «суперзатрат», у меня не возникало. Узость профессионального мышления – это, между прочим, не выдумки психологов, а факт достоверный. Молодость следственная у меня была тревожной – убийства да изнасилования, должностные преступления, включая даже расследование мелких взяток и крупных приписок! Вот фантазии и засохли...

У меня, прокурора района, юриста первого класса, зарплата была аж 230 рублей! Поэтому и бытовые покупки на десять рублей я совершал далеко не каждый день. А тут... Украл, точно украл что-нибудь мужичёк. Завтра из сводки по району узнаю что-нибудь про хищение стройматериала или комбикормов. Теоретически, конечно, он мог заработать, помогая кому-то по хозяйству. Но больше трех рублей за день в день в нашем селе физическим трудом не заработаешь, а на работника умственного труда этот тип совершенно не походил. А уже если кто-то из подобной публики «подкалымил» бы, то уж водку точно бы покупать не стал. Дорого! Вы знаете, сколько флакончиков жидкости от пота для ног, изготовленной на спиртовой основе, можно купить на пять рублей? Вот то-то и оно... Конечно, печень человека, как может сопротивляется, перерабатывая жидкость для ног, употребленную во внутрь... Но по мозгам она бьет сильнее водки! Нет, сам я не употреблял такое пойло – зато расследовал убийства, совершенные в состоянии сильного алкогольного опьянения после трех таких флакончиков... А на допросах по делам об убийствах много интересного узнать можно – как правило, тут люди не лгут, и про выпивку рассказывают подробно... Вот про убийства стараются промолчать, а про выпивку – запросто!

Отвлечшись на воспоминания, я пропустил развитие ситуации возле кассы. - Сдачи не надо, - слышались слова мужичка. Слова-то я услышал, но до конца не осознал их.

- И мне не надо твоих денег, - сварливо ответила пожилая кассирша. Намного позднее, понял я, что сказано это было не для покупателя, а для меня - районного прокурора. Это я не знал продавцов и кассиров в поселковых магазинах, а уж они-то меня в лицо за прошедшие полгода точно узнали.

Глянув на желтую пластмассовую тарелочку, стоявшую возле кассы, я увидел на ней четыре мятых десятирублевых купюры и несколько монет. Значит, правильно было мое определение стоимости чужой покупки, самодовольно подумал я и замер... Он расплатил-

ся пятидесятирублевой?! И «Сдачи не надо»?!! Про то, что существуют еще и сотенные купюры, я в тот момент даже не вспомнил! Хотя, в принципе, можно и «соткой» расплачиваться. Но тогда на сдачу пришлось бы девяносто рублей...

Пока я стоял ошарашенный, мужик сложил покупки в рваную и грязную авоську и вышел из магазина. Нет, рот, безусловно, у меня был закрыт и челюсть не отпала... Но так терялся я раньше всего пару раз за всю сознательную жизнь.

Кассирша, видимо, по своему, истолковала мое молчание, и продолжала ворчать: - Сдачу ему не надо... не надо так не ходи с крупными деньгами... я ему последние десятки отдала, а вдруг еще народ придет перед самым закрытием... Не заработанное тратить легко, а вот если бы сам повкалывал... Наследнички... в горло вашу мать...

Я очнулся, вспомнил профессиональные навыки и еще через пару-тройку минут уже знал, что богатого покупателя зовут Федька, живет он в поселке всю жизнь, пить начал еще в седьмом классе, работать не любил, но раньше все же приходилось это делать... А потом получил Федька «агромальное наследство» и вот уже почти год пропивает с друзьями-собутыльниками «бешенные деньжищи»...

В субботу утром выяснил и остальное. Наследство действительно было огромное – пятьдесят тысяч... канадских долларов! То ли двоюродная бабушка, то ли троюродная тетушка завещала всё единственному родственнику. Канадские юристы с помощью адвокатов советской Инюрколлегии нашли наследника в нашем благословенном крае. После оформления необходимых документов, Федька, вступив в наследство, получив валюту полноценными советскими рублями... И загуляла вся районная пьянь... Федька в выпивке никому не отказывал, щедрой души был человечеще... А я-то еще удивлялся, что в районе понизился уровень краж по сравнению с прошлыми годами, но возросли случаи смертельного исхода от алкогольной интоксикации и несчастных случаев, а также драк на бытовой почве...

Федька тоже протянул не больше года... Канадское наследство для него было смертельным ударом... по мозгам и печени... Как говорится, «не в коня пошел корм»...

Что стало с остатками наследства? Не знаю. Не сумел Федька всё пропить – это точно, а подробностями не интересовался. Не в моих правилах считать деньги в чужих карманах, даже если они шальные...

Друзья, прекрасен наш союз!

(хроника Ассоциации писателей Урала)

4–7 ноября 2018 года прошли Маминские дни в Алтайском крае. 4 и 5 ноября писатели- гости из Урала, Поволжья и Западной Сибири выступили в 15 библиотеках Барнаула и ещё восьми городов и сёл региона, приняли участие в торжественном собрании, посвящённом Дню народного единства.

6 ноября в краевой научной библиотеке им. В.Я. Шишкова состоялась XIX конференция АСПУр, в которой приняли участие Губернатор Алтайского края В.П. Томенко, Министр культуры региона Е.Е. Безрукова, Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей, первый секретарь СРП С.В. Василенко, секретарь СПР В.Ф. Кирюшин, секретарь Союза писателей Белоруссии С.А. Трахимёнок. С докладом: «Земля и Слово: о месте и роли писателя в России» выступила секретарь СПР, кандидат культурологии, профессор ЧГИК Н.А. Ягодинцева, с содокладом «Писатели Русского Зарубежья и отечественная словесность» – секретарь СП Москвы, доктор исторических наук Л.У. Звонарева.

В этот же день в ГМИЛИКа состоялась церемония вручения Всероссийской литературной премии им.Д.Н. Мамина Сибиряка. Лауреатами её стали: Валерий Котеленец (Барнаул), Геннадий Скарлыгин (Томск), Анатолий Шалин (Новосибирск), Владимир Петров (Оренбург), Борис Бурмистров (Кемерово), Мамед Орудж (Баку) и Алевтина Сержантова (Надым).

7 ноября в краевой научной библиотеке им. В.Я. Шишкова состоялись мастер-классы для молодых литераторов региона, которые провели А.Кердан и Н.Ягодинцева (поэзия), Л. Быков и А.Титов (проза).

17 марта 2019 года в Каменск-Уральском театре драмы состоялось подведение итогов XXI-го Рождественского поэтического конкурса, учредителями которого являются Ассоциация писателей Урала, Екатеринбургское отделение Союза писателей России, управление культуры Каменска-Уральского, городское литературное объединение, а также газеты «Новый Компас» и «Каменский рабочий». В конкурсе приняло участие 184 автора из Екатеринбурга, Челябинска, Кургана, Тюмени, Абакана, Нижнего Новгорода, Иваново, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Международный статус конкурсу обеспечила участница из Белоруссии. В основном конкурсе победили Ия Сотникова (пос. Цементный Невьянского района), Марина Перова (Курган) и Марина Демчук (Серов). В других номинациях награды получило более двадцати поэтов из разных регионов России.

12–13 апреля 2019 года в Челябинске состоялось X-е Межрегиональное совещание молодых авторов прошло. Его участниками стали 118 молодых литераторов из Кемерово,

Ленинска-Кузнецкого, Юрги, Красноярска, Омска, Уфы, Белорецка, Екатеринбургa, Каменска-Уральского, Кургана, Тюмени, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Новокуйбышевска, Краснодарa, Липецка, Мурманска, Санкт-Петербургa и Москвы, а также из 15 городов, поселков и сёл Челябинской области. Сoвещание рекомендовало Липецкой и Челябинской областным и Краснодарской краевой организациям СПР рассмотреть вопрос о приеме в Союз Анны Чернышевой и Анны Мамаенко, Валерии Литвиненко и Юлии Линниковой.

29 апреля 2019 года состоялась девятая церемония вручения Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева (соучредители – АСПУр, Уральское отделение Литфонда РФ, внук поэта С.Григорьев). Лауреатами премии стали Н.И. Година (Челябинск), Ю.А. Куксин и С.А. Комаричева из Екатеринбургa.

6 июня 2019 года в Пушкинский день по инициативе Ассоциации писателей Урала в Екатеринбургe, Челябинске и поселке Первомайском Челябинской области состоялась акция «Бессмертный полк русской литературы», в которой приняло участие более 300 человек.

7 июня 2019 года в резиденции полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе прошла восьмая торжественная церемония вручения литературной премии УрФО. На конкурс поступило более 30 работ из разных регионов России. Заместитель полномочного представителя Президента России в УФО Б.А. Кириллов вручил премии, дипломы и знаки лауреатам. Ими стали: Павлов Олег Николаевич (Челябинск) и Зиганшин Камиль Фарухшинович (Уфа) – в номинации «Проза»; Беляков Сергей Станиславович (Екатеринбург) и Арефьев Вадим Александрович (Москва) – в номинации «Публицистика и краеведение»; Рудт Александр Яковлевич (г. Краснотурьинск Свердловская область) и Шангина Светлана Владимировна (г. Реж, Свердловская область) – в номинации «Поэзия». Специальных премий удостоены: С.С.Динисламова (ХМАО-Югра), А.П. Новопашин (Тюмень) и К.А.Шишов (Челябинск).

Сентябрь 2019 года в Екатеринбургe под эгидой АСПУр и Екатеринбургского отделения Союза российских писателей и издательства «МАРАФОН» состоялся очередной международный поэтический фестиваль-марафон «Поэтическое единство» в котором приняло участие более 200 поэтов из разных регионов России.

28 сентября 2019 года в городе Коркино Челябинской области под эгидой Администрации муниципального района и Ассоциации писателей Урала состоялись пятые Кердановские литературные чтения, в которых приняли участие более двадцати писателей, музыкантов и артистов из различных городов Челябинской, Свердловской, Тюменской областей и ХМАО-Югры.

Январь–ноябрь 2019 года – в издательстве «АСПУр» вышли в свет десять книг, среди которых антология «Уральский меридиан», включившая в себе произведения 90 авторов УрФО о родном крае, и восемнадцатый номер литературно-художественного альманаха «Чаша круговая».

4–6 ноября 2019 года в Сыктывкаре состоялась XX конференция АСПУр, церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и совещание молодых литераторов-переводчиков.

ОБ АВТОРАХ

Любовь АНУФРИЕВА. Родилась в 1987 году в селе Гам Ижемского района. Окончила Сыктывкарский государственный университет, коми филологический факультет. Работала в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). Преподавала в школе русский и коми языки. Сейчас работает в музее им. И. А. Куратова. Автор нескольких книг стихов. Победитель двух республиканских поэтических конкурсов. Живет в Сыктывкаре.

Сергей АРУТЮНОВ. Родился в 1972 году в Красноярске. Автор 16 книг стихотворений, прозы и публицистики, рецензент современной художественной и духовной литературы. Окончил в 1999 году Литературный институт им. А. М. Горького, где с 2005 года работает преподавателем. Также является научным сотрудником Издательского Совета Русской Православной Церкви. Живёт в Москве.

Елена АФНАСЬЕВА. Родилась в селе Важгорт Удорского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Стихи публиковались в журналах «Арт», «Юность», «Наш современник», альманахе «Белый бор». Автор нескольких книг стихов. Член Союза писателей России. Лауреат премии А.Ванеева. Литературный консультант Союза писателей Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

Николоз БАРАТАШВИЛИ (1817-1845). Классик грузинской и мировой литературы, стоит в одном ряду с М. Лермонтовым, П. Шелли, Ш. Петефи, считается вторым после Шота Руставели по значению поэтом Грузии. Творческое наследие насчитывает 37 стихотворений и 1 поэму.

Анжела БЕЦКО. Родилась в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор трех поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Член Союза писателей России. Живет в городе Нефтеюганске ХМАО-Югра.

Мария ВАГАТОВА (ВОЛДИНА). Родилась в 1936 году. Член Союза писателей России. Почетный гражданин ХМАО-Югры. Автор многих книг на хантыйском и русском языках. Лауреат международных и всероссийских литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Ханты-Мансийске.

Анастасия ВИТЮКОВА. Родилась в Сибири. Учится на третьем курсе в юридической академии в Екатеринбурге. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Ольга ВОРОБЬЁВА. Родилась и живет в городе Петушки Владимирской области. Окончила Покровское педучилище и Литературный институт им. А. М. Горького. Много лет работала на рынке. Публиковалась в Литературной газете, журнале Мурзилка и других периодических изданиях и альманахах. Выпустила книгу стихов «Познакомьтесь: это я!». В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Елена ГАБОВА (СТОЛПОВСКАЯ). Родилась в Сыктывкаре. Лауреат международных литературных премий В.Крапивина, А.Толстого, Всероссийской премии им.П.Бажова (2010), Российской премии им. А. Грина (2016), премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И.А.Куратова. Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Добрая лира» (2010). Финалист национальной детской премии «Заветная мечта» (2008). Автор более 40 книг для детей и юношества, вышедших в Москве («Эксмо», «Аквилегия-М», «Время»), Киеве, Сыктывкаре. Две книги опубликованы в Японии в издательстве «Гаккен». Рассказы и повести переводились на немецкий, английский, японский, норвежский языки. Публиковалась в журналах «Кукумбер», «Костер», «Пионер», «Юность», «Слово», «Наш современник», «Таллинн», журналах Японии. Народный писатель Республики Коми. Живет в Сыктывкаре.

Князь ГОЧАГ (ГУРБАНОВ КНЯЗ ГОЧАХ ОГЛЫ). Родился 26 декабря 1954 года в селе Шахсеван Ждановского района Азербайджанской ССР. Автор двух книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России и Азербайджана, Почетный гражданин города Пыть-Ях ХМАО. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, премии «Югра» и других. Живёт в г.Пыть-Яхе ХМАО-Югра.

Игорь ГУРЕВИЧ. Родился в 1960 году в Архангельске. Окончил Архангельский пединститут. Работал директором школы, заведующим кафедры института усовершенствования учителей. Член Союза писателей России. Автор 7 книг стихов и прозы. Лауреат литературной премии «Наследие». Живет и работает в Архангельске.

Лариса ДЕГТЯРЁВА. Родилась и живет в Астрахани. Окончила Астраханский государственный технический университет по специальности «Водные биоресурсы», работает научным сотрудником в Каспийском НИИ рыбного хозяйства. Автор 5 поэтических сборников и книги прозы. Член Союза российских писателей.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ. Родилась в 1961 году в Омске. Секретарь правления Союза писателей России, член Координационного Совета Ассоциации писателей Урала, председатель Правления Омской областной общественной организации СПР, член-корреспондент «Академии поэзии». Автор восьми книг. Стихи переводились на белорусский, немецкий и болгарский языки и легли в основу нескольких песенных компакт-дисков. Лауреат многих региональных и всероссийских литературных премий, в том числе: Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Ершова, А. А. Фета, литературной премии УрФО. Награждена тремя медалями. Живёт в Омске.

Александр КЕРДАН. Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 65 книг стихов и прозы. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живет в Екатеринбурге.

Елена КОЗЛОВА (ВЕТОШКИНА). Родилась 14 февраля 1954 года в деревне Лыаты Усть-Вымского района Коми АССР. Закончила филологический факультет Коми пединститута. Председатель правления Коми-республиканской писательской организации. Секретарь правления Союза писателей России. Заслуженный работник Республики Коми. Автор многих книг рассказов и сказок. Живёт в Сыктывкаре.

Владимир КОРНИЛОВ. Родился 10 января 1947 года в селе Октябрьское В 1987 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал токарем, шлифовщиком, конструктором, начальником смены на Производственном объединении «Сибтепломаш». С 1994 г. и по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска педагогом-методистом высшей квалификационной категории. Автор 16 поэтических книг, двух книг прозы и четырех книг для детей. Член Союза писателей России. Живет в г.Братске Иркутской области.

Юрий КУКСИН. Родился в 1958 году. Служил в МВД. Полковник в отставке. Участник боевых действий в Чечне. Член Союза российских писателей. Автор 2 поэтических книг. Кавалер нескольких государственных и многих ведомственных наград. Лауреат Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые. Живёт в Екатеринбурге.

Владимир КУРБАТОВ. Родился в 1949 г. в Баку Азербайджанской ССР. Окончил златоустовскую среднюю школу, Челябинский политехнический институт по специальности «инженер-металлург». Работал на Златоустовском металлургическом заводе, редактором многотиражных, городских и областных газет. Лауреат литера-

турного конкурса им. Иоанна Златоуста (г. Златоуст, 1995). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка за сборник стихов «Акупунктура сердца». Член Союза писателей России. Живёт в Челябинске.

Лев ЛЕБЕДЕВ. Участник межрегионального совещания молодых литераторов в Челябинске. Живёт в Санкт-Петербурге. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

София МАКСИМЫЧЕВА. Родилась в Ярославле, где и живёт по настоящее время. Училась в техническом вузе. Работала в государственных учреждениях, звукооператором на радио, занималась частным бизнесом. Публиковалась в литературных альманахах и журналах, в коллективных сборниках. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Анна МАМАЕНКО. Родилась в 1982 году. Работает собственным корреспондентом в общероссийской газете «Тайное и явное». Автор двух книг стихов. Живёт в Краснодаре. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Ольга МАРКОВА. Родилась и живет в Астрахани. Окончила исторический факультет Астраханского государственного института, работает пресс-секретарем Астраханского музея-заповедника. Автор нескольких поэтических сборников, публиковалась во многих журналах России. Член Союза российских писателей.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Родилась в Москве в 1943 году. Окончила Коми педагогический институт. Работала учительницей английского языка и журналистом в газетах. Ведёт творческий семинар в УГТУ в городе Ухта. Доцент кафедры СО гуманитарного факультета университета. Автор более десяти сборников стихов и многих публикаций в литературных журналах России. Народный поэт Республики Коми. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии «Северная звезда» Республики Саха (Якутия) и Союза писателей России, Большой литературной премии России. Живет в Сыктывкаре.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ. Родился 13 июня 1953 года в г. Хмельнике Винницкой области. Работает врачом-психотерапевтом. Руководитель нескольких научных экспедиций. Автор более 30 научных работ по этнологии, истории, демографии. Лауреат литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, премии Губернатора ХМАО (трижды), Литературной премии УрФО, Международной премии «Югра». Автор 11 книг прозы и краеведения. Награждён медалью АСПУР «За служение литературе», медалью им. В. М. Бехтерева. Живёт в Нижневартовске.

Екатерина НАГОВИЦЫНА. Родилась на Среднем Урале. Майор МВД. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Награждена орденом Мужества. Служит в Екатеринбургском СОБРе. Член Союза российских писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева. Живёт в Екатеринбурге.

Анастасия НИКОЛЕНКО. Родилась 10 апреля 1990 года. Первый сборник стихотворений был выпущен в 2011 году. Работает преподавателем с 2012 года. Кандидат политических наук. Автор трёх сборников стихов. Член Союза писателей России, директор издательства «Дальиздат». Живёт во Владивостоке.

Наталья НИКОЛЕНКОВА. Родилась в Барнауле. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Работала учителем в школе, корреспондентом газет и телевидения, диджеем на музыкальных радиостанциях. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат Демидовской премии в области литературы и нескольких краевых литературных конкурсов. Живет в Барнауле.

Андрей НОВИКОВ. Родился в 1961 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор 5 книг стихов. Член Союза писателей России. Живёт в Москве. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Нина ОБРЕЗКОВА. Родилась и выросла в селе Глотова Удорского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Автор поэтических сборников на коми языке и в переводах на русский, английский, венгерский, немецкий, французский, эстонский языки и языки народов России. Член Союза писателей России. Член правления Международной Ассоциации финно-угорских литераторов. Награждена Рыцарским крестом Ордена Заслуг Венгрии. Живет в Сыктывкаре.

Александр ОРЛОВ. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, права, и литературы в школе. Автор пяти стихотворных книг и двух книг прозы. Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы им. А. П. Платонова, Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии им. Ф. Н. Глинки, всероссийской литературной премии «Очарованный странник» и других литературных наград. Живёт в Москве.

Сергей ПАВЛОВ. Член Союза писателей России. Ветеран МВД. Автор многих книг прозы. Живёт в Кемерово. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Юрий ПАВЛОВ. Родился в 1951 году. Окончил Свердловский горный институт, кандидат геолого-минералогических наук. Живет в Екатеринбурге. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Алексей ПАНИН. Живёт в Челябинской области. Участник литературного объединения. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Илья ПОПЕНОВ. Родился 27 декабря 1986 года в Свердловске. Окончил школу с серебряной медалью, факультет издательского дела и журналистики МГУП им.И.Фёдорова. Автор книги прозы «День света: чудеса и тайны». Лауреат национальной премии «Дебют» 2002 года в номинации: «За мужество в литературе». В «Чаше круговой» публикуется впервые. Живёт в Екатеринбурге.

Андрей ПОПОВ. Родился в 1959 году в Воркуте. Окончил филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград». Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Никита ПОПОВСКИЙ. Родился в 1993 году в посёлке Первомайский Челябинской области. Окончил Челябинский педагогический институт. Работает библиотекарем в Коркинской центральной межпоселенческой библиотеке им. А.Кердана. Руководит молодёжным поэтическим клубом. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Роман ПОПЛАВСКИЙ. Родился в 1986 году. Окончил Тюменский государственный университет. Участник нескольких совещаний молодых писателей. Живёт в Тюмени. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Александр ПОПОВСКИЙ. Родился в 1962 году в посёлке Астрахановка Актюбинской области. Автор 5 поэтических сборников. Участник двух Всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат премии Россий-

ского творческого союза работников культуры, Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева. Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Первомайском Челябинской области.

Александр РАЕВСКИЙ. Родился в 1951 году в с. Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Печатался в областных, региональных, центральных журналах, в коллективных сборниках. Автор шести поэтических книг. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

Андрей РАСТОРГУЕВ. Родился в 1964 году в Магнитогорске Челябинской области. Член Союза писателей России. Кандидат исторических наук. Автор 8 книг стихов, переводов и критики. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Государственной премии Республики Коми. Живёт в Екатеринбурге.

Алексей РЫКОВ. Родился в 1953 году в Белгородской области, окончил Челябинское высшее военное командное автомобильное училище, полковник в отставке, награжден орденом «За военные заслуги», медалью «За боевые заслуги» и другими. Публиковался в периодической печати. Живёт в Екатеринбурге.

Максим СЕРГЕЕВ. Родился в Екатеринбурге. Окончил УрГУ. Стихи публиковались в периодической печати. Участник двух международных совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском в 2011 и 2013 годах. Живёт в городе Богдановиче Свердловской области.

Наира СИМОНЯН, Родилась в селе Эштия в Грузинской ССР в 1971 году. Окончила филологический факультет Ереванского пединститута. Автор 2 поэтических книг. Живет и работает в Сургуте.

Сергей СИМАНОВ. Родился в 1964 году в Каменске-Уральском Свердловской области. Работает начальником отдела социально-культурного центра. Член Союза писателей России. Автор двух сборников стихов. Живет в Каменске-Уральском.

Александр СУВОРОВ. Родился в 1946 г. на станции Бира Еврейской Автономной области. В 1947 году его родители переехали в Сыктывкар. Окончил Коми государственный педагогический институт. Работал журналистом. Автор нескольких поэтических сборников. Печатался в альманахах, коллективных сборниках, журналах. Лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

Петр СТОЛПОВСКИЙ. Родился в 1943 году в городе Ачинск Красноярского края. Родился в эвакуации, в семье журналиста. С 1973 г. живет в Сыктывкаре. Окончил филологический факультет Коми государственного педагогического института. Автор нескольких книг прозы. Переводчик на русский язык произведений коми писателей, коми фольклора. Выпустил ряд сборников переложений коми народных сказок. Составлял и редактировал энциклопедические сборники, альманахи о Коми крае. Сборник «Коми – край далекий и близкий» удостоен Диплома и II-й премии Всероссийского конкурса «Моя малая родина». Лауреат II-ой премии Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей и юношества, премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И.А. Куратова. Член Союза писателей России. Народный писатель Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

Арсен ТИТОВ. Родился в 1948 году в Бирском районе Башкирской АССР. Сопредседатель Союза российских писателей. Автор 26 книг прозы. Дважды лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат Все-

российских премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и Генералиссимуса А. В. Суворова, лауреат международной литературной премии «Ясная поляна». Председатель Екатеринбургского отделения СРП. Живёт в Екатеринбурге.

Алиса ТУЛЬЧИНСКАЯ. Родилась в 2002 году в Миассе. Окончила среднюю школу. Участница Челябинских межрегиональных поэтических семинаров. Автор книги стихотворений.

Элина УЛЬЯНОВА. Живёт в городе Королёве Московской области. Занимается в литературном клубе «Феникс». Стихи публиковала в альманахе «Финист» и в городской газете. Победительница поэтического конкурса «Заявляю о себе» 2017 года, проводимого газетой «Бизнес-проспект».

Валерий ФОКИН. Родился в 1949 году в селе Пищалье Кировской области. Несколько лет руководил областной писательской организацией. Автор одиннадцати поэтических сборников, двух книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого, Литературной премии УрФО и других наград. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове.

Айдар ХУСАИНОВ. Родился в 1965 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал корреспондентом и главным редактором газеты. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. Живёт в Уфе.

Лана ШАНГИНА. Родилась в 1969 году в городе Реж Свердловской области. Директор издательства «АсПур». Автор нескольких поэтических книг, переводчик с итальянского и на итальянский. Член Союза российских писателей. Лауреат Литературной премии Уральского федерального округа. Живёт в г. Реж Свердловской области.

Михаил ЧЕРВЯКОВ. Родился в 1985 году. Участник межрегионального совещания молодых литераторов в Челябинске. Живёт в Липецке. Работает в типографии. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Нина ЯГОДИНЦЕВА. Родилась в 1962 году. Кандидат культурологии, доцент. Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. П. П. Бажова, Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в Челябинске.

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ. Родился в 1959 году в Зауралье. Окончил юридический институт. Находится на государственной службе. Член Союза российских писателей. Автор четырёх книг рассказов и миниатюр. Живёт в Ханты-Мансийске.

ЧАША КРУГОВАЯ

Литературно-художественный альманах
№ 18

Редакторы-составители:
Кердан Александр Борисович
Титов Арсен Борисович

В оформлении использована графика Ю. Филоненко

Компьютерная верстка С. В. Шангиной

Издательство «АсПУр»
620158, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 11. 05. 2019 г. Подписано в печать 09. 07. 2019 г.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага ВХИ-80.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Тираж 500 экз. Заказ 969.

Отпечатано в ОАО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22
Тел. : (34364) 2-15-32, 2-25-03